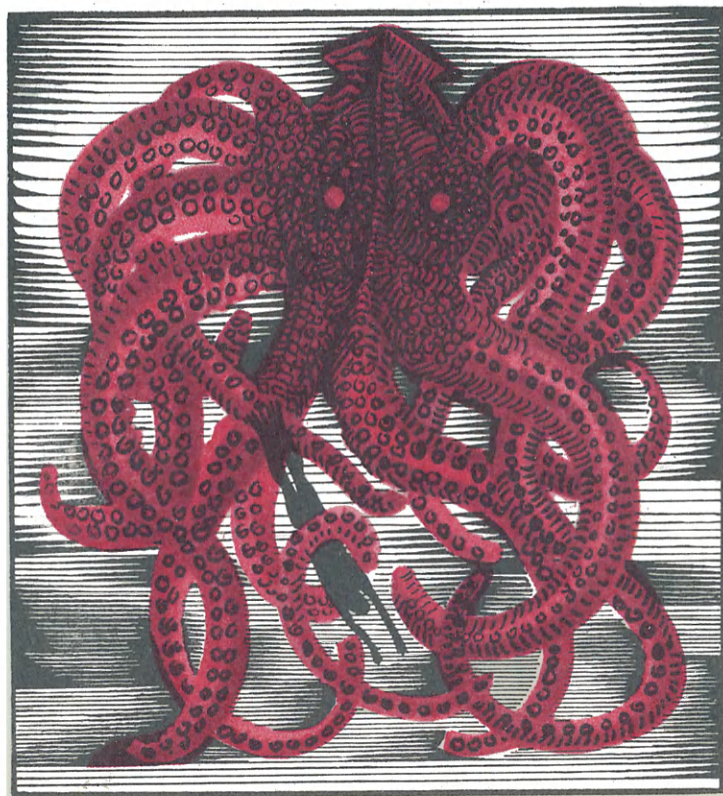
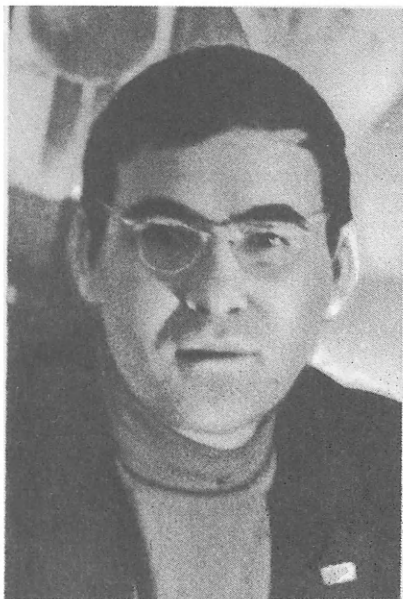

Библиотека советской фантастики

СЕРГЕЙ ПАВЛОВ **ОКЕАНАВТЫ**

ОБ АВТОРЕ

Сергей Иванович Павлов родился в 1935 году в городе Бердянске, учился в городе Сочи.

С 1957 года начал работать в геологических экспедициях, пройдя профессиональный путь от техника-оператора до инженера-геофизика. Поиски нефти, газа, редких металлов приводили С. Павлова в пески Каракумов и Кызылкума, Голодную степь, горы Таджикистана, сибирскую тайгу и просторы Арктики.

Впервые как писатель С. Павлов выступил в 1962 году, приняв участие в Международном конкурсе фантастики, организованном журналом «Техника — молодежи», и получив премию за рассказ «Банка фруктового сока». С тех пор были опубликованы его научно-фантастические повести: «Корона солнца» [1967], «Ангелы моря» [1967], «Акванавты» [1969], «Чердак вселенной» [1971], а также фантастико-приключенческие повести «Аргус против Марса» [1966] и «Кентавр выпускает стрелу» [1966], написанные в соавторстве с писателем Н. Я. Шагуриным.

БИБЛИОТЕКА
СОВЕТСКОЙ
ФАНТАСТИКИ

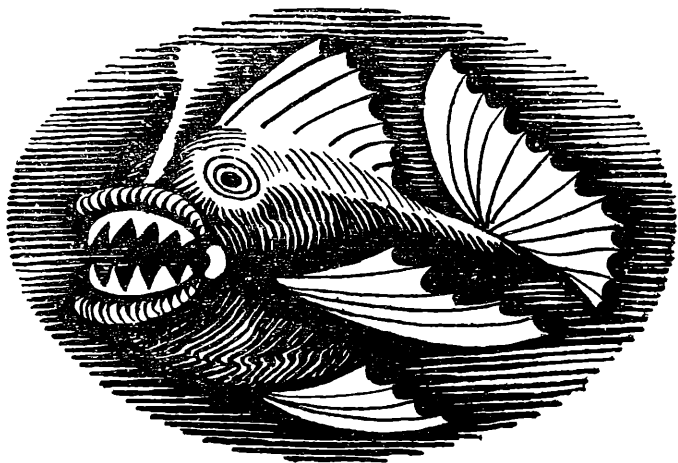
СЕРГЕЙ ПАВЛОВ
ОКЕАНАВТЫ

*Научно-фантастические
повести*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», 1972

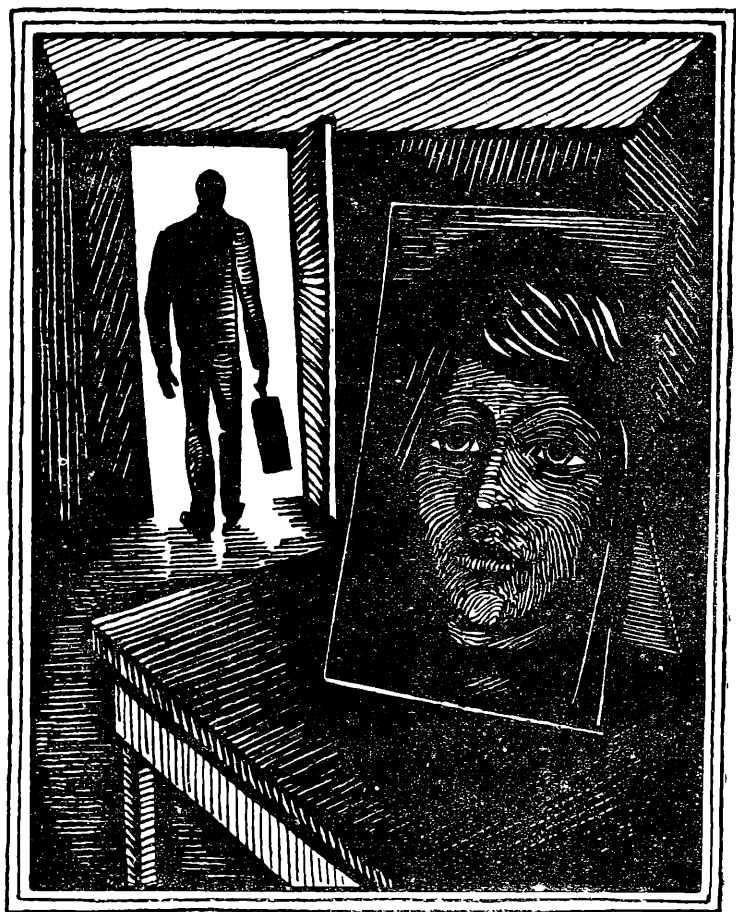
P2
Π12

$$\frac{7-3-2}{202-72}$$

ОКЕАНВТЫ

ПОЙДИ ТУДА — НЕ ЗНАЮ КУДА...

Радист обернулся. На него смотрел Дуговский. «Что нового?» — понял он по движению губ.

— Ничего, сэр. На волне мезоскафа* по-прежнему только одни позывные.

Дуговский нервно дернул щекой.

— Скверно, мы уже в двух милях от мезоскафа, — сказал он и вышел из радиорубки.

Раздвигая носом шипящие буруны, судно полным ходом шло на восток, в предрассветную мглу океана. Параболические зеркала антенн торопливо вращались, над ними искрилась россыпь южных созвездий.

На освещенном полубаке — молчаливые фигуры людей. Глаза и бинокли устремлены туда, где на темной поверхности океана изредка вспыхивали алые зарницы. Дуговский взглянул в бинокль: его ослепила яркая малиново-красная вспышка.

— Дайте свет, — негромко распорядился Дуговский.

Судно застопорило машины. В полутора кабельтовых, поблескивая влажными боками под лучами прожекторов, покачивался на волнах аппарат сферической формы.

— К спуску катера стоять по местам! — раздалась команда с капитанского мостика.

Топот, суета у правого борта.

— Кон, вы готовы? — не оборачиваясь, спросил Дуговский.

— Разумеется. — Высокий человек в очках взял за ремень медицинскую сумку. — Но я не уверен, что там кто-нибудь есть.

— Вы не очень внимательны, Кон, — нахмурился Дуговский.

---

* Мезоскаф — аппарат для погружения в средние глубины океана.

Врач досадливо поправил очки.

— О, люк мезоскафа открыт! — и он заторопился в катер.

Заложив руки за спину, Дуговский вышагивал по палубе. Люди сторонились его, но он никого не замечал.

Долговязая фигура доктора ступила за борт катера и нырнула в люк мезоскафа. Дуговский замер, ухватившись за поручни.

Минута. Две. Три... Время словно остановилось. Наконец из люка вылез... нет, скорее выполз обнаженный по пояс человек. Следом выскочил доктор. Обнаженный, взмахнув руками, свалился в воду, за ним бросился доктор. Потом какая-то возня на катере, крики матросов, рокот мотора...

Первым поднялся на палубу рулевой катера. Зажимая пятерней разбитый нос, сказал:

— Джентльмены, тем, кто не желает получить по фотокарточке, советую держаться в стороне. У этого парня железные кулаки! К тому же он, кажется, спятил.

Двое дюжих матросов под руки ввели на палубу полураздетого. Он диковато озирался.

— Дюмон!.. — воскликнул Дуговский, взглядевшись.

На подбородке врача багровела ссадина. Он вышел из катера мокрый, без сумки и без очков. Жестом приказал увести Дюмона. Обратился к окружающим:

— Дайте сигарету.

Жадно закурил. Потом вдруг тоном повыше:

— Вы все свободны, — и к Дуговскому: — Леон, может быть, вы прикажете им разойтись?

Люди разбрелись. «Это как дурной сон! — думал Дуговский. — Бестолковый, невозможный сон!»

— Кон, Дюмон был один в мезоскафе? Что с ним? Я с трудом узнал его.

— Делать преждевременные заключения не в моих правилах, — нехотя ответил врач. — Но, учитывая слож-

ность обстановки, я, пожалуй, рискну. Невроз страха. Явные признаки умственного расстройства... Но, повторяю, этим предварительным диагнозом вы можете пользоваться только до тех пор, пока не будет получено более авторитетное заключение психиатров.

— Спасибо, Кон. Мне кажется, иного заключения и не будет...

Врач помолчал, с близоруким прищуром глядя Дуговскому прямо в лицо. Потом спросил:

— Что вы собираетесь делать, Леон?

— Делать?.. — Дуговский приглаживал на лысине несуществующий вихор. — Кон, на первых порах вы должны мне помочь.

— Вы надеетесь, я разрешу вам допрашивать больного?

— Вы неудачно выбираете выражения. Мне нужно с ним поговорить. Немедленно. Я понимаю, Кон, мое желание идет вразрез с вашими представлениями о врачебной этике, но посоветуйте мне что-нибудь иное. И поскорее, мешкать нельзя: второй наблюдатель на станции, глубоко под водой, и, вероятно, нуждается в помощи.

Врач выдохнул дым, бросил окурок за борт.

— Хорошо... Но вряд ли что-нибудь из этого выйдет: Дюмон невменяем. Даю вам десять минут. Может быть, меньше. Если я подам знак, вы уйдете.

— Согласен.

Дуговский вышел, пятясь, и медленно прикрыл за собою дверь с медицинской эмблемой. Змея и чаша... И как змея, нехорошая мысль: «Не миновала нас чаша сия! Иезус Христус, Дева Мария, поистине тому, который остался там, в глубине, лучше погибнуть, чем быть лишеным разума, как Дюмон»!

Судно покачивало. Дуговский, широко расставив

ноги, смотрел на уходящие в коридорную перспективу ряды плафонов и ждал. Хотя понимал, что ждать, собственно, нечего. Наконец вышел врач. На белом халате пятна от мокрой одежды.

— Леон, я сожалею, что не сумел отговорить вас от этой затеи.

— Как он там сейчас?

Врач пожал плечами:

— Спит. Я ввел ему снотворное. Пока это все, что я могу сделать.

Дуговский почувствовал странное облегчение.

— Хорошо, мы как можно скорее отправим Дюмона на континент.

— Не позже завтрашнего дня, — сказал врач. — В Сиднее, мне помнится, есть отличная клиника этого профессора. Частная, правда, но я полагаю, наш институт пойдет на любые расходы...

— Разумеется, — перебил Дуговский. — Извините, तोплюсь. У вас тоже сегодня прибавится дел. Я имею в виду Болла. Пришлю его к вам примерно через час, будьте готовы.

— Можно и раньше. Он давно у меня не был, нужно сделать анализы...

— Надеюсь, Кон, вы понимаете, что дело срочное.

— Понимаю. Один вопрос, Леон. Болл пойдет туда без напарника?

— Ни в коем случае.

— Правильно, — одобрил врач. — Как минимум двое... Но где вы возьмете второго? Болл — единственный на судне человек-рыба.

— Эту проблему мне и предстоит сегодня решить, — сказал Дуговский.

— Желаю удачи. Да, кстати, мой вам совет: Боллу и его будущему напарнику вовсе не обязательно знать

о несчастье, постигшем Дюмона. То есть дать кое-какую информацию, конечно, придется, но постарайтесь оттянуть разговор до самого погружения. И без этих... — врач ткнул пальцем в дверь, — живописных подробностей.

— Все уже знают.

— Не все. Час довольно ранний... Предупредите своих коллег и корабельную команду.

— Сомнительное предприятие... Но вы, наверное, правы.

Дуговский кивнул и повернулся, чтобы уйти. По коридору навстречу шел сменившийся с вахты радист.

— Вас разыскивает помощник капитана, — сказал он, когда они поравнялись. — Всплыл радиобуй-автомат типа «Ремора». Нет, нет, никакой передачи, одни позывные. Он всплыл по графику, я проверял.

— Кто там у вас на вахте?

— Го Пин и Ян Нееды. На радарх — Окада Сокура.

— Хорошо, Фриц, отдыхайте, — сказал Дуговский.

Суеверно подумал: «Несчастливый радист. Только заступит на вахту — жди неприятностей».

Распахнув двери штурманской рубки, Дуговский зажмурился: через широкое окно переднего обзора были лучи утреннего, но уже горячего солнца, обещая знойный тропический день.

— Доброе утро, Джеймс.

Неразговорчивый штурман кивнул. Дуговский окинул взглядом приборы, стенды навигационных машин, шагнул к наклонному экрану карт-вариатора. Впился глазами. Штурман спросил:

— Какой квадрат, сэр?

— Вся акватория Индийского океана.

Штурман недоуменно посмотрел Дуговскому в спину, пожал плечами и повернулся к приборам.

— Готово, сэр.

— Будьте любезны, дайте фильтр на окно — солнце мешает.

Полость между стеклами быстро заполнилась коричневой жидкостью — светофильтром. Все в рубке окрасилось в йодистый цвет. Дуговский окинул взглядом карту Индийского океана.

Обращаться за помощью на континент ему не хотелось. Он даже не взглянул на серую краюху западного побережья Австралии. Он знал, что мельбурнский Комитет по глубоководным исследованиям весьма неохотно откликается на подобные просьбы: у самих, дескать, дел по горло. Поможет разве только SOS. И то извольте, видите ли, объяснить им все открытым текстом, а уж они там сами решат, стоит ли торопиться. Нет, это на крайний случай, когда иного выхода не будет...

В рубку вошел помощник капитана. Прямо с порога:

— Мезоскаф взят на борт. Какие будут распоряжения?

— Послушайте, Ивен, — Дуговский потер переносицу, что-то припоминая. — Вы, кажется, делите вашу каюту с мистером Боллом?

— Да. Но я не в претензии.

— О, дело не в этом. Вы видели его на палубе сегодня утром?

— Нет. Мистер Болл обычно просыпается в восемь. По местному времени. В этом отношении он пунктуален.

— Вот что, Ивен... По причинам, о которых вам нетрудно догадаться, он пока не должен знать подробностей ночного происшествия. Надеюсь, вы меня поняли.

— Да, сэр.

— Я прошу вас предупредить об этом моих коллег и команду судна. Лучше по радио. Чтобы слышали все, кроме Болла. Я на вас полагаюсь.

— Разумеется, сэр.

— И последнее: распорядитесь найти и выловить радиобуй-автомат типа «Ремора». Он только зря засоряет эфир позывными. У меня все.

— Слушаюсь, сэр.

Помощник вышел.

— Джеймс, — обратился Дуговский к штурману. — Дайте команду радистам обыскать эфир. У меня есть основания предполагать, что где-то в районе глубоководной впадины Кокос, а может быть, и ближе, в районе нашей Западно-Австралийской, проводятся научно-исследовательские работы океанологического профиля.

Штурман вынул трубку из рта и, не меняя позы, ткнул дымящимся мундштуком в сторону карт-вариатора:

— Взгляните, сэр. Это, кажется, то, что вам нужно. Курс выделен в более крупном масштабе.

На экране Дуговский увидел что-то похожее на силуэт сильно растянутой и слегка изогнутой пружины.

— Станции?

— Да, сэр. Стодвадцатичасовая непрерывная запись.

— Откуда?

— Я всегда записываю курс проходящих судов. Вернее, не я — машина. На всякий случай. Если, конечно, они дают свои координаты открытым текстом. Русские дают открытым текстом координаты временных станций.

— Так... — проговорил Дуговский. — Это советское океанологическое судно «Таймыр».

— Да, сэр. Дизель-электроход, семь тысяч тонн водоизмещение, порт приписки — Одесса. Начальник экспедиции Селиванов. Последняя станция в ста восьмидцати милях от нас, норд-норд-вест.

Дуговский включил телефон:

— Алло, радиорубка! В срочном порядке свяжитесь

с «Таймыром». От имени глубоководного сектора Международного института океанологии запросите контакт. Все, выполняйте. Джеймс, если у них на «Таймыре» есть гидрокомбист, они не откажут. Если, конечно, есть...

Но я об этом еще ничего не знал.

Гидрокомбист как таковой в штате научных сотрудников океанологического судна «Таймыр» не числился. Однако он был, хотя и выполнял совершенно другую работу, потому что основная его специальность — гидрофизика. Этим гидрокомбистом и гидрофизиком был я...

Я следил за медленным полетом альбатроса и не знал, что ответить Дуговскому. Передо мной — необъятная океанская ширь, золотая россыпь солнечных бликов.

— Да, — неожиданно для самого себя сказал я. — Согласен.

Селиванов даже не посмотрел на меня. Это хорошо, по крайней мере, не придется отводить глаза в сторону. Дуговский сказал:

— Вы мне симпатичны, Соболев.

Я посмотрел на низкорослого Дуговского сверху вниз и ничего не ответил.

Селиванов смял сигарету и машинально сунул в карман.

— У меня не хватает людей.

— О, я высоко ценю ваше благородство! — поспешил заявить Дуговский.

— На кой черт мне это, если работать некому, — спокойно возразил Селиванов, разглядывая его сандалии.

— Но у вас на «Таймыре» пять гидрофизиков!

— Двое из них больны. Вот он знает, — небрежный кивок в мою сторону.

Я промолчал. Селиванов беззвучно шевельнул губами, сделал рукой неопределенный жест и спустился по трапу на ют. Оттуда доносились возбужденные крики: морские геологи поднимали грунтоотборочную трубку с образцами донных осадков.

Дуговский благодарно сжал мой локоть.

— Собирайтесь. Я буду ждать вас в шлюпке. Прошу прощения, но время не терпит...

Я спустился в каюту, собрал чемоданчик и пошел прощаться с товарищами. Фотографию Лотты я так и оставил на столике. Оставил, потому что не мог больше видеть ее внимательные серые глаза...

Селиванов сдержанно пожал мне руку:

— Ну... ладно, увидимся еще. С Дуговским там осторожнее — мне кажется, у него на станции крупные неприятности. Черт нас дернул встретиться с «международником».

Знойную тишь всколыхнул хриплый бас корабельного гудка. Белый нос судна украшен странным названием: «Крейдл» — «Колыбель», если перевести с английского.

Уже четыре часа я нахожусь на борту судна Международного института океанологии. Дуговский, видимо, забыл о моем существовании. Сажу в шезлонг под белым тентом шлюпочной палубы, пытаюсь читать.

Покачивает... Эту скорлупку покачивает даже на малой волне. Недаром ее умудрились назвать «Колыбелью». Впрочем, суденышко уютное, чистенькое — «международники» любят комфорт. Тишина, ощущение благополучия, степенности во всем... Нет, у нас на «Таймыре» обстановка другая: грохот лебедек, беззлобная перебранка, спуски глубинных приборов, загорелые спины ребят — сумасшедшая, выматывающая нервы рабо-

та; зато по вечерам научные диспуты вперемежку с откровенным зубоскальством и холостяцкие песни под гитару...

Но все это вдруг стало мне в тягость с того самого момента, когда однажды в радиорубке я услышал старчески дребезжащий голос Керома:

— Игорь, ты? Мужайся, мой мальчик, я должен сообщить тебе горькую новость...

Я не сразу почуял беду:

— Что у вас там случилось, Кером?

— Лотта... — и наушники всхлипнули. — Пони-маешь? Ее не стало...

Он говорил что-то еще...

Ошалело покачиваясь, я вышел из рубки. Нег, я ничего не понимал. Взрыв в лаборатории синтеза. Пожар. Гибель четырех сотрудников института молекулярной бионетики. И среди них — Лотта...

Ослепительно сверкал океан. Экваториальное солнце заливало палубу потоками зноя. А мне... вдруг стало холодно, меня колотил озноб. Помню, я как-то вяло удивился, что на судне продолжается обычная работа: сейсмики решили сделать «станцию» и устанавливали гидрофоны. Тяжело бухали подводные взрывы, над океаном носились потревоженные чайки...

Прошла неделя, фотопортрет по-прежнему стоял на моем столе, и никто из товарищей ни о чем не догадывался.

Все это время я жил и работал как автомат. Я старался держаться так, будто бы ничего не произошло. Начальник нашей экспедиции Селиванов несколько раз предпринимал попытки вызвать меня на откровенный разговор. Разговора «по душам» не получилось. И не потому, что я не желал открыться, высказать свою боль. Просто я не мог, не умел этого сделать...

Сзади слышались шаги. Это Дуговский. Он в бе-

лых шортах, в белой рубаше наизыпуск, в японских сандалиях на босу ногу. На лысой голове пробковый шлем.

— Как самочувствие, Соболев?

— Превосходное. У вас здесь настоящий курорт.

Дуговский сел в шезлонг напротив и уставился на меня колючими глазами.

— Боюсь, вы скоро измените мнение. Пора поделиться с вами нашими неприятностями.

— Давно пора, — сказал я, выдерживая его пристальный взгляд.

К нам подошел высокий широкоплечий человек в пижаме.

— Знакомьтесь, Соболев, — сказал Дуговский. — Мистер Болл — ваш будущий коллега по работе на станции Д-1010.

— Очень рад, — сказал Болл, пожимая мне руку. — Прошу извинять мой костюм.

Дуговский жестом пригласил Болла сесть.

— Ну вот. — начал он, — теперь мы можем поговорить серьезно. Болл уже в курсе, и мои слова в основном будут обращены к вам, Соболев. Вы, конечно, знаете, что год назад при содействии многих технически развитых государств наш институт построил и опустил на дно три действующие ныне глубоководные станции: «Рубидий» в Тихом океане, «Ниобий» в Атлантическом и «Дейтерий-1010» здесь, в Индийском.

Разумеется, я это знал. Знал, что Международный институт океанологии занимается, в частности, изысканием экономически выгодных способов добычи редких элементов, растворенных в морской воде. Глубоководные станции по добыче рубидия, ниобия и тяжелой воды — первый практический результат этих исследований; работу станций программируют и контролируют фотонновычислительные устройства типа «Мурена-2». Знал, что со станциями установлена мезоскафная связь;

раз в два месяца происходит смена наблюдательной группы, состоящей обычно из двух человек.

— Короче говоря, — подвел я итог, — мне и мистериу Боллу надлежит сменить наблюдателей?

Дуговский ответил не сразу. Он как-то странно пожевал губами, внимательно разглядывая меня. Болл сосредоточенно покусывал ноготь.

— Дело в том, что мезоскаф всплыл раньше назначенного срока, — наконец проговорил Дуговский и тихо добавил: — Собственно, менять вам некого... Кабина всплывшего мезоскафа оказалась пустой...

Я шагал по каюте и думал. Во время двухчасовой беседы с Дуговским и Боллом я почувствовал всю сложность обстановки. В самом деле: мы с совершенно серьезным видом обсуждали план действий, не имея ни малейшего представления о том, что произошло на станции. Как ни поверни, а задание Дуговского, по сути дела, сплошной туман. «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Дуговский уверен, что оба наблюдателя — швейцарец Дюмон и югослав Пашич — погибли. Откуда у него такая уверенность?

Да, всплывший радиобуй-автомат как будто подтверждает эту версию: он, кроме позывных, не выбросил в эфир ни слова. Ладно. А мезоскаф? Мезоскаф вряд ли мог всплыть самостоятельно, его нужно было кому-то отправить...

Я сел на койку и посмотрел на Болла. Он быстро отвел глаза и сделал вид, что читает. Толстый том в серой обложке открыт посередине. Достоевский, академическое издание...

Душно, хочется пить. В холодильнике салона, наконец, еще остался лимонад.

Я вышел из тесной каюты и побрел вдоль коридо-

ра. По обе стороны тускло мерцали дверные ручки. Проходя мимо двери с чернеющей эмблемой медицинской службы, я услышал негромкий стук. Вероятно, кого-то случайно заперли. Ничего, бывает. Поворачиваю ключ. На пороге странная фигура. Темноволосый мужчина с ярко-голубыми глазами — довольно редкое сочетание — с головы до пят закутан в простыню. Он что-то сказал по-французски. Я не понял.

— Прошу прощения, месье? — переспросил я.

— О! Вы русский, я вижу?.. — он, кажется, удивился.

— Да, Игорь Соболев. Рад познакомиться.

Я подождал, полагая, что он назовет себя и объяснит эту не совсем обычную ситуацию. Но он молчал, глядя на меня в упор, я бы даже сказал, настороженно.

— Вы собираетесь туда? — он показал пальцем вниз.

Я кивнул. Он подступил ко мне так близко, что я невольно попятился.

— Я больше не хочу туда!.. Оставьте меня в покое, оставьте! — шептал он мне прямо в лицо, брызгая слюной.

Я ударил его по рукам. Но цепкие пальцы крепко держались за ворот моей рубахи.

Нас разнял человек в белом халате. Голубоглазый незнакомец исчез за дверью, а я остался в коридоре, ошеломленный, без воротника на рубахе.

— Вам здесь нечего было делать, — сказал врач.

Дверь захлопнулась. Мои объяснения его не интересовали.

Я вошел в салон и открыл холодильник. Запотевшая бутылка скользила в руках и долго не откупоривалась.

Прохладная шипучая влага щиплет язык. Пью большими глотками и все не могу напиться.

Дуговский солгал. Жак Дюмон не погиб. Лучше бы он погиб... Может быть, Пашич тоже рехнулся? Зачем скрывают от меня? Знает ли Болл? Н-да, ситуация...

Стемнело быстро. Над головой зажглись первые звезды. На западе в синевато-фиолетовой дали еще различима черта горизонта, на востоке зловещий мрак. Говорят, надвигается ураган. Океан дышит спокойно, мирно. Пока. Через какие-нибудь полчаса он поднимет горы бушующих волн и заревет в диком, непонятном восторге.

Левый борт «Колыбели» освещен прожекторами. Стрелы кранов держат на весу прозрачный шар мезоскафа. Кривыми саблями сверкают лопасти винтов. «Ви-ра-а!.. Майна!.. Еще май-на-а!..» — доносятся команды. Шар без всплеска опускается на темную воду. Дуговский, Болл и я, облокотясь на поручни, следим, как доводят трап к открытому люку мезоскафа. Дуговский нервничает, поглядывает на часы.

— Успеть бы!.. — говорит и смотрит на восток. — Будет хороший шторм.

— Я вам не очень завидую, — откликается Болл. Потом кричит кому-то на палубе: — Осторожней грузите! Это вам не бананы, черт побери! — И вдруг, сорвавшись с места, убегает туда, в ярко освещенную суету.

— Зачем вы скрыли от меня? — спросил я Дуговского.

— Что именно? — насторожился он.

— Болл знает?

Дуговский устало посмотрел на меня и забарабанил пальцами о перила.

— Знает... — ответил он нехотя.

— Тогда зачем же от меня?..

— Сколько неприятностей... — вздохнул Дуговский. — Да, Дюмон всплыл на мезоскафе. Всплыл один, бросив на станции Пашича. Видимо, Пашич погиб, иначе он доложил бы обстановку при помощи радиобуя. Я говорил с Дюмоном, пытаюсь выяснить хоть что-нибудь. Все напрасно. Он болен.

— О чем он бредит?

— Так, разное... Но прежде всего страх. Не знаю, что могло так подействовать на него. В минуты просветления, когда узнает меня, грозит пальцем и повторяет одно и то же: «Я больше не пойду туда!» Иногда разговаривает с воображаемой женщиной по имени... Вот забыл! Ну, да это неважно. Ему кажется, будто она преследует его всюду, и он забивается в самый дальний угол каюты, дрожа и всхлипывая... Да, вспомнил: Лотта!

Я стремительно повернулся к Дуговскому. Он взглянул на меня с удивлением:

— Вы чем-то встревожены?

— Нет... ничего. Просто совпадение...

Насчет совпадения это я, пожалуй, напрасно. С досадой добавил:

— К делу это не имеет никакого отношения.

— Ага... — растерянно произнес Дуговский. — Вероятно, вы жалеете сейчас, что покинули «Таймыр»? Я втянул вас в скверную историю, но у меня не было другого выхода: вы и мистер Болл — единственные здесь люди-рыбы.

Он прав, больше действительно некому... Только Болл и я подготовлены для плавания на такой глубине... Ожидать, когда подойдет мезоскафная матка «Роланд» с новой сменой наблюдателей, нельзя. Промед-

ление может стоять Пашичу жизни. Если, конечно, он еще жив...

Появился запыхавшийся Болл.

— Все готово. Можно делать погружение.

Дуговский вздохнул:

— Итак... я предлагаю вам участвовать в спасательной операции. Вы должны разобраться в обстановке, выяснить, что произошло на станции, и, если удастся, разыскать Пашича, живого или мертвого, возобновить работу добывающих агрегатов. Не знаю, с какими трудностями вам придется столкнуться, не имею ни малейшего представления, что вас там ожидает... Если кто-нибудь из вас не согласен работать на таких условиях, еще не поздно отказаться. Даю минуту на размышление.

«Традиционные слова», — подумал я. На спине, как раз в том месте, куда мне полчаса назад сделали инъекцию, ощущался надоедливый зуд. Болл взглянул на меня исподлобья. Настороженный взгляд.

Мы натянули теплые черные свитеры и направились к трапу. Заметно повеселевший Дуговский проводил нас фамильярными шлепками по спине:

— Отлично, ребята! Я уверен, вы справитесь! Вы в чем-то схожи друг с другом. До свидания, счастливого пути!

Я шел следом за Боллом, разглядывая его стриженный затылок, большие, приплюснутые к голове уши, и думал: «Интересно, что у меня с ним общего?»

Прежде чем спуститься в люк мезоскафа, я помахал рукой людям, следившим за нами с высоты освещенного борта «Қолыбели». Из темноты налетел порывистый ветер. Проектора, все, как один, точно по команде, кивнули нам на прощанье — это первая большая волна плавно качнула судно.

В зеленоватых окошечках глубиномера процеживаются цифры. Восемьсот шестьдесят метров, восемьсот семьдесят... Корпус мезоскафа мелкой дрожью отзывается на работу винтов.

Кабина маленькая, тесная, кресла глубокие, низкие, приходится сидеть, подтянув колени чуть ли не к подбородку. Прожектора погашены, и сквозь прозрачную стенку легко различаются проплывающие мимо огоньки: обитатели глубин устроили нам встречную иллюминацию.

Болл сидит слева. При малейшем движении задевает друг друга локтями. «Чувство локтя, — невесело усмехаюсь про себя. — Крепкие ли коленки у вас, мистер Болл?»

Призрачный свет падает на наши лица и руки. Черная ткань свитеров полностью поглощает его, и оттого кажется, будто кожа рук и лица фосфоресцирует. Исподтишка поглядываю на Болла. У него сейчас какое-то невыразительное, бледное лицо, мягче стали линии губ и подбородка... «Кто вы такой, мистер Болл? Кем окажетесь там, где нам придется вместе работать? Может быть, таким же «партнером», как Дюмон? Посмотрим...»

Девятьсот шестьдесят. Внизу показались три мутно-желтые точки — посадочные огни станции Д-1010.

Мезоскаф опускается в темный колодец. Свет прожекторов размытым кольцом скользит по стенкам шахты ангара. Тихий скрежет, толчок — и мезоскаф повишает в стальных обручах захвата. Послышался гул компрессорных установок, и вода вокруг закипела, забурилась, пронизанная пузырями воздуха. Автоматика бункера сработала неплохо: вода ушла, наружное дав-

ление снизилось до нормального. Теперь можно отдрать люк.

Болл погасил прожектора, и мы вышли. Воздух в ангаре затхлый, сырой, как в подzemелье. Я свесился через поручень трапа, направил луч своего фонаря вниз. Присвистнул. Там отсвечивала маслянистая поверхность воды.

— Вы не боитесь насморка, Болл?

— О нет, чго ви! — откликнулся Болл. — Я не совсем знайт, что такое есть насморк.

— Он бывает, когда промочишь ноги.

Я знал, что центральный бункер станции соединялся с ангаром двумя тоннелями-люнетами. Но в полумраке не так легко сориентироваться, и я пропустил вперед Болла, который должен был знать планировку помещений станции лучше меня.

Идти пришлось по грудь в холодной воде, держа фонари над головой. Каждый из нас тащил за собой «на буксире» два водонепроницаемых мешка с кое-каким снаряжением. С темных сводов падали тяжелые звонкие капли, малейший всплеск отдавался громким эхом. Плафоны электрических — но, увы, бездействующих — светильников таращились незрячими бельмами матовых стекол. Холод, сырость, духота...

Мы благополучно пробрались в верхний люнет. Теперь вода доходила только до пояса, идти стало легче. Кап, кап, кап... Лучи фонарей чертят своды тоннеля. Кап, кап...

— Очень много вода, — говорит Болл.

Шумный всплеск. Болл уходит под воду с головой. Ничего страшного, просто оступился.

— Чертовски приключений! — ругается он, отплываясь. — Как говорят русские: «Дурная голова дает много ходить».

— Русские так не говорят, мистер Болл. И вообще,

давайте-ка перейдем на английский, иначе нам будет трудно понимать друг друга.

— Я хотел иметь маленький практик... — разочарованно признается Болл. Он шарит под водой в поисках фонаря.

— Право же, нам сейчас не до этого, — настаиваю я. — Как-нибудь после.

— Хорошо, — переходит Болл на английский. — Но не забудьте своего обещания, мистер Соболев.

— Слово джентльмена. Скорее вы там?

Мы двинулись дальше и вскоре наткнулись на преграду. Лучи осветили металлический щит, за которым находился вход в центральный бункер станции.

— Если моторы подъемного механизма не действуют, придется вспарывать авторезаками, — сказал я и стал подтягивать мешки.

— Посмотрим... — Болл тронул рычаг. Зарокотал невидимый мотор, и щит наполовину приподнялся вверх. — Видите, все в порядке. Повреждена только линия освещения.

— Да, пока нам везет. Но что же вы стоите?

Болл молчит. Слышно, как в воду шлепаются капли. Наконец он произносит смущенно:

— Я с детства не люблю смотреть на покойников...

— ...ой-ни-ков... — разносит эхо.

Оттолкнув Болла, направляю свой фонарь в зев прохода. В узком закругляющемся коридоре проложены трубы, вдоль стен тянутся кабели; глянцево-черная поверхность воды вздрагивает от падения капель: кап, кап, кап...

— Где вы увидели утопленника?

— Разве я сказал «утопленник»?..

— Ну, покойника — не вижу существенной разницы.

— Вы не так поняли меня, мистер Соболев. Я имел в виду вообще.

— Ясно.

— Ничего вам не ясно! — мрачно заметил Болл. — Каждый человек имеет в себе какую-нибудь маленькую слабость. Мне, например, в высшей степени неприятно видеть покойников.

— А мне, напротив, это должно доставлять удовольствие? Так, что ли?..

Я смотрел на бычью шею Болла. Появилось желание дать ему подзатыльник.

— Я знал Пашича раньше, — продолжал упорствовать Болл. — Это был веселый, крепкий парень, и я испытываю ужас от одной мысли, что придется увидеть его мертвым...

— Видимо, придется... Те, которые придут разыскивать нас, тоже будут с ужасом глядеть на наши трупы.

Болл смолчал, но я был твердо уверен, что мои слова подействовали лучше всякого подзатыльника.

Мы двинулись вдоль коридора и скоро подошли к двери центрального бункера.

В салоне темно и холодно. Под ногами хлюпает вода. Пока я шарю лучом в хаосе разбросанных предметов. Болл ковыряется в электрораспределительном щите.

Заработала помпа. Булькающие и чмокающие звуки постепенно переходят в суховатое шипение. Внезапно вспыхнул свет. Я зажмурился...

Открыл глаза. Пашича в салоне не было.

Я заглянул в шкафы для одежды, обшарил углы, обследовал стенные камеры-карманы...

Несколько металлических ступенек ведут к двери с надписью «Мурена-2». Прежде чем поднять руку и нажать кнопку, я помедлил. Однако рано или поздно все равно это надо было сделать. Нажал.

Взвыли электромоторы, и дверь отворилась с ха-

рактерным хлопком. Надежная герметизация, автоматика не подвела: голоквантовый мозг станции — знаменитая «Мурена-2» — окружен особыми заботами.

Вошел в рубку. Кругом чистота и порядок.

Вдоль стен сравнительно небольшого помещения — панели подковообразного пульта: экраны, шкалы, сигнальные глазки, клавиши. Вместо потолка — черная полусфера. Радужные разводы на полированной поверхности делали ее похожей на громадную каплю нефти, увеличенную чуть ли не до размеров нефтеналивной цистерны...

Я бездумно глядел в это выпуклое темное зеркало. Мой антипод — головастый коротышка-уродец — так же безучастно разглядывал меня. Потом он протянул мне свою розовую руку с огромными пальцами. Мозг «Мурены» тверд и холоден на ощупь. Пнув ногой ни в чем не повинное кресло, я вышел из рубки, и дверь захлопнулась.

Болл куда-то запропастился. Скоро он вошел через дверь, ведущую в жилые каюты. Хмуро покачал головой. Вопросы, как говорится, излишни.

Мы на скорую руку привели салон в порядок. Расставили опрокинутую мебель, разложили по местам брошенные как попало вещи. Четверть часа спустя в салоне стало тепло и уютно.

Пока Болл возился над чем-то у контрольного пульта автоматики, я потрошил ящики столов: техническая документация, таблицы химанализов, графики, схемы... В поисках вахтенного журнала я обшарил все закоулки. Нашел его у себя под ногами. Он лежал под резиновым ковриком, мокрый, растоптанный. Морская вода превратила страницы в липкую, синеватую кашицу. Досадно. Положил его на решетку обогревателя.

На столе Пашича среди справочников попался небольшой сверток. Развернул бумагу. Оплавленный ко-

мочек прозрачной пластмассы... Повертев его, хотел бросить в сторону. Но передумал и спрятал в карман.

Тетради Пашича убедили меня, что их хозяин — многосторонне развитый, опытный, знающий свое дело подводник. Морской геолог по профессии, он не ограничивался рамками своей специальности. Великолепные зарисовки и описания глубоководной фауны, оригинальные проекты подводных химических заводов... На мой взгляд, рукописи Пашича содержали в себе много интересного, дельного. Но, к сожалению, не содержали ничего такого, что прямо или косвенно объясняло бы странное исчезновение автора.

Я встал из-за стола и подошел к продолговатому овалу акварина — огромному иллюминатору с прочным трехслойным стеклом. Запотевшая поверхность акварина еще не успела обсохнуть. На затуманенном стекле пальцем вывожу какие-то буквы. Получается: «Пашич». Одним взмахом ладони стираю надпись. Остается след в виде широкой запятой. Похоже на знак вопроса... Возвращаюсь к столу и окликаю Болла.

Мы склоняемся над схемой внутренней планировки станции.

— Придется обшарить центральный бункер сверху донизу. Если не найдем, обследуем шесть боковых. Я предлагаю искать сразу в двух направлениях: вот этот участок для меня, этот — для вас. Встретимся у входа в бункер атомного реактора.

— Хорошо, — соглашается Болл. — Бункер реактора я беру на себя.

Через два с половиной часа мы возвращаемся в салон. Мокрые, измученные, голодные. Ничего не нашли.

Некоторое время молча смакуем горячий крепкий бульон.

«Пойди туда — не знаю куда...» Что ж, надо искать за пределами станции. Завтра придется лезть в воду.

Мне, конечно. И вообще, поиски Пашича в основном надо брать на себя. Боллу хватит возни с добывающими агрегатами.

Как быть, если мы не найдем Пашича в окрестностях станции? Океан имеет склонность не отдавать обратно того, что однажды принял в свою утробу. Лично мне успешный исход подводных поисков представляется маловероятным. Особенно если учесть, что до сих пор так и не нашли Атлантиду.

— Значит, он не вернулся оттуда, — кивает Болл в сторону аквариума.

— Гм...

— Что вы сказали?

— Я сказал: «гм». Перевести на английский?

— Где вы, дьявол возьми, усвоили эту манеру?! — раздраженно говорит Болл. — Я понимаю, у вас дурное настроение, но при чем здесь я?

Его раздражает неопределенность наших взаимоотношений. Меня тоже.

— Вы правы, — ответил я. — Вы действительно ни при чем. Извините.

Вахтенный журнал подсох настолько, что я рискнул отделить две слипшиеся страницы. Журнал открылся в том месте, где была заложена нейлоновая прокладка. Здесь кончалась последняя запись. Прочесть — уву! — было невозможно. Хотя...

Я включил настольную лампу. При ярком свете слабенький отпечаток на подкладке стал более заметен. Одно слово проступает довольно четко. Разбираю его по буквам через зеркало. Получается: «anfragen». В переводе с немецкого — «запросить».

— Скажите, Болл, на каком языке велся этот журнал?

— Насколько я знаю, немецкий — единственный язык, на котором Дюмон и Пашич могли общаться

с полным взаимопониманием. Но Пашич — он получил образование в Москве — в совершенстве владеет также и русским... Вы как будто что-то нашли?

— Еще не знаю. — Я прилаживаю зеркало и вооружаюсь лупой. — А где получили образование вы, мистер Болл?

— Филадельфия, политехнический. Затем Мельбурн, школа гидрокомбистов.

— Ни разу не был в Австралии.

— Туристский континент, мистер Соболев. Кенгуру, бумеранги... Я охотней побывал бы в России.

— Клюква, белые медведи, квас?

— О нет, не надо иронии. Я знаком с вашей страной не только по Достоевскому.

«...запросить... атер...га» — записываю то, что удалось разобрать, — «...могу поверить... других...»

Вот и все. Остальной текст безнадежен.

— Это написано рукой Пашича, — уверенно говорит Болл, заглядывая в зеркало. — Да, мало...

— Точнее сказать — ничего.

Мы долго смотрели на листок бумаги, который лежал перед нами. Жалкие, бессмысленные отрывки слов и фраз. «Запросить»...

Я опустил спинку кресла пониже, поставил ноги на радиатор обогревателя и взглянул на часы. Минут через пятнадцать-двадцать нам предстоит «смех Люцифера» — своеобразная реакция нервной системы на восьмую инъекцию препарата ГДФ-19. Между прочим, смешного мало.

Запросить...

— Было бы неплохо чем-нибудь занавесить окно, — нарушил молчание Болл.

— Хорошая мысль. Дельная. Я предлагаю цветную маркизу снаружи.

— Предпочитаю плотные шторы внутри. Меня смущает любопытство здешних аборигенов.

Я обернулся. Болл прав: за стеклом акварина колыхалась зеленоватая масса. Я подошел к иллюминатору вплотную. Сквозь стеклянную толщу смотрит черный глазище не менее тридцати сантиметров в диаметре!..

Я много слышал о гигантских кальмарах от знакомых гидрокомбистов, и, надо сказать, ничего хорошего. С омерзением разглядываю громадные щупальца, усыянные присосками величиной с кулак. По краям присосок — когтеобразные зубцы. Мощные щупальца судорожно копошатся, оставляя на стекле мутные натеки слизи. Присоски выглядят как грубый протектор на автомобильных шинах.

Вглядываюсь в громадный зрачок, пытаюсь угадать в нем то, чем изобилуют полные драматизма рассказы бывалых глубоководников: тупую жестокость, животную злобу. Но... Взгляд спрута кажется мне странно осмысленным.

Щелкнул переброшенный Боллом рубильник. Акварин осветился жемчужным сиянием. Кальмар молниеносно выгнул щупальца и отпрянул далеко назад. Теперь в свете прожекторов я увидел его целиком: тело, похожее на ракету, — сейчас оно кирпично-красного цвета — имело в длину около четырех метров, а вместе с щупальцами, пожалуй, и все восемнадцать... Угрожающе вытянув ловчие щупальца (его, должно быть, ослепил внезапный свет), кракен минуту висел над илистым дном, плавно покачивая ромбовидными плавниками. Затем уплыл в темноту.

Из-за округлого края четвертого бункера появились две жуткие тени и пронеслись мимо — вероятно, кальмары из того же рода гигантов-архитевтисов, что и первый. Однако их размеры произвели на меня удручающее впечатление: если верить собственным глазам, в

«территориальных водах» станции свободно разгуливали тридцатиметровые монстры.

— Мне не приходилось иметь дело с этими тварями, — сказал за моей спиной Болл.

— Мне тоже, — признался я. — У Мадагаскара я видел кракена, всплывшего на поверхность, но то был какой-то мелкий полудохлый экземпляр.

— Говорят, что здесь они водятся в изобилии.

Болл щелкнул пальцами, рассмеялся. Начинается...

Осмотрев пистолет-пневмошприц, я вылил содержимое двух ампул в стальную обойму, проверил давление в кислородном баллончике и разложил все это хозяйство перед собой на столе. В кончиках пальцев я тоже начал ощущать покалывание. То ли еще будет.

Сию и жду. Рядом в кресле корчится Болл. Восьмую инъекцию нам сделали одновременно, но у него это начинается раньше. Я вижу, каких усилий стоит ему сдерживать «смех».

Собственно, это не смех, а очень неприятное, болезненное состояние, которое сопровождается позывами к беспричинному безудержному хохоту, начисто лишенному всяких эмоций. Беспричинность пугает и злит, но ничего поделать не можешь — смеешься.

— Нет, Грэг, невыносимо... — произносит Болл сквозь сжатые зубы.

Грэг?.. Ну да, он переврал мое имя.

— Терпение, Свен! Каких-нибудь двадцать минут.

Главное — сдержаться, тогда все-таки легче. Но Болл не сумел. Захохотал, как безумный. Громко, страшно. Стоит только начать...

Он нашел во мне хорошего партнера. Мы хохотали до слез, до колик в груди. Едва удерживались в креслах, изнемогая. Постороннему наш идиотский дуэт мог бы показаться забавным. Для нас это была пытка.

— К черрту!.. — прохрипел Болл.

Он, покачиваясь, подошел к одному из мешков, ударом ножа распорол водонепроницаемую оболочку, запустил руку в прореху. Вынул бутылочку виски, плеснул в стаканы мне и себе.

— Пей. Помогает.

О том, что спирт помогает, я знал: вопреки строжайшему запрету врачей некоторые глубоководники считали этот способ подавления «люциферова смеха» наиболее действенным. Что ж, попробую хоть раз, была не была!

Я быстро почувствовал усталость. Действует...

— Остальное в жертву богам, — сказал я, перевернув бутылочку вверх дном. — Наш винный запас можно считать исчерпанным, не так ли, Свен?.. Ну, что же вы молчите?

— Не беспокойтесь, Грэг, мне удалось захватить всего лишь одну. Специально для этого случая.

Надо будет проверить...

Я посмотрел на часы и взял пневмошприц. Болл стянул через голову свитер. Легкий щелчок — и на его загорелой спине появилась еще одна розовая точка. Девятая. На жаргоне глубоководников девятая инъекция называется «поцелуй Эвридики». Поэтично, но слишком много иронии. Я передал шприц Боллу.

Увидев мой шрам, он тихо присвистнул:

— Полдюйма от сонной артерии... Когда-то вам, коллеги, повезло.

Он прав, тогда мне действительно повезло... Я выпрямился и одернул свитер.

Этот шрам всегда привлекал внимание подводников. Из-за своей характерной серповидной формы. Не спрашивали «кто» — и так понятно. Спрашивали «где, как и когда». И я отвечал. Не потому, что любил поговорить на эту тему, а потому, что должен был отвечать, среди разведчиков моря такая информация ценилась. И ве-

роятно, поэтому мои ответы были не столько живописны, сколько академически бесстрастны: место, время, прозрачность и освещенность воды, биологический вид акулы — словом, полный перечень тех обстоятельств, при которых подводная смерть нанесла человеку нацеленный в горло удар, промахнувшись всего на сантиметр.

— Черноперая? — спросил Болл.

— Да... Откуда вы знаете?

Он, не смутившись:

— Будем считать: угадал.

Болл разобрал пневмошприц и устало завалился в кресло напротив.

— Поздравляю, — сказал он, поднимая ноги на стол.

— Спасибо. С чем?

— Промежуточный цикл завершился... Через восемь часов мы опять станем рыбами.

Я промолчал. Разговаривать не хотелось. И он это, кажется, понял — хитровато сощурил глаза.

— Грэг, я расскажу вам одну историю... Можно?

Что-нибудь ослепительно героическое на фоне обязательно мрачных, если не жутких, событий... Придется слушать.

— Случилось это, — начал он, заложив руки за голову, — где-то в рифовых водах микроархипелага Дахлак. Кстати, вам не приходилось там бывать?

— Приходилось. Очень живописные воды.

— И, как утверждают аквалангисты, едва ли не самые опасные в пределах Красного моря.

— Что значит — опасные?

— Имеется в виду необычайное коварство дахлакских акул, среди которых...

— Вздор, — перебил я, разглядывая рисунок на его

подошвах. — Выдумки невежд, новичков, спортсменов-любителей и... не знаю, кого там еще.

«Ну времена», — подумалось мне. Опытный глубоководник и, уж если бравировать нашим жаргоном, ангел тьмы совершенно не знает верхнюю воду. Впрочем, разделение труда среди подводников в последнее время становится модным.

— К сожалению, — сказал Болл, — я почти не работал с аквалангом.

— А я начинал с акваланга и говорю вам, что все это вздор. Вы поверили бы рассказам о коварстве глубоководных акул?

— Нет, мне хорошо известны их повадки. Но я столько слышан о верховодных...

— Занятный фольклор, не правда ли? К счастью, всего лишь фольклор. Акулы, даже верховодные, — назойливые, любопытные твари, с которыми следует быть настороже, и только. По-моему, такие понятия, как свирепость, кровожадность, коварство, неприменимы к животному миру вообще.

— Простите, Грэг, а шрам на вашем плече — тоже фольклор?

— Гм... Скорее маленькое ротозейство с драматическими последствиями. Я устанавливал на дне гравитометр и, увлекшись работой, порезал плечо о коралловый куст. Запах крови взбудоражил акул... Но даже в этом случае они атакуют только потому, что запах крови рефлекторно связан у них с представлением о еде.

— И вы хотите меня убедить, что это не свидетельствует об их кровожадности?

— Ведь точно с такой же «кровожадностью» мы атакуем аппетитно поджаренный бифштекс.

— М-да... — огорченно произнес Болл. — Рассказ не получился. Жаль. Я хотел рассказать об одном подводнике, который был ранен акулой во время изыска-

тельских работ в районе знаменитого теперь подводного месторождения нефти и газа.

— Дахлакского месторождения?

— Да. Это по программе экономического сотрудничества, Грэг, между вашей страной и...

— Припоминаю. А как звали подводника?

— Он был ранен в плечо, — продолжал Болл, пропустив мой вопрос мимо ушей. — Тогда он сделал то, что на его месте не каждый бы сделал. Он увел за собой обезумевшую от запаха крови стаю акул подальше от работающих в воде товарищей... Представляете? У него практически не было шансов спастись: за ним клубилось кровавое облако, а в руках — ничего, кроме короткого копья... Его фамилия Соболев.

— Вот как! Странное совпадение.

— Совпадения, — поправил Болл. — Черноперая, рана в плечо и, наконец, ваша фамилия.

— Это произошло не в рифовых водах Дахлака, а у побережья одного из крохотных островков Суакина. Но, несмотря на маленькую географическую ошибку, я должен сделать вам комплимент: вы мастер угадывать.

Болл усмехнулся:

— Вы думаете, я получил все эти сведения от Дуговского? — он вдруг помрачнел. — Нет. Просто мне запомнилось то, что однажды рассказал Пашич.

Пашич... Пашич... Вилем Пашич... Нет, акванавта по имени Вилем Пашич я раньше не знал.

— Не ройтесь в памяти, Грэг. Он знал вас заочно.

— Тогда зачем весь этот разговор?

— Мне захотелось выяснить, тот ли вы Соболев.

— Угум... А если мне захочется выяснить, тот ли вы Болл?

Он поднял брови.

— Вы хотите сказать, что я с вами не откровенен?

— Мы с вами никак. Кто в этом виноват, не знаю. Может быть, я... Ладно, спокойной ночи, Свен.

Мягкие кресла с откидными спинками вполне заменяли постель. Спать, спать, спать!.. После девятой инъекции мы должны проспать не менее восьми часов. За это время под действием препарата ГДФ-19 организм успеет выработать особый гормон — «инкрет Буриана». Гормон, в свою очередь, поможет клеткам костного мозга заполнить костные пустоты лимфатической жидкостью. В результате кости станут практически несжимаемыми даже при очень больших давлениях воды в океанских глубинах...

Завтра — один на один с океаном. Мне предстоит идти одному, но я совершенно уверен в себе и спокоен. Наверно, Пашич был тоже уверен в себе... Волков бояться — в лес... Если бы лес! Там проще: «Ау, Пашич! Где ты? Откликнись!» А здесь в ответ — безмолвие глубин... А наверху сейчас свирепствует шторм. Как там у нас на «Таймыре»?..

Спать, немедленно спать! В первую ночь обычно снится что-нибудь забавное. Гигантский кальмар, например... Спать!

НАДПИСЬ НА ПОНТОНЕ

Мне снилась музыка. Очнувшись, я открыл глаза, посмотрел на часы. Пора. Болл проснулся раньше и уже был занят работой. Через открытую дверь рубки доносились звуки, которые меня разбудили, — гудение, писк и звон весьма разнообразных тембров: Болл проверял работу электронных блоков «Мурены».

После холодного душа я почувствовал голод. Это хороший признак: гидрофилотация часто приводит к временной потере аппетита.

Мы позавтракали бульоном, в котором плавали раз-

мокшие комочки тертого рыбьего мяса. На десерт отдавали ароматный сладкий напиток — какая-то фантастическая смесь жидкого шоколада, витаминов и чего-то еще. Твердой пищи не полагалось.

— «Мурена» в порядке, — сказал Болл, убирая посуду. — Просто она была выключена.

Все в порядке... Кроме того, что исчез Пашич, а Дюмон самым натуральным образом спятил.

Мне показалось, что за стеклом акварина промелькнула черная тень... Пошел взглянуть. Нет, дно по-прежнему пустынно и нисколько не изменилось за последние восемь часов. Восемь веков назад оно, пожалуй, было таким же.

Болл тронул меня за плечо:

— Покидать станцию нам обоим пока нельзя. — Он протянул мне кулаки. — Синяя бусина — выход в воду. В какой руке?

— В левой.

Я взял круглую синюю стекляшку, повертел в руке и бросил на стол.

— Случайно я угадал, на станции остаетесь вы. Давайте договоримся на будущее, Свен: все вопросы решать не с помощью жребия, а силой собственных мозговых извилин.

— Идет. Ныряйте, Грэг. А я займусь наладкой аппаратуры дистанционного управления.

— Правильно. Счастливо оставаться.

— Одну минутку. Когда вы рассчитываете вернуться?

— Думаю, скоро. Если не вернусь через двадцать часов... Впрочем, сами решите, что делать.

— Желаю удачи.

Я поднял крышку люка, ведущего в нижнюю часть бункера, и нащупал первую ступеньку трапа. Автоматически включилось освещение.

— Хэлло, Грэг, — крикнул Болл сверху. — Я не советую вам выходить без квантабера. Бывали случаи, когда один удачный выстрел решал судьбу экспедиции.

Крышка люка захлопнулась. Стены колодца ответили металлическим гулом.

Вслед за этим наступила тишина, как в глухом подземелье. Ступеньки винтовой лестницы крутым штопором уходили вниз. Вместо перил — вертикальный пружинящий стержень.

Вдоль стен небольшого круглого зала — два ряда пронумерованных сейфов и ряд плафонов люминесцентных ламп. Плафоны источают дневной свет пронзительной яркости. Ступая по гладким металлическим плитам, я обошел по кругу почти весь зал. Остановился. Когда один, чувства обостряются до предела, им доверяешь. Спина, например, способна ощутить взгляд человека. Я обернулся... Тишина. И холодный блеск титановых плит...

Шаг назад. Два шага. Ближе к стене. Станный запах... Дверца сейфа с номером 4 неплотно прикрыта. Щель еле видна, и не мудрено, что мы с Боллом ее вчера не заметили. Я открыл сейф. Теперь сладковатый, гнилостный запах стал слышен отчетливо.

На металлических полках, поблескивающих белой эмалью, лежали ГДК-оболочки, аккуратно запечатанные в целлофан. Один пакет растерзан и брошен поверх других. Ключья целлофана едва прикрывали зловонную сизую массу разлагающейся гидрокомбовой оболочки.

Я включил холодильник, открыл сигнальный глазок и захлопнул дверцу. Теперь над индексом «4» горел предупреждающий красный огонь.

По описанию Болла, Пашич был примерно моей комплекции — значит, сейфами с этим индексом пользовался Дюмон. Итак, в последний момент он не сумел заставить себя выйти в воду на поиски Пашича. Даже

попытался вскрыть пакет с оболочкой, но ужас перед чем-то оказался сильнее тревоги за жизнь товарища...

Я разыскал сейф с индексом «6», взял пакет и спустился в нижний зал — батинтас. Просторное помещение с двумя бассейнами в центре, с низким потолком и стенами, облицованными белыми керамическими плитами. Толстые трубы с коленчатыми переходами, громадные воронки, двойной ряд спаренных грушевидных баллонов — все сверкает белизной и почти не отбрасывает теней и оттого кажется легким, изящным. Лишь темный квадрат чугунных стенок большого бассейна тяжеловесно выделяется на общем фоне, словно подчеркивая свое особое назначение. Бассейн до половины наполнен морской водой. Вода прозрачна, на дне видны мельчайшие обломки раковин и тонкие, усеянные множеством отверстий трубы. Малый бассейн круглой формы отделен от большого барьером из белой пластмассы, через который переброшен маленький трап с гнутыми поручнями. Перейти из воды в круглый резервуар с растворяющей жидкостью — дело одной секунды. Поблескивают похожие на удилица стержни подъемника, форсунки душевых колонок и то, что мы называем «колесами обозрения», — большие ободья с петлями и пружинами.

Я обернулся и увидел в зеркале темноволосого верзилу с пакетом в руке. Мы обменялись дружелюбными жестами.

Рядком — три сейфа. Один из них — хранилище для водолазных поясов. Должно быть, этот... Угадал. Пояса оранжевые, желтые, красные, белые. Знать бы, какого цвета пояс у Пашича... Ладно, увидим. Если, конечно, здорово повезет.

Пояс я выбрал белый. Проверил аккумуляторы и нож. Вспомнив совет Болла, снял со стенда квантабер. Конечно, из этой штуковины можно вдребезги разнести

любого кальмара, но плавать с ней неудобно... Взять? Или будем надеяться, что гастрономические интересы спрутов ограничены сферой, исключающей человека?.. Двенадцать ячеек на стенде, квантаберов столько же: Пашич ушел безоружным. Видно, был твердо уверен, что стрелять не придется. Он знал эти воды, и его уверенности можно доверять... Да, не вернулся, но зависело ли это от качества его вооружения? Вряд ли. Ведь, кроме квантаберов, есть еще и огневая мощь скутеров. Очень жаль, мистер Болл, однако далеко не всякую беду можно отвести удачным выстрелом... Я легко бы мог представить себе Пашича с геологической киркой в руках. Но не с квантабером. Это больше подходит Дюмону. Перекресток прицела и ярко-голубые сумасшедшие глаза... Я погладил тяжелый приклад, поставил ружье на прежнее место.

Вскрыл пакет и начал вытряхивать гидрокомбовую оболочку — сыроватую на ощупь черную пленку, покрытую похожим на мех ворсом. Оболочка напоминает шкурку морского котика. Из пакета выскользнул и развернулся плавник. Последними на металлический настил шлепнулись черные лапы.

Одежду долой. Душ, свистящие струи воды с запахом хвои.

Ладно, поплескались, и хватит, пора в оболочку. Бр-р-р, липнет к телу: внутри — холодная слизь. Это ненадолго, нагреется. Обтянут будто резиной. Попрыгал, проверяя крепления ластов. Ну вот, легко, удобно, практично, эластично.

Натягиваю капюшон. Вместо отверстий для глаз мягкий и влажный теслитовый пластик. Стараясь не моргать, втираю очки. В буквальном смысле этого выражения. Резь под веками, слезы, я плохо вижу сквозь студенистые линзы. Почти ничего, так... неясные контуры. Но это лишь до погружения в воду.

Снаружи только ноздри и рот. Теперь самое трудное... На конце сдвоенного шланга респиратор особой конструкции — который раз, а все привыкнуть не могу: загубник в рот, две трубочки в ноздри. Вдох, выдох. Необыкновенно легко, потому что чистый кислород. Глубокий вдох и полный выдох — где-то там машина замерит объем. Холодок по спине: вот-вот хлынут в горло струи легочного наполнителя. Не успеешь опомниться — о-у-уп! — и уже под завязку.

О-у-уп!.. Боль в груди — глаза на лоб! Респиратор в сторону, опускаю край капюшона. Клейкий эластик прочно затягивает разрез в оболочке, ноздри и рот. Подхватываю пояс и бросаюсь в бассейн.

Вместе со мной погружаются мириады крохотных пузырьков. Потом они все разом покидают меня, устремляясь к поверхности сверкающим облаком. Прощай, воздушная стихия!..

Боль в груди постепенно проходит. В бассейне скользит мое отражение. Острый акулий плавник на спине как вымпел, на локтях плавнички поменьше, пальцы рук в перепонках. Длинные ласты, выпуклые пузырьки теслитовых глаз... Кто-то из восторженных репортеров назвал первых гидрокомбистов «ангелами моря». Название прикинулось. Но сами профессионалы-глубоководники величают себя по-другому: «ангелы тьмы». Я знаю, в чем тут дело, и поэтому чувствую себя хранителем маленькой тайны.

Ангел тьмы... Что ж, дело привычное. Вынимаю нож и вкладываю клинок в небольшую щель возле зеркала. Болл говорил, что здесь обыкновенный фотоэлемент. Верно — сразу послышался гул компрессорных установок.

Давление нарастает быстро и плавно. Непомерная тяжесть вдавливает живот. Еще и еще... Кожу покалывает. Жжет. Оболочка словно из крапивы. Все нормаль-

но: «прорастает» гидрокомбовый ворс. Сквозь кожные поры до кровеносных сосудов. Творцы оболочки инженеры-бионики использовали принцип действия крапивных стрекалек — сейчас это кажется делом простым. О том, как трудно и сложно было сначала, знают многие...

Сколько было споров, сомнений и даже человеческих жертв, пока не пришли окончательно к выводу: дышать в воде так, как привыкли, не обязательно. И вот успех: на больших глубинах можно обойтись без легочного дыхания. Дышит вся оболочка: кислород из воды — в гидрокомбы и в кровь. Гидрокомбы — мост с двусторонним движением: туда — кислород, обратно — углекислый газ. Нет, даже не мост. Правильней — жабры. Но лучше, чем у рыб. Совершенней.

Подношу к глазам руку с перстнем-батиметром. Карбункул батиметра уже сменил красный цвет на оранжевый: давление в бассейне перевалило за сто атмосфер.

Поплавал немного, чтобы организм быстрее привык к новому состоянию. Жжение и покалывание перестали беспокоить, лишь резь в глазах от контакта роговицы с теслитовым пластиком еще напоминала о моем недавнем человеческом прошлом.

Наконец давление превзошло давление внешней воды. Сработали механизмы, открывающие выход в океан, — участок дна бассейна с гулом провалился вниз. Меня закружило водоворотом и вместе с потоком вынесло в темное пространство. Тяжелая плита поднялась на прежнее место.

Плотная, холодная тьма... Но мне тепло: в оболочке предусмотрена система обогрева — лабиринт молекулярных цепочек токопроводящего полимера. Карбункул батиметра тлеет оранжевым угольком, циферблат перстня-часов флуоресцирует голубым кружочком.

Луч фары спугнул стайку маленьких рыбок, осветил холмики занесенного сюда ила, обломки раковин и одинокую актинию с мохнатым венчиком ярко-красных щупалец. Выход из резервуара перекрывают массивные зубья ограждения. Поднимать эту решетку, конечно, не стоит. Проверяю, на месте ли нож, отталкиваюсь ластами и проскальзываю между зубьями. Тихо, как тень. Осторожная длинная тень с плавниками... Будь внимателен, будь начеку! «...Че-ку ...че-ку», — пульсирует кровь в висках. Ангел тьмы, будь начеку! Осматривай все, наблюдай. Замечай каждую мелочь. Будь начеку!..

Дно перед станцией ярко освещено прожекторами. Там и тут видны полупогруженные в ил обломки гранита, поросшие султанами горгоний и цветами морских анемонов. Ил, всюду ил, светло-коричневый, местами с красноватым оттенком...

Пошевеливая ластами, выплываю в центр освещенной площадки и, подняв облачко ила, повисаю над самым дном. Девятисоткиловаттные лампы прожекторов обрамлены радужным гало. Осматриваюсь вокруг, хотя для беспокойства оснований, пожалуй, нет: кальмары не любят яркого света.

Вода изумительно прозрачна. На расстоянии двадцати метров в окружности отчетливо виден каждый предмет. Неподалеку, поблескивая тубами опорных ног, высятся громада центрального бункера — яйцеобразное сооружение высотой с четырехэтажный дом. За пределами круга отчетливой видимости, на фоне непроницаемо-темных пространств, едва проступают расплывчатые контуры других бункеров станции. Над ними, словно одинокий минарет над городом, утонувшим во мраке, возвышается узкий цилиндр ангара.

Внезапно через воду доносится металлический удар: бан-н-нг. Наверное, Болл что-нибудь уронил.

Мимо проплывает странная рыба. Большие глаза на-

выкате, рот капризно изогнут — будто рыбу кто-то обидел, и она вот-вот заплачет.

Поворот контактного диска на поясе — и первый толчок бросает меня вверх и вперед: под действием электрических импульсов заработала искусственная мышца спинного плавника. Летишь в воде, казалось, со скоростью брошенного гарпуна, на самом же деле — три километра в час, не более.

Банг-бан-н-нг... — раздается опять. Нет, это похоже на зов. Разворачиваюсь и плыву к центральному бункеру. Чуть выше карниза, опоясывающего колоссальное яйцо по экватору, светится акварин. Сквозь стекло вижу голову Болла. Внезапное появление мохнатой морды с выпуклыми глазами производит должное впечатление: Болл вздрагивает. Не пугайся, коллега, это всего лишь я.

Возле окна — головка сигнала. Устроено по принципу «китайского болванчика», но с пружинным возвратом. Легко поддается нажиму руки: точка-тире-тире-точка... Болл смотрит вверх, где расположены динамики, и разводит руками. Надо понимать, он не слышит морзянку. Знаками спрашиваю: «В чем дело?» Болл жестами изображает стрельбу из квантабера, вертит пальцем у лба и грозит кулаком. Забавы ради делаю «нос» пятерней в перепонках. Коллега хмурится и пишет мастиковым карандашом на стекле акварина: «Встречай «Манту». Я кивнул и славировал с карниза прямо к четвертому бункеру.

Закругленная стена четверки дрогнула, ослабилась щелью, выдохнув облако пузырей. Из темного зева в воду скользнула призрачная тень. Осветив меня фарами, крылатая химера пронеслась над головой. Нажимаю на поясе кнопку ультразвукового сигнала. «Манта» поднимает плавник и, выполнив грациозный поворот, возвращается. Хорошо, значит, она признала хозяина.

Глубоководный скутер вижу впервые. К биомашинам я почему-то всегда питал настороженность и сейчас при виде шевелящихся плавников «Манты» испытываю прямо-таки неприязнь. Хотя прекрасно знаю, что у нее внутри нет ничего особенного. Кроме синтетических нервов и мускулов, разумеется. Ими управляет мнемотронный мозг. Компактный, довольно примитивный. Ну и еще, конечно, мощные аккумуляторы.

Пиролаксовое тело машины прозрачно и подсвечено изнутри слабым фиолетовым сиянием. Вместо кабины — удлинённая полость с двумя подвижными створками внизу. Широкие плавники-крылья (около шести метров в размахе), глянцево-черные, упругие, действительно придают скутеру сходство с одной из самых крупных разновидностей скатов — мантий бирострис. В довершение сходства сзади тянется хвост, прямой и тонкий, как у настоящих мантий.

Я мог бы забраться в полость или, прицепившись за трапецию под брюхом «Манты», плыть «на буксире». Но мне хочется понаблюдать за скутером со стороны. Тем более что для обследования территории станции мне достаточно собственных плавников.

Темные громады бункеров. Замкнутые наглухо, угрюмые. Плыву, обшаривая дно лучом. Крабы спешат укрыться в тени, малоподвижные ежи и звезды не обращают на свет никакого внимания. Оставляя за собой борозды, медленно ползут пожиратели ила голотурии. Их здесь видимо-невидимо, самой разнообразной окраски.

Бетонированное покрытие люнетов густо обросло актиниями, морскими лилиями, губками. Нежные веера-жабры морских червей при малейшем движении воды мгновенно исчезают в причудливо изогнутых известковых трубках и снова расцветают красочными букетами,

как только я замираю на месте. Удивительно, при таком разнообразии придонной фауны здесь не видно ни одной крупной рыбы — луч фары выхватывает из тьмы лишь малочисленные стайки молоди. Должно быть, виной тому яркий свет и завихрения воды от вибрации моего плавника. Да и не только моего: подняв голову, я вижу над собой распростертую «Манту».

Внезапно фасеточные глаза машины загораются зеленым огнем. Скутер отваливает в сторону и удаляется. Тьму вспорола голубоватая вспышка. В конвульсивном свете зарницы успеваю разглядеть какой-то темный, безобразный ком, перечеркнутый узким профилем «Манты».

Можно верить рассказам о нападениях гигантских кальмаров, а можно и не верить. Во всяком случае, никакого определенного мнения на этот счет не существует. Альтернатива на выбор: либо верь, либо нет — вот и все. Я, например, не верю. И считаю, что программа активной обороны, заданная скутерам, — перестраховка. Кому мешал проплывающий мимо кальмар? И что означает эта атака: запрограммированное убийство или предупредительные меры? Судя по мощности разряда, предупреждение могло бы быть и помягче...

Минуя бункер атомного реактора, плыву к месту схватки. Только тебя там и ждут. Неосторожно? Факт. Глупо? Конечно, но я не могу побороть в себе желание выяснить все до конца. Впереди вспыхивают прожекторы «Манты». Она возвращается. Развернувшись, летит за мной чуть правее и выше.

Я не знал, что обрыв в абиссальную* бездну находится так близко от станции. Дно неожиданно уходит вниз плавным изгибом песчано-илистой толщи: я оста-

---

* Абиссаль — самые глубоководные зоны Мирового океана, начиная примерно с глубин в тысячу метров.

навливаюсь, повиснув над склоном, — маленькая песчинка у края пропасти, которую называют Юго-Западной австралийской впадиной... Склон гол и пустынен. Ни скальных обломков, ни актиний, ни рыб...

Эта оголенность и монументальная простота производят гораздо более глубокое впечатление, чем ставшее привычным величие богатых жизнью вод континентальных отмелей.

«Манта» неподвижно висит над бездной, прожекторы направлены вертикально вниз. Прямые колонны света уходят в крошечную темь и где-то там теряются. При одном взгляде в эту темную неосязаемую пустоту испытываешь головокружение...

Я разыскал место, где «Манта» произвела электрический выстрел. На песчаном откосе свежая борозда, подернутая илистым туманом. Несчастный кракен... Ему не следовало попадать в зону действия ультразвукового локатора «Манты». И сейчас, наверное, он, парализованный и обожженный, все еще скользит по склону, опускаясь метр за метром в бесконечную холодную тьму...

Возвращаюсь на территорию станции и плыву к центральному бункеру. Это, пожалуй, единственное место, где я не все осмотрел. Касаясь рукой гладкой стены, не то иду, не то плыву вдоль карниза. Направленная под ноги фара освещает черные лапы, сметающие осевший ил. Поиски начинают казаться мне жалкими. Перед глазами все еще стоит потрясшая меня картина: голый склон, зев ошеломляющей пустоты... Вдруг мои пальцы касаются чего-то упругого, скользкого, толстой с руку. Содрогаюсь и резко поднимаю голову. Это «что-то» — вытянутое в мою сторону щупальце спрута!..

Кальмар смотрит темным немигающим глазом. Ослизлая кожа животного волнообразно меняет свой цвет: из темно-зеленого в красновато-коричневый.

И я — невольный виновник этой красочной метаморфозы — не могу отвести взгляда от черного зрачка, загнипнотизированный его странным, осмысленным выражением, замираю, не в силах пошевелиться.

Красные щупальца вдруг поднимаются все разом, играют извивами. Мешанина теней удесатеряет количество «рук» подводного монстра, делая его похожим на клубок взбесившихся анаконд. Прямо на спрута, грозно блистая прожекторами, несется «Манта»... Завихрение воды сбрасывает меня с карниза. В тот самый миг, когда столкновение казалось неминуемым, «Манта» вдруг вскидывает плавник и лавирует в сторону! Кальмар темнеет и разваливается дымообразными сгустками... Ага, противник просто-напросто сбежал, оставив нам похожий на себя чернильный макет. Он поступил так, как поступают спруты в минуту опасности. Но «Манта»!.. Я ожидал более трагической развязки. Значит, она не трогает тех, кто предпочитает уклониться от поединка... Забавно.

Через несколько секунд мы с «Мантой» оказываемся в густом облаке коричневого «дыма». Опасаясь, что чернильная жидкость может вредно подействовать на гидрокомбовые жабры, торопливо выплываю из облака к вершине бункера. Коричневая муть продолжает расходиться все дальше и дальше, заволакивая освещенные участки дна...

Мне известно, что станция расположена на дне глубокой седловины подводного кряжа, но, сколько я ни всматриваюсь в темень, не могу определить, в какой стороне возвышаются скалы. На расстоянии пятисот метров от станции, вниз по ущелью, должна находиться площадка добывающих агрегатов. Попасть туда легче всего, ориентируясь по силовому кабелю, проложенному от атомного бункера. Если я не найду Пашича там, можно быть уверенным, что мы не найдем его вооб-

ще... Я берусь рукой за трапещию, и мы с «Мантой» планируем на дно подальше от станции.

Со времени укладки кабель успел глубоко погрузиться в ил. Я нашел его довольно далеко от бункера, где начиналось каменистое дно. Мы с «Мантой» уверенно летим вперед вдоль этой путеводной нити толщиной в добрый обхват.

На песчаных проплешинах виднеются сифоны скрытых под песком моллюсков. Среди множества ползающих звезд, ракообразных и голотурий отсвечивают пурпуром и золотистой желтизной морские перья — словно кто-то в беспорядке натыкал в песок цветные флажки. Морские лилии облюбовали место на каменных глыбах, от малейшего движения воды они покачиваются на тоненьких ножках, притворяясь цветами. Трудно поверить, что это животные.

Внезапно свет фар выхватывает из темноты нечто огромное, утюгообразной формы. Заставляю «Манту» сбавить скорость: на такой глубине можно встретить все что угодно и лучше вести себя осторожнее.

«Утюг» не выказывает ни малейшего намерения уступить нам дорогу. Иначе и быть не может: странный предмет оказывается поплавковым понтоном. Очевидно, во время монтажа станции его использовали для плавного спуска кабеля на дно и почему-то решили оставить на месте. Потому, видимо, что, всплывая на поверхность с большой скоростью, он, чего доброго, мог угодить в днище монтажного судна. Такие случаи бывали.

Осматриваю ржавые бока понтона. Ничего интересного: обыкновенная цистерна с бензином, которая скоро потеряет плавучесть из-за разрушительного действия коррозии. Вдруг замечаю, что меня потихоньку относит к противоположному краю понтона. Оттолкнувшись от

неуклюжей громадины ластом, отдаю себя на волю течению. «Манта» плывет следом.

Скорость течения ощутимо нарастает. Подводная река несет меня вдоль отвесной стены ущелья. Свет скользит по голым однообразным скалам, изредка выхватывая из темноты расселин одинокую офиуру*, скромные цветы актиний. Не будь со мною «Манты», я чувствовал бы себя здесь неуютно.

Конец ущелья, горло его — самая узкая часть. Обе стены стремительно сходятся и, едва не столкнувшись гранитными лбами, круто расходятся. Ближе и ближе — ясней очертания странной плотины, ажурной, двухъярусной.

Впрочем, плотина — сказано громко. То, что я здесь увидел, сначала показалось мне кладбищем затопленных подводных лодок. Добывающие агрегаты — аквалюмы — действительно напоминали разрезанные поперец корпуса подводных лодок. Каждая «половинка» оборудована глубоким раструбом, скошенным книзу. Подбоченясь, будто ковбои в широкополых шляпах, возвышаются резервуары накопителей; от них к аквалюмам подходит система коленчатых труб. Круглые головы бездействующих прожекторов, непроницаемые тени и стайка черных глубоководных рыб. Мертвая техника, запустение, заброшенность...

Течение, очень быстрое здесь, норовит унести меня прямо в пасть ближайшего раструба — в глубине громадной воронки остро поблескивает бивень струйного рассекателя. Торопливо включаю плавник — быстрый, крутой и, должно быть, красивый вираж. Но, задев ногами край раструба, позорно, кувырком вылетаю на палубу аквалюма. Плавник трепещет, бьет по металлу,

---

* Офиура, или змеехвостка, — морская звезда с длинными тонкими щупальцами.

меня швыряет то на спину, то на живот, не за что ухватиться на гладкой поверхности палубы — тащит вдоль киля, словно лягушку по спине кашалота. Как-то ухитряюсь выключить плавник и вцепиться в самую оконечность киля. Что-то блеснуло на закругленном боку аквалюма и кануло в тень, как в пропасть. Трогаю пустые ножны. Саднит плечо. Хорошо, что этого не видел Болл; единственный свидетель моей неловкости — «Манта». Она грациозно лавирует по ниспадающей дуге и повисает прямо над головой. Без видимого напряжения работает плавниками — миниатюрные волны пробегают по ним спереди назад, не достигая лишь кончиков черных крыльев...

Нож я нашел под брюхом нижнего аквалюма на каменистом грунте. Чуть дальше — я не сразу поверил своим глазам! — валялась металлическая клешня. Форма локтевого и кистевого сочленения, характерный серебристый блеск титано-иридистого сплава позволяют мне уверенно определить: эта клешня вырвана из плечевого сустава глубоководного робота типа «Андр-4». Смотрю на цилиндры мощного гидропривода, торчащие из-под изуродованной муфты, теряюсь в догадках. Случайно я помнил: при испытаниях на разрыв клешни андроботов выдерживают нагрузку до восьми тонн!..

Внезапно вспыхивают все прожектора на площадке — светло как днем. Это, конечно, Болл. Молодец, не теряет времени даром. В выбоинах дна белеет песок. На светлом фоне этих песчаных оазисов видны порхающие силуэты рыб.

Я осмотрел здесь, кажется, все: каждый камень, каждую трещину, каждую дыру. Следы ряби на песке от придонных течений, следы марганцевых конкреций — темные округлые пятна. И никаких следов того, кого мне нужно найти...

Толстые кабели уходят куда-то в одном направлении

нии — легкая дымка мешает мне видеть куда. Плыву вперед, размышляя над близкой уже проблемой организации глубинных поисков. Мы с Боллом можем рассчитывать на собственные силы только в пределах трехкилометровых глубин — ниже этой отметки путь гидрокомбистам заказан. Но как велика акватория будущих поисков? Этого я пока не знаю.

И вдруг я увидел... Нет, это, конечно, не человек — люди не бывают трехметрового роста. Мощные плечи, маленькая голова, серебристый отблеск металла...

Робот стоит неподвижно, ссутулясь. Ноги полусогнуты, левая отведена назад. Неподалеку еще один, в такой же позе. Очевидно, момент отключения тока застал их на марше. Клешни у этих целы. Не дрейфь, ребята, скоро вы нам понадобится, и мы вас разбудим.

Высвечиваю фарой еще трех андробатов. Живописная группа. Двое из них в скорбном молчании застыли над роботом, стоящим на четвереньках. Впрочем, слово «четвереньки» вряд ли подходит: это именно тот робот, у которого оторвана клешня. Н-да, все же есть над чем призадуматься...

Выход из ущелья очерчен полукруглым обрывом — ни дать ни взять подводная бухта. Устраиваюсь на гранитном валуне, долго смотрю в глубь открытого океана. «Манта» дозором обходит новые владения. Медленно, с достоинством. Время от времени она замирает на месте, точно охотничья собака в стойке на дичь, и направляет свет прожекторов вниз. Там снуют какие-то белые тени — должно быть, глубоководные акулы, — но близко не подходят.

Вглядываюсь в циферблат перстня-часов. Ого, девятый час на исходе! Сразу дает знать о себе голод, пора возвращаться. Соскальзываю с валуна — луч фары окунается в безмолвную темень пучины. И вдруг, словно в ответ, какое-то существо зажигает там свой крохот-

ный ярко-красный фонарик. Я настораживаюсь, как настораживается рыба, привлеченная мерцанием блесны. У глубоководников это бывает... Красный фонарик блекнет, а скоро и совсем угасает. Мне становится грустно. Я повисаю над бездной и размышляю о Пашиче, о его загадочном исчезновении в этом темном, суровом и в то же время привлекательном мире. Я понимаю, что эту загадку, вероятно, не просто будет решить — вопреки убеждению Болла, — потому что мир мокрого космоса не имеет для нас ни конца, ни начала, а мы не имеем понятия, куда отправиться на поиски пропавшего в океанских глубинах товарища...

На обратном пути мы с «Мантой» поймали прожекторами несуразную рыбу-большерота. Голова похожа на полураскрытый саквояж, глазки-бусинки, а тельце до смешного маленькое, тоненький хвост. Рыба зигзагами плывет вперед, пытаюсь уйти от погони. Никто не думает ловить тебя, трусишка!..

«Манта» проносится мимо понтона, едва не задев его плавниками. Стоп!.. Бросаю «Манту» и возвращаюсь.

Может быть, это другой понтон — не тот, что я осматривал раньше? Но ведь я плыл к площадке строго вдоль кабеля и не мог не заметить вторую такую громадину! Нет, понтон, конечно, тот же самый... Но тогда откуда на нем эти большие корявые буквы?! В свете фары внимательно разглядываю надпись. Жирные белые буквы составляют загадочное слово: АТТОЛ... Никогда еще я не испытывал такого полного недоумения...

Я осматриваю понтон со всех сторон, даже ныряю под днище. Надписей больше нет, и я возвращаюсь к скутеру. «Манта» трогается с места рывком и несет меня куда-то. Плохо соображаю куда... Мысль о том, что здесь я не один, что рядом бродит кто-то, сделавший эту надпись, заставляет с тревогой всматриваться в темно-

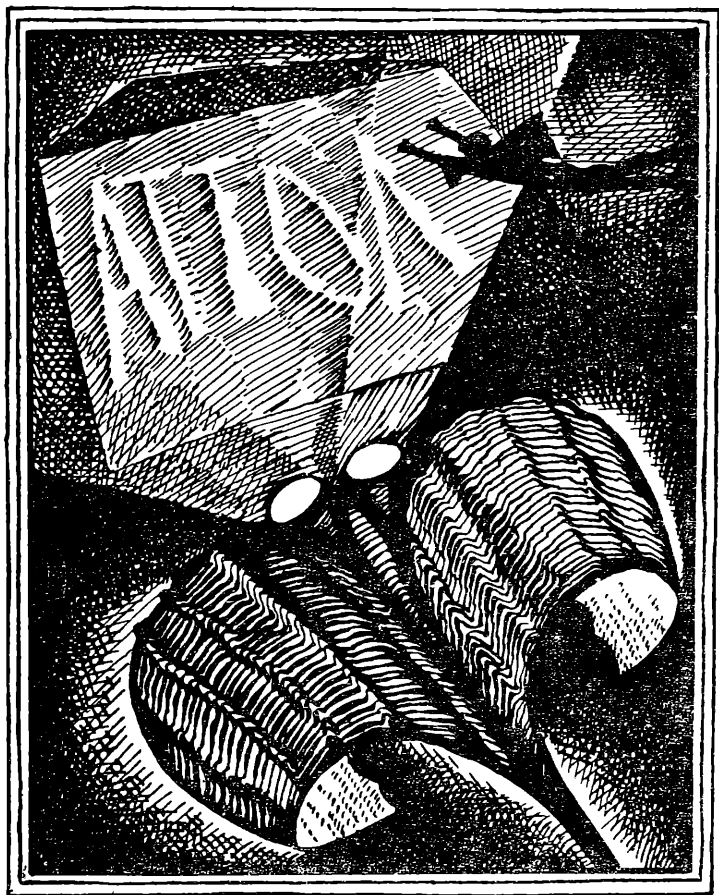
ту. И вдруг неожиданно для себя поворачиваю «Манту» обратно.

Я еще не могу разглядеть белые буквы на понтоне, но уже знаю, вернее, инстинктивно чувствую, что мне предстоит пережить нечто необыкновенное. АТТОЛ. Вслед за лучом фары мой взгляд скользит по буквам справа налево — ЛОТТА...

Опомнился я не раньше, чем увидел зарево от прожекторов. Станция. Возле четвертого бункера между двумя скутерами маячит черная фигура гидрокомбиста. Вот оно что!.. Наверное, весь гидрокомбовый ворс на моей оболочке встал дыбом от ярости.

Пловец приветствует меня взмахом руки. Я не могу узнать его в оболочке, да и безразлично мне, кто он такой: Болл или, может быть, Пашич. Заворачиваю ему локти назад и, сильно выгребая ластами, подталкиваю к решетке. Сначала он ведет себя спокойно. Оказавшись внутри подбункерного резервуара, предпринимает попытку вырваться. Тихо, «шутник»... Дергаю рычаг электропривода. Жужжат моторы, над головой расширяется светлый прямоугольник.

В бассейне плененный гидрокомбист пытается столкнуться со мной на языке жестов. Он хватает меня за плечо и показывает в сторону выхода. Поздно, плита уже поднимается. Из тонких отверстий проложенных на дне бассейна труб кверху бегут пузырьки кислорода. Давление падает. Оттолкнув гидрокомбиста — у меня уже почти нет сомнений, что это Болл, — взбираюсь по трапу и прыгаю в резервуар с растворяющей жидкостью. Едва зеленоватые волны смыкаются над головой, как резервуар превращается в кипящий котел — настолько бурно протекает химическая реакция. На ощупь ловлю петли телескопических стержней подъемника. Это нужно делать быстро, пока не появилось неприятное ощущение удушья.

Два пружинистых удилица выбрасывают меня прямо под горячие струи душа. Гидрокомбовая оболочка, уже полуразрушенная реактивами, под напором горячей воды отваливается лоскутами. Долой фару, ласты, пояс! Все на ощупь, все быстро! Респиратор — в ноздри и в рот. Ноги и руки — в петли «колеса обозрений». Переворачивает вниз головой и начинает трясти на пневматических амортизаторах, исхлестывая водяными бичами. Беспощадная тряска удаляет большую часть легочного наполнителя. Следующий и последний этап — кислородная вентиляция дыхательных путей.

Я открываю глаза и первым делом оглядываю очерченное блестящим ободом соседнего колеса голое тело гидрокомбиста. Да, это Болл.

Одеваюсь.

— Ты здорово напугал меня, — говорит Болл. — В какой-то момент мне показалось, что ты... — он спотыкается на слове, — чем-то очень взволнован.

— Спятил, — уточняю я. — Это вы хотели сказать?

Молча одеваемся и выходим из батинтаса.

ГЛУБОКОВОДНАЯ НИМФА

Есть мне уже расхотелось, но я заставил себя выпить две кружки бульона. На второе Болл вскрыл банку с яркой этикеткой. Подозрительная на вид коричневатая паста оказалась приятной на вкус. Я не заметил, как проглотил все без остатка. Разливая по кружкам дымящийся, с запахом рома напиток, Болл осторожно полюбощивал:

— Ну и что нового, Грэг?

— Ничего, Свен. Спасибо за свет на площадке. Кстати, один из андробатов потерял клешню. Вероятно,

кальмары... Зачем вам понадобилось выходить в воду раньше срока?

— О, я начал уже беспокоиться! — оживляясь, сказал он. — В этой глуши без квантабера... Я уважаю вашу смелость, Грэг, но так рисковать, по-моему, не стоит.

— Н-да... И это все?

— Нет. Мне хотелось проверить работу механизмов четвертого бункера при внешнем включении и понаблюдать за поведением скутеров. Но почему вы так настойчиво расспрашиваете меня? Что-нибудь произошло? Вы с такой поспешностью уволокли меня в батиштас... Я даже не имел возможности захватить обратно два квантабера, которые вынес из бункера.

В глазах Болла не было ничего подозрительного...

Полно, видел ли я эти буквы?.. Видел, конечно. Они и сейчас у меня перед глазами...

— ...Но вы меня абсолютно не слышите! — раздался над ухом возглас Болла.

— Что? Простите, Свен, я страшно устал и, кажется, задремал. Так что там с динамиками внешней связи?

— Провода этой линии были перерезаны ножом, — повторил он, — поэтому я не принял вашу морзянку и сам не мог ничего передать. Теперь все в порядке, повреждение устранено... Не обманывайте меня, Грэг, я вижу, ваши мысли заняты чем-то другим.

— Нет, нет, это любопытно! Кто же мог перерезать провода изнутри... в салоне то есть!

— Станный вопрос. Разумеется, кто-нибудь из наших предшественников. Дюмон, например.

— А-а-а...

Разумеется, кто же еще?.. Нет, так не пойдет, сейчас я приму хорошую дозу снотворного — утро вечера мудренее.

— Свен, где вы намерены спать?

— Мне все равно. Занимайте каюту Пашича.

Мне оставалось разыскать в аптечке коробку снотворного, взять свежее постельное белье и удалиться. Почему-то хотелось быстрее покинуть салон.

— Один вопрос, Грэг! — остановил меня Болл. — Вы не скажете, что такое «аттол»?

Это как выстрел в спину. Ну что ж, мистер Болл, хорошее попадание... Я наклонился, чтобы собрать рассыпанные таблетки.

— Конечно, знаю. Плоский низменный коралловый остров кольцеобразной формы...

— Я не о том, — раздраженно перебил Болл. — Меня интересует «аттол», который пишется с двумя «тэ» и одним «эл».

— Та-ак... Вас удивила надпись на понтоне?

— Понтон?.. Какой понтон?! — Болл поднялся, отодвинул кресло в сторону. — Я обнаружил эту надпись на днище четвертого бункера. Вы были слишком возбуждены, чтобы обратить внимание на мои попытки показать вам ее? Но договаривайте. Что вы увидели на каком-то понтоне?

— То же самое... Спокойной ночи, Свен.

— Нет, стойте! В конце концов, это нечестно!

Я вошел в каюту. Щелкнул замок. О том, что это нечестно, я знал и без его напоминаний. А что было бы честным? Рассказ о моей способности читать слова на оборот?..

Взяв себя в руки, я вытряхнул на ладонь из коробки две крошечные пилюли. Положил на язык, огляделся. Над панелью с датчиками температуры, давления, влажности воздуха — картина. «Царевна-Лебедь» Врубеля.

Стол, два стула, диван, на котором я сидел, дверцы встроенного в стену шкафа, настольная лампа — вот и вся небогатая обстановка. Чисто, запах хорошего оде-

колона. Свет от лампы падал на серую обложку толстой книги. Том монографии Геккеля «Радиолярии». Из-под обложки выглядывала ручка перочинного ножа.

Мне известно, что в шкафу нет ничего, кроме добытых Пашичем образцов горных пород и минералов. Я открыл полированные дверцы. Среди образцов я увидел то, что хотел: белый кусок известняка-ракушечника. Известняк мягкий, пачкает руки. Куском такой породы можно писать на чем угодно и все, что угодно.

Раздался щелчок. Динамики... Я положил образцы на место, потряхнул руки.

— Вы еще не спите, Грэг? — спросил голос Болла.

— Нет. Но уже проглотил две пилюли снотворного.

Уменьшив яркость настольной лампы, я лег на спину и заложил руки под голову.

— Я хотел бы поговорить...

— Валяйте, — откликнулся я. Меня одолевала тяжелая дрема, я знал, что скоро усну.

— Дело в том, что я... — он запнулся, — виноват перед вами...

— Довольно, Свен, — перебил я. — Мне все понятно. Вы догадались прочесть надпись наоборот — получается «Лотта»... Вы тут же вспомнили бредни Дюмона, но не решились сообщить мне о своем открытии. Откуда вам было знать, что Дуговский рассказал мне об этом. Ну что ж, лучше поздно, чем... Ладно. Теперь слушайте меня внимательно. Вы уже знаете, где я прочел таинственное слово, но вы не знаете другого: три-четыре часа назад на понтоне этой надписи не было.

— Как вы сказали?!

— Не было! — повторил я с ударением. — Если предположить, что надпись сделал не я, то... Сами понимаете, чем это пахнет. И оставьте меня на сегодня. Мне нужно выспаться. А вот ружья... ружья мы с вами бросили, пожалуй, зря.

Я действительно сразу уснул. Не слышал ни слова из того, что ответил Болл.

...Сначала был мрак. Просто мрак, и ничего больше. Потом возникли струи голубого огня. Струи расплывались, бледнели, освещая пространство. Головокружительная беспредельность, насыщенная переменчивым блеском далеких миров и еще наполненная чем-то более сложным и емким. Наполненная пристальным взглядом двух человеческих глаз. Девичьих глаз... «Лотта!» — хотел прошептать ошеломленный странник, который уже потерял себя в этом огромном пространстве. Но печем было шептать, не было губ. Была только Мысль.

— Лотта!.. — прошептала Мысль.

— Лотта-а-а... — повторило эхо космический шепот.

— Ты узнал меня, странник? — спросили глаза.

— Я узнал бы тебя среди миллиардов! — ответила Мысль, и где-то обрушилась лавина грохота.

Тогда проступил бледный овал девичьего лица. Мысль, напрягаясь, жадно вглядывалась в это лицо, полупрозрачное, словно мираж, и, может быть, не существующее вовсе, но такое нужное, необходимое той капельке еще живого, теплого, что оставалось среди руин утраченных надежд.

— Я сон, я лишь мечта о несбыточном, — сказали губы, жемчужно-бледные, чуть тронутые сожаляющей улыбкой.

— Я знаю... — ответила Мысль и закружилась в вихоре отчаяния. — Пусть этот сон длится вечность...

— Вечности нет! — загрохотало пространство, внезапно загораясь огнем. — Вечность кончается там, где умирает Мысль!

Вздрагнула девушка-тень. И, повернувшись, молча пошла туда, где на фоне кровавого зарева вырисовыва-

лись контуры гигантского спрута. Дрогнула Мысль и потекла, заструилась вдогонку.

Тяжелые щупальца спрута подползли и обвили девушку-тень, сомкнулись, потом разошлись и с металлическим лязгом опали. Девушка-призрак исчезла.

Мысль разразилась отчаянным криком:

— Отдай!

— ...ай! ...ай! ай!.. — испуганно вскрикнуло эхо.

Десятирукий гигант снисходительно рассмеялся:

— Зачем тебе это? Она принадлежит мне, тебе принадлежат воспоминания.

— Кто ты? — спросила Мысль, присмирив от горя и страха.

— Время, — ответил бронзовый голос. — И я не умею возвращать.

Я проснулся весь в холодной испарине. Опустил ноги с дивана, сел. В динамиках переговорного устройства жалобно пищала морзянка. Минуту я озадаченно смотрел на Царевну-Лебедь, пытаюсь разобраться в хаосе коротких и длинных сигналов. Передача велась неумело, в замедленном темпе, как будто на ключе работал новичок, выстукивая нечто совершенно бессмысленное.

Я вышел в тамбур и толкнул дверь в соседнюю каюту. Оглядел помещение, направился в салон.

В салоне звуки морзянки раздавались громче и явственней. Болла не было и здесь. На столе записка. Я взглянул на сигнальные огоньки пульта, перевел взгляд на динамики внешней связи, и только тут до меня дошло: передача велась извне... За стеклом аквариона разрасталось облако потревоженного ила. В клубках слабо подсвеченной прожекторами желтоватой мути промелькнула водянисто-серая тень, округлая, с расплывчатым вырезом посередине...

«2.35. Вышел в воду. Вернусь через час. Болл». Что это взбрело ему в голову?.. Я схватил карандаш и на

обратной стороне листка стал набрасывать идиотские знаки морзянки. Чушь какая-то, он меня просто разыгрывает!

Внезапно бункер содрогнулся от гула, морзянка умолкла. Я отшвырнул карандаш и бросился к аквариуму. Непроглядная муть. Внешняя сторона стекла будто оклеена плотной желтой бумагой.

Гул нарастал. Работали компрессорные установки батинтаса. Я взглянул на часы, сверил их с хронометром на стене. Без десяти минут три. Значит, передачу вел не Болл! Часы и гудение компрессоров определенно указывали на то, что он еще не успел выйти из бункера...

Регулятор громкости звуковой передачи стоит на пределе. Наваясь грудью на пульт, я кричу в микрофоны однообразное, жуткое:

— Пашич, вернись! Вернись немедленно! Ты болен, ты гибнешь, вернись!..

Я кричал в воду, кричал со слабой надеждой настигнуть криком безумца, дать почувствовать ему его одиночество...

Болл вернулся раньше обещанного срока. Не переодеваясь, устало завалился в кресло, сорвал с лица кислородную маску и бросил на стол. На макушке жалко торпорщились мокрые волосы.

— Что-нибудь случилось, Грэг?

— Да.

Пожалуй, нужно сварить ему кофе.

— Я слушаю.

— Нет, сначала мне хотелось бы выслушать вас.

Болл закашлялся, яростно сплюнул остатки легочного наполнителя, ответил:

— В таком случае идите ко всем чертям!

— Хорошо сказано, Свен. Емко. Будем считать, что

мы наметили точки сближения в вопросах взаимного понимания. Но вы раздражены, устали... Отдохните, пока я приготовлю кофе. Вам с молоком?

— Нет, мне покрепче. Почему вам нужно, чтобы я рассказывал первый?

— Грамматика. Я спал, а вы были заняты делом. События имеют склонность развиваться последовательно.

Болл уткнул лицо в маску и все то время, пока я был занят приготовлением кофе, дышал кислородом. Он явно поторопился покинуть «колесо обозрения».

Я разлил кофе и бросил на стол пакет с глюкозой. Болл жадно схватил свою кружку:

— Спасибо, Грэг, но знайте, что я все еще зол. На вас, на себя.

— Отлично. В нашем проклятом деле злость играет роль стимулятора. Пейте с глюкозой, вам необходимо подкрепиться.

— Вы оказались пророком... Квантаберов я не нашел.

Кружку, поднесенную было к губам, я бесцельно подержал на весу и медленно опустил на стол. Так...

— Продолжать поиски ружей не стал, — добавил Болл. — Решил вернуться.

И правильно сделал. Представляю, каково ему было слышать в воде мой отчаянный зов.

— Нет, не потому, — сказал он, перехватив мой сочувственный взгляд. — Просто понял, что искать бессмысленно. Ведь я выводил на поиски «Краба». Это его работа... — Болл кивнул в сторону акварина.

Я обернулся. Облако взбаламученных осадков несколько не поредело, пелена желтого тумана оставалась такой же плотной. Вспомнилась тень. Круглая, со светлым вырезом посредине.

— Скажите, Свен, как долго «Краб» занимался этой бесполезной и, судя по терепешнему состоянию дна, очень кропотливой работой?

— Я вижу, вас интересуют подробности... — Болл задумчиво покачал пустую кружку. — Зачем? Клянусь, я не видел и не слышал ничего странного. Кроме подводного крика, конечно. Кстати, что надоумило вас орать на весь океан?

Я указал на динамик. Он, видимо, ничего не понял, но сказал:

— Ладно, тогда по порядку... По-моему, прохладно, а? Вы не находите?

Он поднялся, включил электрообогреватели на полную мощность. Ноги окутала волна теплого воздуха.

— Так вот, Грэг, вы ошиблись вчера, я ничего не знал о бреднях швейцарца. Поэтому слово «аттол», даже прочитанное наоборот, оставалось для меня таким же загадочным. Вы уснули, бросив меня на растерзание вами же вызванным тревогам. У меня крепкие нервы, но, согласитесь, ваше вчерашнее поведение могло сбить с толку кого угодно... Поразмыслив, я решил вернуть квантаберы в бункер. Я был уверен, что делаю это напрасно: пока «Манты» в воде, за сохранность ружей нечего опасаться. Ведь я умышленно не стал отзывать скутеры в ангар, чтобы какой-нибудь бродяга спрут случайно не уволок опасную игрушку. Но сомнения не давали мне покоя. Лезть в воду самому не хотелось, и я сел за пульт. Подготовив программу для «Краба», я дал приказ «Мурене» сделать все остальное. Запрограммированный ею «Краб» вскоре выполз из четвертого бункера. Он кружил в указанном секторе добрые полчаса. Наконец мое терпение лопнуло, и я его отозвал. Вышло, что нужно идти за ружьями самому. Я оставил переговорное устройство включенным на случай, если мне понадобится что-нибудь передать. Не успел я выплыть

из-под бункера, как меня оглушил рев динамиков: «Пашич, вернись!..» «Мистер Соболев кричит во сне», — подумал я. Я быстро сплавал к четвертому бункеру и убедился, что ружья действительно исчезли. Вы продолжали кричать, и я вернулся. Вот и все, Грэг.

— Н-да, мало... Вам еще кофе?

— Не откажусь.

Я налил.

— Ну и как вы объясняете исчезновение квантаберов?

— Кальмары. Больше некому. Прошу прощения, но ваша версия меня раздражает. Насчет безумца, который бродит вокруг станции.

— Я этого не говорил.

— Конечно, — согласился Болл. — Вы об этом кричали. Давайте разберемся как следует. По самым оптимистическим подсчетам, Пашич, если не погиб — а я совершенно уверен в обратном, — должен находиться в воде уже около семи суток. Позволительно будет узнать: как он ест, как он пьет и где подзаряжает аккумуляторы?

Я признался, что эти вопросы занимают меня самого.

— Давайте посмотрим, на чем основана ваша гипотеза, — продолжал наступление Болл. — Во-первых, надписи. Та, которую видели вы, появилась внезапно, вдруг. А если этому не поверить? Я думаю, загадочные буквы остались нам в наследство от наших предшественников, просто вы раньше их не заметили. Во-вторых, исчезновение ружей. Конечно, «Манты» расстреляли бы любого кракена, попади он в зону действия локаторов. Но мы не учитываем длиннорукости спрутов. Какой-нибудь десятирукий вор мог запросто дотянуться до квантаберов, скрываясь за бункером. А больше, по-моему, ничего особенного не произошло.

— Произошло, — я протянул Боллу его записку.

— Это писал я, — сказал он. — Ну и что?

— Взгляните на обратную сторону листа.

Болл посмотрел:

— Не понимаю.

— Это морзянка, которую я принял перед тем, как вы услышали мое знаменитое обращение к Пашичу.

— Бросьте меня разыгрывать! — Болл побагровел. — Есть вещи, мистер Соболев, которыми не шутят!..

— А на кой черт мне вас разыгрывать! — выкрикнул я и хватил кружкой о стол. Зазвенели осколки.

Мы стояли друг против друга.

— Вы превосходный человек, мистер Болл, — сказал я, — но долгое общение с вами, очевидно, выходит за пределы моих возможностей.

— Я тоже думаю, что мистер Дуговский допустил ошибку, связав нас необходимостью совместных действий, — заявил Болл.

— Ну что ж, в таком случае я буду действовать самостоятельно, на свой страх и риск. И будь я проклят, если кто-нибудь сможет мне помешать!..

Первым опомнился Болл. Он сел и расправил смятую бумагу.

— Послушайте, Грэг, но это же чистейший абсурд. Может быть, вы знаете, на каком языке этот текст?

— Знаю. На русском.

— Чепуха! Я сумел бы прочесть любой русский текст.

Он с такой убежденностью сделал ударение на слове «любой», что я невольно простил ему все.

— Свен, — сказал я, пытаюсь говорить спокойно, — этот текст требует такого же необычного чтения, как и обнаруженная нами злополучная надпись. Читайте, Свен, справа налево. Читайте вслух, потому что

я хочу еще раз услышать то, во что мне трудно поверить.

«Я долго искала людей, я нашла...» — прочел Болл первую фразу и взглянул на меня. В его глазах блеснула насмешка.

— Читайте, Свен, читайте.

«Не покидайте меня, верните безличность, нет равно-
весия...»

Болл скомкал лист и, откинувшись в кресле, несколько раз подбросил его на ладони.

— Пришелец!.. — сказал он и громко рассмеялся. —
Вернее, пришелица!.. С другой планеты! Нет, из антимира!
Глубоководная нимфа!

Он хохотал. Я молчал, стиснув зубы.

Внезапно погас свет.

— Полетели предохранители, — услышал я голос Болла.

Скрип кресла, два громких щелчка — Болл вырубил из электрической сети систему обогрева. Лязг дверцы щита. Брызнула светом лампочка от аварийных аккумуляторов и сразу погасла. Мрак стал плотнее.

— Проклятье! Где у нас запасные? Я где-то ви...

Болл не договорил, замер на полуслове. «Ти-ти-та, ти-ти-та-ти... — пела морзянка. — Та-ти-та, та-ти-та-ти...»

Что с вами, коллега? Ведь вы никогда и ничему не удивляетесь: в конце концов «все объясняется очень просто». Может быть, вы испугались?

Громохая мебелью, Болл продирался к едва светившемуся в темноте аквариуму.

— Свен, дайте хотя бы фонарь! Так мы ни черта не запишем.

Мы не успели. Динамики умолкли до того, как Болл сообразил замкнуть клеммы отверткой. Плафоны вспых-

нули, я оглядел учиненный Боллом разгром и остался доволен.

— Ну вот что... Сейчас мы посмотрим батияльную карту, и я выйду в воду. С этим надо кончать.

— Что вы собираетесь делать? — спросил Болл, вытирая потный лоб.

— Собираюсь ловить. Я обшарю в окрестностях станции все уголки, обследую дно на доступных глубинах, но выслежу и поймаю безумца... или нимфу, если вы правы, а я ошибаюсь. Думаю, это будет не так уж и трудно: судя по всему, она предпочитает обходиться без скутера.

Болл поднял голову к потолку и стал к чему-то прислушиваться. Едва уловимый шорох, тихий скрежет. И вдруг неожиданно громкий и звонкий удар. Затем еще один и еще...

— Колотит... — сказал Болл и глупейшим образом улыбнулся. — Прошлый раз тоже так было, но разве я мог предполагать, что это не вы!..

Я вспомнил удары, которые слышал в воде. Болл перестал улыбаться, нахмурился. А я подумал, что у Дюмона, пожалуй, были основания для помешательства.

Все стихло. Но мы еще долго прислушивались, задрав подбородки кверху.

— Есть предложение, — сказал Болл. — Давайте плюнем на эту... на это... Ну, словом, начнем запуск добывающих агрегатов. Рано или поздно все решится само собой.

— Вот как! Плюнуть, говорите!.. — Я схватил его за отвороты халата и, дернув к себе, бросил ему в лицо: — Человек в беде! Он болен, гибнет! Понимаешь, чурбан ты этакий!..

Оттолкнув его, бросился к люку.

--- Подождите! — выкрикнул Болл. — Во-первых, вы должны извиниться.

Крышка люка откинулась.

— Вы тяжело и совершенно напрасно обвинили меня!

— Да, обвинил. Могу добавить: я презираю подонков, которым на все наплевать. Если я правильно понял вас, Пашич был вашим другом!

Физиономия Болла бледнела, вытягивалась и вдруг превратилась в багровую маску. Он двинулся на меня с кулаками, обрушивая по дороге стопки книг. Остановился в двух шагах. Но я уже не смотрел на него.

— Ладно, — сказал я. — Кулаки уберите, это я тоже умею. Будем считать: с первым пунктом нашей беседы покончено. Что во-вторых?

Болл выпрямился и жестом, преисполненным достоинства, но все еще обиженно посапывая, запахнул полы халата.

— Во-вторых... — он быстро овладел собой и говорил спокойно, — во-вторых, я хочу договориться с вами относительно будущих встреч под водой. Чтобы вы не принимали меня за кого-то другого, нам необходимо условиться...

— Хорошо. Пароль — тройное мигание фарой, отзыв — двойное. И всегда выбирать пояса постоянного цвета. Скажем белый для меня, для вас — оранжевый.

— Запомню. А что касается ваших чудовищных обвинений... Будь я проклят, если заслуживаю подобное! Поймите, Грэг, я ни на пенс не верю, что Пашич жив. Мы имеем дело с чем-то другим...

— С кем-то другим, вы хотели сказать?

Болл не ответил. Значит, твердо решил настоять на своем. Странно... По-моему, ситуация предельно ясна: в этом спектакле участвуют всего три актера. Появление четвертого на такой обширной сцене, как абиссаль-

ная бездна Индийского океана, мне лично представляется невероятным. Куда ни поворачивай компас воображения, а стрелка все равно указывает в одном направлении: Пашич. И дико было бы думать, что здесь замешан кто-то другой. Впрочем, есть еще один вариант: в бункер колотят кальмары. Ну, скажем, тот, которого я встретил на карнизе... А передача? А надпись? Тоже кальмары?

— Свен, ради всего святого! — воскликнул я, в отчаянии сжимая ладонями голову.

Болл понял.

— Я не романтик, гипотез не измышляю, — сказал он, разводя руками. — Я только уверен в одном: это не Пашич. Это не может быть Пашич.

Я свесил ноги в люк и задумался. С одной стороны, обстоятельства требуют немедленного выхода в воду, с другой... Болл только что был в воде и ничего не заметил. Я тоже находился в воде, когда впервые услышал загадочный стук. У меня буквально под носом расписали понтон. Безумец словно старается быть невидимым...

— Грэг, хотите хороший совет?

Да, я хотел. Хороший тем более.

— Не торопитесь в воду. Нам с вами, в конце концов, необходимо нормально спать и питаться.

Это я знал.

— Утром обсудим план действий за картой. Думаю, следует выйти вдвоем. Я не буду мешать вашим поискам, а вы поможете мне запустить агрегаты. Если, конечно, помощь потребуется.

Другими словами, целиком положиться на самотек... Минуту я колебался. «Гипотез не измышляю!» Ньютон с жабрами, Лаплас двоякодышащий. Очевидно, «измышлить» остается мне.

Я ушел в каюту и лег на диван, взгляд в потолок.

Прислушался. Тихо. Как здесь невыносимо тихо! Идеальные условия для размышлений. Н-да, если знаешь, с чего начинать.

Дюмон и Лотта, Пашич и Лотта. Наконец, Лотта и я. Взаимосвязь имен и событий поразительная... Дуговский обмолвился вскользь, будто Дюмона преследует женщина. Судя по глагольным окончаниям, таинственный субъект, который вел передачу, тоже относит себя к женскому роду. И все эти факты прямо связаны с помешательством Дюмона! И логики в них ни капли нет. И, вероятно, не будет.

А если все-таки есть? Ведь Дюмона преследовало то, что преследует нас. Деятельность Пашича? Какая блажь могла ударить ему в голову? Я плохо разбираюсь в разновидностях маниакально-депрессивного психоза. И Болл, наверное, тоже. Не запросить ли по радио мнение специалистов-медиков? Запросить...

А как сформулировать запрос? «Зеркально мыслящий Пашич настойчиво напоминает нам о своем присутствии, но избегает попадаться на глаза. Прошу собрать консилиум психиатров и выяснить заочно, в чем заключается иде фикс пострадавшего». А что, и соберут. И будут выяснять, и надают массу авторитетных рекомендаций. Н-да...

Может быть, Болл прав, и это не Пашич? Но тогда кто? Кто?.. Правда, я видел какую-то тень, круглую, будто с вырезом посередине. Но если это не тень одной из проплывших мимо акварина «Мант», я ничего не понимаю. «Верните безличность, нет равновесия...» Что правда, то правда — равновесия нет. Любопытно, кто из нас раньше свихнется, Болл или я? Наверное, я. У меня для этого больше причин.

Изучив потолок до мельчайших подробностей и сделав вывод, что результат моих размышлений самым

недвусмысленным образом равен нулю, я поднялся и вышел в салон.

Перед сном Болл успел навести в салоне порядок, и я потратил много времени, чтобы найти батиальную карту.

Карта представляла собой шедевр картографической замысловатости. Пятнадцать глубинных ярусов — девяносто прозрачных пластин. Такие карты требуют машинной дешифровки. Я разыскал пестро разрисованный карт-бланк с пометкой «М-2» и направился в рубку.

Внутри пульты время от времени что-то негромко и мелодично позвякивало. Темную полусферу прокалывали острые огоньки, мерцали пустые экраны. Выдвижной столик завален бумагами. Сверху несколько исписанных от руки листков и графики. Почерк Болла. Я разложил бумаги по порядку и стал просматривать...

«Умница, — подумал я. — Я перед ним виноват». Но почему он молчал? Впрочем, виноваты мы оба. Взаимная подозрительность, обмен информацией сквозь зубы — вполне достаточно, чтобы извратить основной принцип разведки. Глупо. И самое глупое то, что мы оба знаем, как все это глупо, и ничего не делаем для большего взаимопонимания... Болл догадался использовать наиболее доступный канал информации, а я узнаю об этом случайно.

Он исследовал память «Мурены» и на основе полученных данных вычертил графики. Получалось: добыча тяжелой воды резко упала за несколько дней до того, как Дюмон покинул станцию. Кривые на графиках имеют ступенчатую форму. И там, где ступеньки, множество пометок Болла: «В программе не задано! Кто выключал агрегаты? Зачем?» Да, эти выключения явно не подконтрольны «Мурене», потому что дальше — серия проверок исправности роботов и правильности их

программ. Но это ничего не меняет — ступеньки, ступеньки... Любопытно, что последняя попытка стабилизировать добычу не доведена до конца — вообще прекратили подачу энергии на агрегаты. Словно бы наши предшественники поняли бесполезность этой затеи. Или были заняты чем-то другим. Дальше «Мурена» получает совсем уж необычное задание: составить программу для автоматического извлечения из атомного бункера небольшого количества радиоактивного изотопа тория! В огороде бузина, а в Киеве дядька...

Я вытряхнул из футляра пластины батиальной карты и заложил их в приемный блок кодового устройства. Опустил в щель дешифратора карт-бланк. Мелодичный перезвон внутри пульта украсился новыми тембрами. На экранах четкое изображение поперечного разреза нашего глубоководного поднятия. Минут пять я тупо смотрел на экраны, пытаюсь вспомнить, по какому азимуту задал «Мурене» разрез...

Боллу я оставил записку: «Очень сожалею о сегодняшнем инциденте. Еще раз приношу свои извинения: я не знал, что задуманный вами эксперимент с агрегатами настолько оправдан. Вышел в воду в 5.45. Вернусь через двадцать часов. Делайте все, что считаете нужным. Жму руку. Соболев».

РЕКВИЕМ БЕЗДНЫ

Из-за неровной линии горизонта поднималась луна. Горизонт слишком близок, а луна слишком розовая. Даже не луна, а какое-то новое ночное светило, потому что луна не бывает таких огромных размеров и, главное, розовой...

Мне вдруг пришло в голову, что мы, люди, до крайности утилитарны. Даже в вопросах творчества. Мы не

можем позволить себе роскошь сосредоточивать усилия за пределами целесообразности. Океан может, ему плевать на принцип целесообразности. У него хватило фантазии сотворить эту великолепную живую планету (почти целиком из воды), а мы, его прямые потомки, разинув от восторга и удивления рты, ломаем головы над вопросами «как?» и «зачем?». И страшно завидуем. В своих лабораториях пытаемся научиться такому же мастерству, разгадать, использовать, улучшить, применить. Иногда это удается, иногда нет. А вот завидовать, наверное, не стоит. Океану легче фантазировать на тему «Многообразие жизненных форм»: в его распоряжений вечность.

Розовое диво волокно за собой длинный шлейф нежно светящихся щупалец, прозрачных и тонких до синевы. Имя этого грациозного существа я знал: тайра глобалос — недавно открытый вид глубоководных медуз-исполинов. Мало кому из людей доводилось наблюдать королеву медуз в естественной обстановке. Мне повезло, я мог считать себя счастливым.

На фоне светлого шара контрастно отпечатался вдруг угольно-черный силуэт плавников-крыльев. «Манта» мигнула зелеными огнями глаз и, успокоенная, с презрительным равнодушием повернулась к тайре хвостом. Не обижайтесь, Ваше Величество, мой скутер плохо разбирается в тонкостях этикета и, понятно, не умеет держать себя в присутствии коронованных особ. Сказать откровенно, Ваше Величество, я очень боялся, что этому дурно воспитанному субъекту придет на ум огреть Вас электрической дубиной... А сейчас до свидания, тороплюсь. Будем считать нашу встречу счастливым предзнаменованием...

Я лгал, торопиться мне было некуда. Мы слишком мало знаем, чтобы выработать правильную стратегию поиска. Почти ничего не знаем. Короче говоря, я вышел

в воду с единственной целью стать приманкой для безумца.

Я пересек линию обрыва, включил плавник и быстро поплыл в глубину. Вниз головой. Прожектора «Манты» светили мне в спину. Темная сердцевина конуса пронизывающих воду лучей казалась горловиной бездонного колодца. Это моя тень.

Навстречу из тьмы полыхнула зеленая вспышка. Гораздо более мощная, чем рассеянный свет прожекторов. Я скомандовал «Манте» ультразвуком. Прожектора погасли.

Внизу мерцали огни огромного города. Бархатная, усеянная звездами ночь и далекий, празднично иллюминированный город... По извилистым автострадам носились красные и лимонно-желтые огоньки, на площадях сновали толпы снежно-белых, голубых и синих. В суете светящихся точек и черточек вспыхивали цветные огни светофоров, во всех направлениях, словно большие пассажирские автоллеры, двигались лиловые пятна; отдаленные фонари отливали перламутровым блеском; в туманной дымке мельтешили фантастические узоры реклам.

Скопление подводных светляков — зрелище отнюдь не редкое, но впечатляющее. И каждый наблюдатель видит это по-своему: россыпи драгоценных камней, Млечный Путь, созвездия. А мне почему-то видятся города — в огнях, с многочисленным населением. В городах кипит жизнь. Не такая уж загадочная для меня — многие из жителей хорошо мне знакомы. И может быть, поэтому я чувствую себя в какой-то мере хозяином подводных городов. Но чувствую и другое.

В воде я не совсем человек. Вернее, не просто человек — у меня много общего с рыбой. И не только оттого, что я дышу жабрами, пользуюсь плавниками. Всегда, когда я в воде и один, в тайниках моего подсозна-

ния просыпается что-то чужое и смутное. Пожалуй, это можно назвать пробуждением древних, очень древних, незнакомых людям инстинктов. Даже не инстинктов, а скорее отголосков инстинктов, полустертых, сглаженных на гончарном круге миллионов лет эволюции. Невозможно четко и связно рассказать об этих своих ощущениях. Это все равно что пытаться проникнуть в область ощущения амебы, претерпевающей процесс очередного деления. Крайняя простота — и необычайная сложность, примитив — и таинство... Но так же, как, скажем, обертоны придают окраску звукам, эти тончайшие, едва заметные нюансы психики накладывают странный отпечаток на чувства и поведение. Все это, очевидно, хорошо известно каждому глубоководнику. Отсюда и «ангелы тьмы» в противовес придуманным журналистами «ангелам моря».

Медики объясняют подводные странности воздействием внешней среды на психику океанавта. То есть, в сущности, не объясняют ничего. Все то необычное, с чем сталкивается морская медикология, находит временный приют под вывеской «глубинная эффекация». Боюсь, что этот туманный термин так и останется словесным пустоцветом, поскольку его изобретатели толком не сознают, что в условиях бездны человек потихоньку становится рыбой, в нем просыпается рыбий инстинкт. И нужно самому побывать в гидрокомбовой шкуре, чтобы это заметить.

Уходя в океан, океанавт рвет пуповину, соединяющую его с материнской сушей, и чем дальше от берега и чем глубже идет погружение, тем очевиднее этот разрыв. Вокруг вода, а внутри сознание одиночества и своеобразной изоляции от привычного мира. По сути дела, труженики бездны отданы на произвол стихии. Они остро нуждаются в обществе себе подобных, иначе им трудно сладить с тем, что называется «глубинной

аффектацией». Их пока единицы. Потом их будут тысячи — окажется мало. Миллионы — капля в океане, потому что Земля на три четверти океан. Нужны миллиарды. И еще гармония нужна, гармония в неминуемой эволюции гомо субакватикуса *. Или равновесие — если угодно — между тем, что человек готовится приобрести в воде, и тем, что он уже имеет в себе после суши. А пока равновесия нет... Нет равновесия?! Стоп!..

Беспечность в воде обычно обходится дорого. Особенно при таком стремительном спуске. Мне повезло: я ударился грудью. Вспыхнули прожектора, осветив шероховатую поверхность базальтовой глыбы. Пока нащупывал контактный диск, плавник сбросил меня со скалы, уволок к ее подножию и, завертев в неуправляемом штопоре, швырнул в оранжевые заросли прутовидных губок...

Я разглядывал свой трофей со смешанным чувством удивления и тревоги. Кирка, обыкновенная кирка, насаженная на металлическую ручку. Таким инструментом пользуются морские геологи. Я подхватил ее на песке, где-то у подножия злосчастной скалы. Первые плоды тактики «свободного» поиска!

На карте эта терраса выглядела невзрачной ступенькой. А здесь... Насколько хватал глаз и позволял видеть свет, во все стороны простирался цветущий подводный оазис. Я стряхнул с левого лапа крупного рака — неимоверно длинные тонкие клешни! — и вернулся к подножию скалы, если скалой можно было назвать клумбу красно-желтых цветов.

Вершина утеса облеплена колониями актиний и звезд. Я повел фарой вниз и осветил песчаную плешь. Призывно вспыхнул металлический отблеск...

Рядом с ружьями спал черный скат. Отогнав его, я

---

* Г о м о   с у б а к в а т и к у с — человек подводный (латин.).

поднял квантаберы. Да, оба здесь. И оба в рабочем состоянии: на тыльной стороне прикладов мигали рубиновые глазки — индикаторы заряда. Кирка в одной компании с украденными ружьями...

Один квантабер я повесил на грудь, другой на плечо и всплыл на вершину. Сел на утес, обхватив каменный выступ ногами, задумался. Вокруг сновала рыба мелочь. Любопытные мальки нахально теребили ворс на моих коленях. «Манта» неподвижно застыла над головой.

Итак, возвратимся к исходной точке. Во время удара об эту самую скалу я думал о равновесии. Меня поразило совпадение собственных мыслей с загадочным содержанием передачи. «Я долго искала людей, я нашла, не покидайте меня, верните безличность, нет равновесия...» В этом, казалось бы, совершенно бессмысленном обращении мне слышится отчаянный призыв. А если попробовать расшифровать? «Я долго ждал вас, я дождался, теперь не покидайте меня; обреченный на одиночество, я потерял рассудок, утратив равновесие между человеческой сущностью и теми изменениями в психике, которые подарила мне враждебная пучина». Неплохо, совсем неплохо. Но при чем тут безличность? Ума не приложу...

«Манта» мигнула прожекторами и подняла колонны света к зениту. Странно, кальмары никогда не атакуют сверху. На всякий случай я спустил предохранитель квантабера. Может быть, «Манта» почуяла кашалота? А что! Эти кишашие спрутами места вполне могут служить охотничьим угодьем для зубастых китов, глубина позволяет. Конечно, было бы интересно понаблюдать за подводной охотой кита, но как быть, если придется стрелять? Нет, лучше уйти, не буду никому мешать. Стрелять в теплокровное животное просто рука не поднимется: как-никак, а мы родственники..

Я подозвал «Манту», повесил ружья на трапещию и покинул террасу.

Голая угрюмая стена, кое-где покрытая сетью глубоких трещин, уходила в пропасть почти вертикально. Свет фары бледным пятнышком скользил по ее шероховатой, местами бугристой поверхности все ниже и ниже, в нескончаемую глубину. Мрачное однообразие...

Я сунул лезвие кирки в одну из трещин, отплыл подальше, чтобы свериться с компасом. Карбункул батиметра светился желтым огнем. Двухкилометровая глубина. Если батиметральная карта не врет, где-то здесь находится уступ. Может быть, ниже? Посмотрим...

Я вернулся за киркой. Из каменной щели вылез большой ярко-красный рак весьма симпатичной наружности. Я подергал его за усы — он погрозил мне клешней. Ладно, старик, извини. Просто я рад, что встретил тебя, мне здесь одному страшновато. Ухожу, ухожу. Вниз, туда, где раки зимуют. Ты случайно не знаешь, где раки зимуют?

Плавник тащил меня в глубину. Я чуть не прозевал предсказанный картой уступ, сплошь заросший губками, похожими на черные резиновые мячи.

Пока я осматривал этот странный балкон, неизвестно как прилепившийся к отвесной стене, откуда-то приплыл чудовищный макрурус и очень недружелюбно поглядел на меня своими телескопическими глазами. Он обнюхал кирку, которую я протянул ему для предварительного ознакомления, и похлопал себя плавниками по огромному пятнистому животу. Макрурус, конечно, не акула, но его круглая собачья морда и оскаленная пасть с длинными, загнутыми назад клыками никак не внушали доверия. Мне вдруг захотелось прогнать его ударом ласта, как собаку, — пшел, дескать, вон! Но, памятуя о повадках самонадеянных дворовых псов — клянусь, аналогия полная, — решил оставить

рыбу в покое. Кирку я бросил на камень. Захватчу на обратном пути.

...Балкон остался где-то далеко наверху. Так далеко, что я боялся взглянуть на батиметр. Пока кристалл этого миниатюрного прибора сиял оттенками теплых цветов, я мог не обращать на него никакого внимания. Но если он начинал светиться зеленым... Я поднес руку к лицу. Да, он светился зеленым запретным огнем. Три-ста атмосфер давления, три километра глубины — «подвал», как говорят глубоководники, — предел погружения. Дальше человеку нельзя. Дальше опускаются трупы.

Подвал имеет три этажа. Их различают по цвету карбункула. Верхний — зеленый. Средний — изумрудно-зеленый. Нижний... Согласно спектральному ряду нижний должен быть голубым — кристалл батиметра даже на это рассчитан. Но те, кто видел его голубым, навсегда остались в пучине. Кроме тех, пятерых, героев современной легенды. Легенды такой же странной, как и те обстоятельства, которые легли в ее основу.

Угрюмый вид голой скалы действовал мне на нервы. Изредка встречались большие темные трещины. Они уходили вниз почти вертикально и там, куда едва достигал свет прожекторов, давали начало гигантским расселинам. Я знал: в таких местах любят гнездиться кальмары. Прозондировать одну из щелей лучом? Луч осветил каменные внутренности мрачного коридора, за каждым выступом таилась черная тень. Кальмаров я не увидел, но инстинкт упрямо подсказывал: будь настоящее.

Я вылез из щели и поплыл в открытый простор океана. Подальше от мрачной стены. Заблудиться я не боялся, «Манта» найдет дорогу назад: где-то вверху, на площадке добывающих агрегатов, непрерывно действовал ультразвуковой маяк.

Я долго плыл, не оглядываясь, словно торопился куда-то.

Глазу не на чем остановиться в этой водяной пустоте. Стоит чуть усомниться в достоверности своих ощущений — и ты мгновенно теряешь ориентировку в пространстве. Я усомнился, когда заметил, что «Манта» плывет за мной как-то совсем необычно, боком. Я понимал, что скутер здесь ни при чем, — потерял ориентировку я сам. Два таких фундаментальных понятия, как «верх» и «низ», превратились в ничто. Противно до головокружения.

Трудно поверить, но где-то в трех километрах отсюда находится дневная поверхность океана и примерно на таком же расстоянии — дно. Меня окружала беспредельная вечная вселенская тьма, и не было ей ни конца ни начала, не было вообще ничего, кроме тьмы. Хранимый в воспоминаниях мир солнечной суши казался счастливым сном, и только. Он был далеко — быть может, на другой планете. Доведется ли снова увидеть его?

Я вынул нож и двумя пальцами взял кончик лезвия. Тяжелая рукоять указала мне направление к центру планеты.

Оказывается, это очень важно — знать направление к центру планеты. Теперь все стало на свои места. Я висел вниз головой над чернеющей бездной... И вдруг — по телу словно разряд нервного тока — в глубине, на одной вертикали со мной, вспыхнул бледный луч! Нет, даже не вспыхнул — скорее возник, потому что это далеко, где-то на пределе видимости...

Луч кружил, странно мерцая. Фара? Очень похоже. И в то же время как-то не очень... Вниз!

Луч описал дугу и погас. Мгновенно, как гаснет выключенная фара. Безумец! Стой! Ведь так мы никогда не сумеем настигнуть тебя и помочь! Я здесь уже,

я рядом, быть может, это твоя последняя надежда!.. В ответ — летящая навстречу бездна мрака, иллюминированная горстью голубых огоньков. Быстрее вниз, быстрее — секунды решают все!

Когда уходишь вниз, пучина легко уступает. Горе тому, кто не сумеет вовремя остановиться...

Я сумел. Помнился и выключил плавник. Взглянул на батиметр. Изумрудно-зеленый... Баста. Подвал океана бездонный. Ты же знаешь: голубой этаж обрывается в небытие.

А ты уверен, что стоишь на последних ступеньках? Вот видишь, нет, не уверен... Но разве ничего не значит эта странная глухая боль в суставах рук и ног, в затылке, в бедрах, в позвоночнике? Значит, но только то, что я никогда не забирался так глубоко...

Сверху по ниспадающей спирали спускалась «Манта». Луч прожектора больно ударил в глаза. Потуши свои лампы, дорогая! Спасибо, теперь хорошо... Густая вселенская тьма. И ничего похожего на бледный таинственный луч. Будто привиделся.

Еще с полсотни метров вниз — и хватит, пожалуй. Шутки с такими глубинами плохи: можно услышать реквием бездны... Реквием бездны? Понятия не имею... Ну-ну, не надо лгать: лгать самому себе бесполезно. Вспомни: тех, кто слышал его и потом нашел в себе силы вернуться, можно пересчитать по пальцам одной руки. Да, я помню, конечно. Об этом дьявольском глубоководном наваждении рассказывают по-разному. Но только своим, и то не каждому. Однако сначала я не поверил: мне казалось, что мнимая музыка больших глубин вряд ли способна ослабить волю подводника, но мне довелось побеседовать с гидрокомбистом, которого причисляли к знаменитой пятерке. Он рассказывал скупое и неохотно, и потому, наверное, его рассказ звучал достоверно. В заключение он совершенно серьезно

добавил: «То, что я слышал на голубом этаже, вполне может конкурировать с голосами сирен старика Гомера. И я отлично понимаю тех из наших парней, которые предпочли остаться в глубинах».

Ладно, поехали вниз, немного, самую малость... Рисканно, знаю, однако иначе я не могу: луч не привиделся — был. Безумец здесь, где-то рядом. Может быть, и не безумец вовсе, а просто несчастный, услышавший пение подводных сирен и не желающий поэтому вернуться?

В голове нарастал гул. Ну вот, начинается... Стоп, дальше нельзя: кристалл батиметра отликает мягким бирюзовым сиянием. Но главное даже не в этом. Главное в том, что моя черепная коробка вырастает до размеров огромного корабельного трюма. Весь корабль гудит и качается от ударов злобных штормовых валов, каждый удар порождает в трюме странное дрожащее эхо. Ерунда, просто я ощущаю, как в висках тяжело пульсирует кровь. Теплая живая кровь — это реально, остальное обман. Вот видишь, я все понимаю, все сознаю, всему нахожу объяснения. Значит, опасности нет — можно чуть ниже... Где он, где этот реквием? Не слышал, не верю, дурацкие выдумки. Просто шум в голове, которому никак нельзя приписать музыкальность.

...А в трюме звенит и похрустывает мелкое крошево стеклянных созвучий. Тихонько тренькают стеклянные струны, падают в темноту, и там разбиваются вдребезги стеклянные бусинки нот. Эта стеклянная суэта начинает казаться забавной. И вдруг...

В настороженно-гулком пространстве раздается отчаянный дикий крик...

После первых мгновений жуткого оцепенения — всеобщая тишина. Растаяли стены мрачного трюма, вернув ошеломленному узнику былую свободу и легкость

движений. Кристалл батиметра горит спокойным бирюзовым огнем.

Где-то далеко-далеко — может быть, в центре вселенной — торжественно бьют мировые часы. Двенадцать тягучих ударов, и каждый из них — столетие. Последний удар долго звучит в ореоле дрожащего эха.

— Полдень?.. — вопрошаю пространство.

Внятный женский голос говорит за моей спиной:

— Ты ошибаешься. Полночь.

— Допустим, — неуверенно соглашаюсь я. — Но полночь чего? Эры, эпохи, тысячелетия?

— Полночь твоих желаний, — раздается в ответ.

Нет, это слишком!

— Откуда вам известно о моих желаниях, мадам? Кто вы? Покажитесь!

Смех.

— Это неважно, — отзывается голос.

— Что неважно?

— Все, что ты говорил. Я Тьма, понимаешь? Этим все сказано.

— Н-да, пожалуй...

Я вслушиваюсь в раскаты одиноко бродящего эха. И ощущаю течение времени. Время течет, как вода. Я набираю его целыми пригоршнями, дивясь, что стал обладателем такого богатства. Когда-то давным-давно, в счастливую пору рождения детских, еще неясных желаний, я очень любил играть быстрыми струйками уличных фонтанов. Ловил прозрачную воду руками, стремясь задержать в мокрых ладонях это неиссякаемое сокровище. Так и теперь; мне кажется, я властелин никому не подвластного времени. Черпаю из его огромных запасов, небрежно проливая капли-минутки.

И снова где-то за моей спиной слышится смех.

— Я вижу, ты доволен подарком.

— Подарком?

— Конечно... Бери, я дарю тебе вечность.

— Зачем мне вечность? — Меня охватывает разочарование.

Голос медлит с ответом. Наконец говорит:

— Вечность — ведь это же так заманчиво!..

— Вечность — это небытие. Твой подарок лишен всякого смысла.

— Вот как! — удивляется голос. — Значит, боишься?

— Нисколько. Просто мне не нужна беспредельность, я знаю этому цену. Недосягаемый призрак, обман...

— И я беспредельна. Я тоже, по-твоему, призрак, обман?

В этом вопросе звучат лукавые нотки. Но я не колеблюсь:

— Да, тоже.

— Я Тьма! — вскипает негодованием голос. — Беспредельная, вечная Тьма! Я существую!

И в негодующих возгласах мне чудится что-то наивное, до смешного похожее на женский каприз. Черт побери, я даже немного смущен.

— Вот видишь, — смягчается голос, — мне больно слышать дерзкие речи. Но я, как женщина, великодушна и прощаю тебя.

— Спасибо. Но тем не менее должен заметить, что власть твоя эфемерна. Ночь уходит с наступлением дня, и тьма исчезает. Но стоит ли спорить об этом? Может быть, просто скомандовать скутеру включить освещение?

— Не нужно. Впрочем, попробуй. Я все равно останусь с тобой в другом своем качестве. Погляди: в твоих руках горит голубая звезда. Это судьба!

Бросаю взгляд на батиметр. Чистый голубой огонек...

В сердце вонзается жало веселого ужаса. Меня разбивает смех.

— Я не боюсь тебя, Бездна! Ведь это твое настоящее имя, не так ли?

— Я не скрывала. Но ты слишком поздно догадался об этом.

— Не имеет значения. В конце концов, я намерен взять у тебя интервью.

— Любопытно. О чем же ты хочешь спросить? Ах, я уже знаю! У него было странное имя — Вилем... Кажется, так?

— Верно. Ты буквально читаешь все мои мысли. Да, Вилем Пашич... Но почему же «было»?

— Скверные предчувствия не обманули тебя. И довольно об этом.

— Продолжай! Хочу знать все о его таинственном исчезновении. Иначе я не поверю тебе.

— Какие вы странные люди... Даже в объятиях Бездны вам обязательно нужно думать о ком-то другом.

И столько неподдельной тоски в этом признании, что где-то внутри все цепенеет от жалости. Удивительный голос. Голос сумеречного одиночества...

— Зачем тебе Вилем? Слышишь, я произношу это имя с презрением. Да, я ждала его, надеялась, но все понапрасну. Зачем тебе он? Ведь ты не знаешь его! Вы ни разу не были вместе!..

— Видишь ли... — прерываю поток быстрых, горячих слов. — У нас, у людей, довольно обширная география. Но мы научились крепко стоять друг за друга. Жизнь научила... Впрочем, для тебя все это китайская грамота.

— Оставь иронию.

— Я не могу доверять невидимому собеседнику. Даже с таким вот приятным и волнующим голосом.

— Ты ставишь условия? Ну что ж...

Фраза не закончена. Молчание. За этой незаконченностью и молчанием чувствуется борьба непонятных мне решимости и опасений.

— Что ж, я не слишком упряма.

Ага, победила решимость.

Краешком глаза вижу: в стороне возникает темное вертикально-продолговатое пятно, окруженное прозрачным сиянием. Где-то в отдалении начинают дробно бить барабаны — тягучий и однообразный ритм. Пятно растет, приближаясь, и теперь я могу разглядеть женскую фигуру, закутанную с головы до пят в черное, усеянное жемчужными брызгами покрывало.

— Ты удивлен? — говорит знакомый голос. — Как тебе нравится мой туалет?

Удивлен! Мне кажется, это недостаточно точное слово для характеристики моего состояния.

Женщина в черном ждет ответа. Не вижу, но чувствую пристальный взгляд. Лица не видно под черной густой вуалью, но я не сомневаюсь, что оно прекрасно.

— Эффектно... Очень эффектно. — И неизвестно к чему добавляю: — Мария Кристина Гонсалес!..

— Ты забыл мое имя? — смеется.

— Нет, представь себе, помню. Бездна Пучина Кальмарес и Тьма... Кажется, так?

— Не совсем, — что-то лукавое слышится в этих словах.

Две лампы источают спокойный фосфорический свет. Одна из них голубая, другая бледно-лиловая. Это светящиеся глубоководные медузы. Меня искушает желание видеть лицо незнакомки, но свет лампад недостаточно ярко, чтобы пройти сквозь вуаль.

— Не совсем! — повторяет она торжественным тоном. — К перечню моих имен ты забыл добавить собственную фамилию.

— Польщен, мадам, но вы меня, признаться, озадачили...

Из-под черного покрывала медленно высвобождаются великолепно изваянные женские руки. Ложатся мне на плечи. Обнимают за шею. Где-то рядом неистово бьют барабаны.

— Свадебные барабаны, — шепчет она. — Понимаешь?.. Ты мой!

Ощущаю трепет прильнувшего гибкого тела. Кружится голова. Кажется, я задыхаюсь!

— Оставьте, мадам! Все это вульгарно и глупо!

Пытаюсь стряхнуть с себя цепкие руки.

— Ты мой! — жарко шепчет в лицо через вуаль. — Мы связаны узами тайного брака. Обними же меня! Крепче, ну! Уйдут суета и тревога, остановится время. Во вселенной нет никого, кроме нас. Ты и я! И с нами полночь твоих желаний...

— Прочь, все твои чары напрасны, я все равно не смогу быть с тобою, уйди!..

Объятия жарче, сильнее, шепот все ласковей и неразборчивей.

Полночь ли, полдень, свет или тьма, добрая, слегка ошалевшая фея со мной или красивая ведьма, жив или мертв... Стоит ли думать об этом? Может быть, просто взглянуть ей в лицо и забыть обо всем? Взглянешь — и крышка. Камнем на дно, как другие...

Срываю вуаль. А-а-а!.. Страшная карнавальная маска, мертвые дыры глазниц.

И снова где-то внизу, в глубине, завывающий крик. Отчаянный, дикий и жуткий в своем одиночестве...

Я уже не корчусь в объятиях — мне все равно. И вовсе это не руки, а змеи. Страшная маска сама по себе, змеи отдельно. Их много, отвратительно толстых питонов, я в центре клубка. Маска, оскалив светящие-

ся зубы, плавает рядом. За ней волочится длинный свешивающийся хвост.

В голове вскипает знакомый стеклянный шум. И вдруг словно пелена падает с глаз: я вижу хрустальный колокол света от прожекторов «Манты». Ощущаю встречный ток воды, удушье проходит. Значит, идет декомпрессия, или, попросту говоря, я поднимаюсь. Нет, не я поднимаюсь — меня поднимают. Выше и выше. Со скоростью света. Это, конечно, гипербола, но как выразиться иначе, если голубой карбункул батиметра на глазах становится изумрудно-зеленым? Со скоростью цвета? Пусть так, а вот с головой у меня, должно быть, не все еще в порядке, иначе бы я догадался, кто меня тащит. Нет сил шевельнуться.

Змеи, питоны... А раньше были женские руки. Смешно! Можешь смеяться последний раз в своей жизни, потому что это не змеи, не руки — щупальца это, громадные щупальца в бородавках-присосках, каждая из которых величиной с добрый кулак. А сзади громадная скользкая туша, оглянись и увидишь. Зачем? Знаю и так: я в лапах гиганта. Аднос*, Бездна Пучинос и Тьма! Ты умеешь шутить, старая ведьма, умеешь, должен признаться...

Кристалл отливает зеленым сиянием. Потом постепенно желтеет. И вдруг остановка: не чувствую тока воды. Все внутри холодеет: конец... Вижу затылком раскрывшийся клюв и нацеленный глаз. Примеряется, гад!..

Сдавленный кольцами щупалец, забываюсь в смертной тоске.

Сверху тихо и мягко опускается тайра. Поравнявшись со мной, подбирает края своей королевской мантии, втягивает тонкие щупальца внутрь полусферы. Королевский книксен... Спасибо, Ваше Величество, но я

---

* Аднос — прощай (испан.).

уже не верю в приметы. Ах, Вы пришли посмотреть, как палач приведет в исполнение приговор Бездны! Тысячу раз благодарен, Ваше присутствие скрасит несчастному страшную казнь... Чего же ты ждешь, многорукая тварь?!

Кракен словно раздумывал. Сплетал и расплетал кольца щупалец, трогал меня то одной «рукой», то другой, будто важно было знать ему: жив человек или мертв. Дотянуться бы мне до квантабера!.. «Манта» спокойно плавает рядом — ей плевать на хозяина. Что с ней? Почему не стреляет эта мнемотронная дура?

На меня с любопытством глядит безобразная маска. Та самая, которая так меня напугала. То, что мне показалось пустыми глазницами, на самом деле большие глаза, обведенные светящимися кругами. Это какая-то рыба... Внезапно рядом с любопытной образиной появляется зверь пострашнее: рыба-труба. Не рыба, а плавающий мегафон с большим ярким голубым фонарем. Вот она, эта «фара», которая заманила меня в глубину... «Карнавальная маска» откусывает хвост рыбе-трубе, величаво приближается к тайре. И гибнет, пораженная щупальцем, точно высоковольтным проводом. А я не хочу! Слышите вы, глупые твари, я не хочу!!!

Мне удастся вырвать руку с ножом из железных объятий. На, получай! Клинок уходит в упругую мякоть толстого щупальца. По рукоять. Кракен, кажется, вздрогнул. Я тоже вздрогнул, ожидая конца... Он медлит с расправой, удивленный, должно быть, неслыханной дерзостью. Что значит эта колючая игрушка против тонны чудовищных мускулов!

Пьянея от ярости, бью и кромсаю ножом резину кальмарьего мяса. Я знаю, что это конец, до обидного глупый, нелепый, мне страшно и жалко себя, однако

выхода нет. А каждый удар лишь способен ускорить реакцию демона смерти, но я продолжаю рубить и колоть, без цели, без милосердия и без надежды. И вдруг — о чудо! — кольца разжимаются, щупальца оставляют меня. И вот мы друг перед другом, глаза в глаза. Я — маленькая разъяренная оса, готовая жалить, он — могучий многорукий дух из царства умопомрачительных кошмаров. Иногда нечаянно подмеченный контраст ошеломляет так, как это бывает в минуту внезапного шока: зеркально чистый, острый блеск стального клинка — и темный таинственный глаз, в котором ни злобы, ни даже ответной угрозы. Беги, ненормальный, ведь это последний твой шанс! Включаю плавник, ловлю замирающим сердцем момент избавления. Бегу со всей доступной мне скоростью, гонимый взглядом подводной химеры...

Одна рука вцепилась в трапецию, другая срывает квантабер. Над головой широкие крылья машины, створки кабины открыты — надежно, как броневая плита. А руки дрожат. Сердце наполняет жестокая буйная радость. И гнев. Эй, десятирукая чернильница, теперь ты отведаешь луч!..

Уродливая голова спрута в перекрестке прицела. Щупальца — мощные корни какого-то странного дерева — шевелятся. Были грязно-зеленого цвета, становятся красными. Точно раскаленный металл. В центре ощеренный клюв. И глаз. Немигающий, темный, живой. Смотрит... Опускаю квантабер. Я не могу в это стрелять...

Раскаленный металл остывает. И опять характерный для кракенов цвет — темно-зеленый. Значит, мой враг успокоился. Враг ли? Какого черта, стреляй!

Враг снова в прицеле. И снова краснеет... Постойка, дружок, ты, кажется, знаешь, что такое квантабер? А ну-ка, проверим еще...

Ствол вниз — грязно-зеленые корни. Ствол прямо — красный накал. Забавно, как в цирке! Кто-то всерьез занимался с тобой дрессировкой. И я, кажется, догадываюсь кто...

Послушай, образина, где твой укротитель? Жив или мертв?.. Молчишь? Быть может, ты его слопал? Нет, не похоже: с таким же успехом ты слопал бы и меня.

Я повесил квантабер на грудь, вцепился в трапецию и ультразвуком скомандовал «Манте» плыть на маяк.

ГЛИЭР И БЕНТАРКИ

Темно. Различаю только голубовато-призрачный овал акварина.

Сняв кислородную маску, устало перешагиваю освещенную снизу закраину люка и ощупью направляюсь в глубь салона. Неожиданно спотыкаюсь о какое-то препятствие и, не удержав равновесия, падаю в темноту. Поминая чертову родню по шестое колено включительно, изучаю пальцами место ушиба. Потом ощупываю препятствие. Ноги!.. Безвольно вытянутые неподвижные ноги... Все внутри напрягается от предчувствия страшной беды.

Бросаюсь к пульта. Рубильник рывком на себя до отказа. Вспыхнувший свет мгновенно возвращает утраченное было чувство реальности.

Болл лежит на полу, запрокинув голову в проем между ножками перевернутого кресла. Губы сомкнуты, на горле выпирает кадык. Разрываю свитер, чтобы выслушать сердце. Болл приподнимает голову и мычит что-то нечленораздельное. В нос ударяет тошнотворный, ненавистный мне запах. Так, коллега тяжело, что называется, мертвецки пьян...

Я порылся в аптечке, зарядил пневмошприц и, с

трудом преодолевая отвращение и бешенство, перевернул Болла спиной вверх. Вот уж никогда не думал, что здесь пригодится лекарство, нейтрализующее алкоголь! Быстро же мы обрастаем шерстью, господа...

Покончив с инъекцией, направляюсь в каюту Болла. Ударом ноги распахиваю дверь. Дверца шкафа открыта. На полке поблескивают три бутылки спиртного.

Бутылку за горлышко. Взмах... Осколки, груда осколков и лужа.

Осколки последней бутылки сыплются на пол. Все... Владелец бара проснется начисто разоренным.

Вспышка гнева прошла.

Подхожу к столу и беру в руки то, что сначала показалось мне зеркалом. Это портрет. Превосходный фотопортрет молодой женщины. Темное, очевидно, загорелое лицо обрамлено волнами светлых, почти невидимых на снимке волос... Глаза глубокие, строгие.

Выходит, Болл не один...

Болл спал. Голая грудь мерно вздымалась. Я снял сиденье с кресла, положил ему под голову. Не для него — плевать я на него хотел. Для той, которая на снимке.

У себя в каюте я запер дверь на внутренний замок. Постоял перед Царевной-Лебедем. Глаза большие, глубокие, и нет в них строгости. Скорее печаль и детское любопытство. Я взял со стола нож, оставленный Пашичем, хотел обрезать провода переговорного устройства. Но не обрезал — вспомнил Дюмона.

Уснуть легче всего, если стараться некоторое время лежать неподвижно. Я лежал, старался. На столе таблетки снотворного. Нельзя... Нужно уметь засыпать естественным образом. Даже в этой наглухо закупоренной консервной банке, называемой бункером. Консервированная тишина...

Мысленно пронзив потолок и толщу воды, я блажен-

но зажмурился. Потому что в безоблачной вышине, над безмятежно-голубой поверхностью океана жарко горело полуденное солнце... С тех пор как люди познали трехмерность планеты, проникли в недра ее и глубины, поверхность стала для них чем-то вроде Эдема. Там, наверху, всегда обязательно день, свежий ветер и солнце. Это просто необходимо, чтоб всегда обязательно солнце...

Внезапно под действием какого-то внутреннего импульса я широко открыл глаза и воззрился на холодное сияющий диск настольной лампы. Вот твое солнце, приятель. А на поверхности сейчас, наверное, ночь, завывающий ветер, шторм... Повернул голову и взглянул на часы. Да, ровно двадцать четыре. Полночь. Полночь твоих желаний... Хм, надо же было придумать!

И завертелась чудовищная карусель зеркал, отражающих куски сегодняшних событий. Напряглись усталые мышцы, лоб покрылся холодной испариной, участились дыхание, пульс. Мозг раскручивал карусель на повышенных оборотах. Словно мотор, в обмотки которого подано больше, чем надо, энергии. На таких оборотах запросто могут выйти из строя подшипники. Быть может, именно так и спятил Дюмон?..

Я сжал руками виски, громадным усилием воли заставил себя успокоиться. Видишь, все хорошо — удалось. Теперь попробуй уснуть. Ты должен уснуть, обязан. Не прибегая к снотворному.

И вдруг я понял, что эти мучения надолго. До тех пор, пока не домыслишь. Чего-то я не домыслил, не уловил, в водовороте недавних событий проглядел что-то важное... Важное ли? Появилась надежда: если решить, что неважное, — сразу уснешь. Только прямо и честно. Прямо и честно... Кретин!

Важно все: города светляков, стеклянный реквием, бездна, дрессированный кракен, пьяный Болл, фотопорт-

рет, Царевна-Лебедь — множество мозаичных кусков одной грандиозной картины. И если все обобщить, получается что-то большое и цельное. И центр всего этого — я. А центр меня самого — мои беспокойные мысли. Пульс бытия... Я и не знал, что понятие «мысль» имеет массу синонимов.

Машина времени — очевидно, один из этих синонимов. Можно думать о прошлом, жить настоящим, грезить о будущем, можно порознь, а можно вместе, одновременно. Этим мозг человека отличен от мозга животного. Животные пребывают в куце мире, в рамках конкретной реальности данных мгновений. Человеку просторней: он живет тем, что было, что есть и что будет. Я живу, по крайней мере, сразу в настоящем и прошлом. Увязать настоящее с прошлым, осмыслить — значит проведать о будущем.

Я побывал на «голубом этаже», слышал реквием бездны, был на грани безумия. Это прошлое. Однако я жив — настоящее. Своим спасением обязан кальмару — резюме, так сказать. Итак, в будущее проектируется кракен... Ну что ж, возьмем это за основу вполне вероятных прозрений.

Кракен мог меня растерзать. Не растерзал. Не причинил мне ни малейшего вреда, хотя свободно мог свернуть мне голову одним движением щупальца. Случайность? Допустим. Теперь другое: кракен знает, что такое ружье. Расскажи я об этом кому-нибудь из подводников, меня засмеют. Болл просто лопнет от хохота. Но факты неумолимы: кто-то очень прилежно занимался дрессировкой глубоководного примата. Видимо, Пашич... Да, но с какой стати? Хобби морского геолога? Научный эксперимент? Или озорное желание мистифицировать своего напарника? Если это мистификация, то она ему, надо признаться, удалась... «Скажите, Свен, Пашич способен на это? Ведь вы его хорошо знаете». —

«Нет, не способен. Пашич был достаточно серьезным человеком, мистер Соболев». Н-да..

Помнится, я где-то читал, что какой-то чудаковатый радист учил шимпанзе стучать на ключе. Обезьяна умела выстукивать целые фразы. Где гарантия, что Пашич не обучил тому же кальмара? Только фразы наоборот, шиворот-навыворот. Так оригинальнее. Для людей, разумеется. А для кальмара порядок знаков не имел никакого значения — лишь бы запомнил последовательность продолжительных и коротких нажатий... Изобретателен, черт!

Теперь проще простого объяснить круглую тень в акварине. Вероятно, я видел одно из щупалец кракена, свернутое в кольцо. Да, размеры вполне соответствуют. О бездна! Неужели я обо всем догадался? Слишком легко и просто, чтобы это могло быть правдой...

«В конце концов, любая загадка объясняется просто». Очевидно, вы правы, мистер Болл. Я никогда не верил в простоту объяснений, грешен... Даже сейчас сомневаюсь.

Но тем не менее гипотеза, которая все хорошо объясняет, автоматически возводится в ранг стопроцентной теории. Теория всемогуща, как бог — универсальный ключ к множеству секретных замков. Старина Саваоф тоже был чем-то вроде теории, универсальным ключом, — в оные времена завидно просто объяснялась даже вселенная. Мне предстоит объяснить куда более прозаические вещи. Например: почему не стреляла «Манта»?

Само собой разумеется, Пашич должен был как-то защититься от машины кальмара, с которым ему удалось подружиться. Дрессировкой здесь не поможешь, вопрос мог быть решен только техническим способом. «Органы чувств» машины хорошо мне знакомы. Во-первых, маг-

нитный экстраполятор... Не в счет: кальмару пришлось бы таскать на себе электромагнит. Так же мало пригодны химический анализатор воды и устройство координации. Другое дело — ультразвуковой приемник. Если снабдить кальмара миниатюрным передатчиком ультразвуковых звуковых частот... В принципе это возможно, хотя и не просто. Погоди-ка, забыл радиометр... Ах, вот оно что!

Никуда не денешься, мистер Болл и мистер Соболев работают и думают, и думают все-таки сообща. Первым нащупал истину Болл — благодаря ему я узнал, что из атомного бункера кто-то извлек небольшое количество радиоактивного изотопа тория. И теперь я, кажется, догадался зачем... Мне следовало раньше посоветовать Боллу проанализировать с помощью «Мурены» программу активной обороны всех без исключения «Мант», поискать изменения в этой программе. Я уверен, изменения были. Тогда, на карнизе центрального бункера, я стал свидетелем незавершенной атаки: локатор машины сразу «почувствовал» спрута, «Манта» пошла на сближение.. И вдруг осечка, стрелять почему-то нельзя. Тогда я подумал, что «Манта» не трогает тех, кто уклоняется от поединка. И не подумал, что «Манта» — машина, в программе действий которой нет ничего от наших человеческих эмоций.

Стрелять было нельзя, потому что стрелять в помеченного радиацией спрута запрещала программа.

Когда я был схвачен кальмаром, стрелять тоже было нельзя. Значит, кальмар тот же самый — других «Мант» безжалостно уничтожала. Завтра надо взять радиометр и проверить эту догадку. Сегодня я просто не в состоянии заставить себя выйти в воду — я страшно устал. И не только физически.

...Мы с «Мантой» плыли в сторону маяка. Кальмар не желал отставать. Провожал нас до самой площадки.

Он с чрезвычайной легкостью двигался в воде хвостом вперед. Словно ракета в безвоздушном пространстве. Или метла знаменитой бабы-яги. Я специально несколько раз менял направление, чтобы увидеть, как спрут поворачивает. Он выполнял повороты очень эффектно, отклоняя пучок щупалец в нужную сторону. Иногда он подплывал к нам подозрительно близко. Я готов был в любую секунду стрелять. Но кальмар не давал к этому повода. Во мне все более крепла уверенность: спрут знаком с человеком...

Люди пришли в океан под защитой стреляющих «Мант» и квантаберов. И надолго. Может быть, насовсем. Что сулят океанским глубинам пришельцы — мир или?.. Вот это «или» пугает. Проклятое «или» — отзвук трагедий всех континентов. Кроме Антарктиды, пожалуй. Пингвинов не тронули, им повезло. Меньше везло бизонам, сайгакам, бескрылым птицам моа. Повезет ли гигантским кальмарам — неясно.

Побежденный усталостью, я наконец задремал.

Мне казалось, я совершенно не спал. Просто минутное забытие. Однако, очнувшись, я почувствовал какое-то странное облегчение. Взглянул на часы и не поверил глазам. Мое забытие длилось четыре часа! С хвостиком. Значит, все-таки спал...

Тишина — загадочная субстанция. Иногда она проделывает с человеком странные вещи. То кажется растянутой, необъятной, то непомерно спрессованной, сжатой. Тишина способна обманывать. Вот и сейчас она притворилась концертом Глиэра для голоса с оркестром... Я жадно вслушиваюсь в мелодию, хотя понимаю, что это обман, слуховая галлюцинация.

Галлюцинация сама по себе меня не встревожила: в сурдокамерах вполне здоровым людям не раз доводилось «видеть» несуществующие предметы, «слышать» воображаемую музыку — специфические реакции чело-

века на условия с ограниченным количеством внешних раздражителей. Один космонавт, например, во время испытания тишиной совершенно отчетливо «видел» гремучую змею, но, к счастью, понимал, что это нереально. Моя галлюцинация — сон наяву. Хорошо, что мне приснился Глиэр...

Люблю Глиэра. Он один из немногих, с кем хорошо побыть одному. Или, сказать откровенно, вдвоем...

Это было давно... Впрочем, нет, совсем недавно — всего лишь два года назад. Тем, что мне довелось участвовать в работе Международного конгресса океанологов в Ленинграде, я был обязан успехам нашей комплексной тихоокеанской экспедиции. Новые методы геофизических исследований... Доклад поручили сделать мне.

Из окна моего номера был виден кусочек площади Космонавтов. Красивая площадь — зелень, фонтаны... В тот день во второй половине заседаний не было, и я ломал голову над вопросом, как распределить свое время между тремя ответными визитами шведам, канадцам и англичанам. Кроме того, мне необходимо было встретиться с руководителем нашей гидрофизической секции Зенковским. Конец моим колебаниям положил Ваня Матвеев — ихтиолог, большой эрудит в вопросах прикладной гастрономии, весельчак и очень беспокойный сосед по номеру. Едва переступив порог, он скороговоркой сообщил, что минуту назад говорил по телефону с Зенковским.

— Он хочет видеть тебя немедленно. Предстоит какое-то там обсуждение. Старик настолько любезен, что послал за тобой...

— Дилижанс?

— Странно, но ты угадал. «Меркурий», желтый такой. Через пять минут у подъезда.

Матвеев ухмыльнулся.

— Меня приглашают в институт бионетики, — тараторил Матвеев. — Хотел отказаться, но уж очень просили приехать. Как ты думаешь, зачем?

— Полагаю, очередная консультация о способах приготовления севрюги.

— Нет, кроме шуток? Администратор говорит, что звонили несколько раз. Последний звонок застал меня в вестибюле, голос женский и довольно приятный...

— Севрюга, брат, это вещь! Особенно заливная. Пока!

Я вышел из гостиницы и направился к автостоянке. Поискал глазами «Меркурий». Стоит. Желтый, с коляской. Коляска в царапинах, вмятина на боку. Хорошо еще, что цело ветровое стекло.

Водитель — молодой парнишка в сапогах, кожаном костюме на «молниях», перчатках с крагами, в жестком шлеме, защитных очках в пол-лица.

Затрещал мотор. Юнец сделал приветственный жест, указал на коляску и прошептал что-то, упомянув Матвеева.

— Да, да, мне передали, — крикнул я и сунул ноги в коляску.

Тесновато... Но ехать, видимо, недалеко. Я покровительственно шлепнул парнишку по кожаной спине:

— Пошел!

Мотоцикл рванулся с места. Скоро я убедился, что за рулем действительно первоклассный водитель. Мы пронеслись мимо новостроек северного района и вылетели на автостраду. Легкое недоумение. Старик Зепковский явно решил соригинальничать. Автострада уводила нас все дальше и дальше за город. Мелькали дорожные указатели с перечнем ближайших дачных поселков. Ладно, погода теплая, пропитаюсь озоном, а к шведам можно и завтра.

Столбик с отметкой «60 километров» заставил меня насторожиться. Куда же мы все-таки едем? Неужели в Приморск? Я довольно бесцеремонно толкнул водителя в бок и знаками попросил остановиться. Водитель отрицательно покачал головой и показал на солнце. Ага, времени маловато, спешит... Если и вправду нужно в Приморск, то зачем мотоцикл? На монорельсе я прикатил бы гораздо быстрее.

Наконец мы свернули направо и, разбрызгивая лужи, покатали по проселочной дороге. Совершенно пустынное место. Неужели Матвеев меня разыграл?..

Я тронул водителя за плечо и, рискуя повредить голосовые связки, осведомился, правильно ли мы едем. Юнец неопределенно махнул рукой. Это могло означать все что угодно: скоро приедем, отстань от меня, сиди и не рыпайся...

Обширное озеро. Должно быть, холодное и глубокое. Красотища какая!.. Волшебный мир воды и неба, холмов, растений и воздуха. Я уже не жалею, что меня сюда занесло.

Мы нырнули в сырой темный ельник, перемахнули через деревянный мост, под которым сердито шумела речушка, и неожиданно выехали к самому берегу озера.

У дощатого причала небольшой катер. Выше по берегу бревенчатый дом. Над крышей антенна.

Мотоцикл остановился у крыльца, и я услышал ровный гул дизеля полевой электростанции. Все это, конечно, занято, но я не вижу Зенковского.

— Уф... — с облегчением вздохнул водитель и звонким голосом сообщил: — Приехали!

— Отличная новость. — Я с удовольствием прыгнул на твердую землю и стал разминать затекшие ноги. — Весь вопрос в том, куда мы приехали? Может быть, ты объяснишь мне, стервец?

— Вы всегда так разговариваете с незнакомыми девушками?

Я обернулся... и впервые взглянул в эти серые, очень внимательные глаза. Пройдут годы, но я всегда сохранию в себе это радостное изумление...

Я перевел взгляд на брошенные в коляску шлем и очки, под которыми раньше не сумел угадать светлые волосы незнакомки и ее необыкновенные глаза. Вспомнил злорадную ухмылку Матвеева.

— Мой вопрос отменяется, — сказал я. — Мне теперь все равно, куда мы приехали. Простите, я не знал, что вы девушка.

— Глупо, — сказала она. — Бездарный юмор, товарищ Матвеев.

— Глупо, — со вздохом согласился я. — Мы совершенно не понимаем друг друга.

Она направилась к дому. Я последовал за ней. Хотя бы затем, чтобы объяснить наконец, что я не Матвеев. На двери на кусочке картона начертана фраза: «НИИМБ, лаборатория самых туманных проблем».

В большой, уставленной приборами комнате — трое. Двое парней и девушка. Девушка в белом трико, парни в спортивных брюках. Один из них в майке, другой — без. Тот, который в майке, рыжеволос, который без — мускулист, как Геракл. Все трое сидели на полу и молча разглядывали разобранный акваланг.

— Здравствуйте, — сказал я.

Три пары глаз. Самые любопытные у девушки в белом.

— Андрей, — ткнул Геракл себя в голую грудь. Указал на остальных: — Жора, Наташа. Но вы чертовски не вовремя... Присаживайтесь.

Забавно... Однако на меня уже никто не смотрел. Акваланг для них почему-то важнее. Я присел ря-

дом с ними на корточки и стал ощупывать детали старенькой двухбаллонной «Ялты».

— Мембрана, — сказал я и вытер руки, испачканные смазкой.

— Совсем труба? — спросил Андрей.

— Труба, конечно... Если нет запасной.

— Жора, если нет запасной... — Бицепсы Андрея угрожающе вздулись.

Жора тяжело вздохнул и подергал себя за вихор.

— У него нет запасной, — с тоской в голосе сообщила Наташа. — У него нет ничего запасного.

— А в чем, собственно, дело? — любопытствовал я.

— Расползаются... — тихо сказала Наташа.

Все трое повернули головы и как-то странно поглядели на дверь.

— Кто расползается?

— Бентарки, — нехотя ответил Андрей.

— Бентарки?..

Я тоже посмотрел в сторону двери.

— На дне, — пояснила Наташа. — Белковые лапиллаторы. Как голотурии, только большие. Солястер отключился, вот они и расползаются.

— Разберешься, — заверил меня Андрей. — Ты ихтиолог, тебе это будет легко. Бентарки выполняют функции голотурий. Только голотурии жрут для себя, а бентарки перерабатывают ил для других. Понял?

— Кое-что понял. Только я не ихтиолог и не Матвеев. Игорь Соболев, гидрофизик. Ошибка, так сказать. Маленькое недоразумение.

И снова три пары глаз. И самые любопытные у Наташи.

— Денек!.. — процедил сквозь зубы Андрей.

Из соседней комнаты вышла моя похитительница. Сейчас она, как и Наташа, в белом трико.

— Ло, познакомься, — сказал Андрей, все еще сидя на корточках. — Соболев Игорь, гидрофизик.

На лице девушки отразилось понятное замешательство.

Андрей повернулся ко мне:

— Лотта Кером, научный сотрудник лаборатории молекулярного синтеза. Все мы тут научные сотрудники. М-да...

Молчание. Лотта продолжала смотреть на меня.

— Она не виновата, — сказал я. — Просто неблагоприятное стечение обстоятельств.

В серых глазах промелькнуло что-то похожее на благодарность.

— Я должна извиниться перед вами? — спросила она.

— Скорее наоборот. Это мне следует сделать попытку реабилитировать в ваших глазах моего незадачливого соседа по номеру.

— Хорошо, я постараюсь быть к нему снисходительной, — сказала она.

Ясно: ихтиологу пощады не будет.

— Денек! — повторил Андрей, поднимаясь во весь свой богатырский рост. — Ну и что теперь? Вызывать вертолет? Выручайте, дескать, коллеги! Аквалангу труба, поднять солястер не можем! Расползаются!

— А если за кабель? — уныло предложил Жора. — Помаленечку, а?

— За кабель!.. — тихо прорычал Андрей.

И Жорин огненный вихор поник.

Андрей показал глазами в сторону рации:

— Вызывайте Керома. Тупик.

Никто не двинулся с места.

— Он ответит: «Самое великое зло в науке — халатность и беспорядок», — доверительно сообщила мне

Наташа. — Те, кому доводилось услышать это, некоторое время пребывали в состоянии невесомости.

Я представил себе Андрея в состоянии невесомости.

— Вот что, ребята... Можно без акваланга, — сказал я.

— Можно, — мрачно согласился Андрей. — Если ты ныряльщик с Такароа или Мапуи.

— Тридцатиметровая глубина, — добавил Андрей. — Ясно?

— Ясно. Подыщите мне плавки.

— Пуп надорвешь.

— Мой пуп — моя забота.

Андрей внимательно оглядел меня с головы до ног.

— Ладно, — сказал он. — Что тебе для этого нужно?

— Я говорю: элементарные плавки. Желательно моего размера. Да, и еще груз — ну, гирию какую-нибудь, что ли. Там есть за что зацепиться?

— На солястере? Есть. Кольцо для крюка. А гирию найдем. Все?

— Нет. Когда вернусь — горячий чай. Теперь все.

— Девчонки, на вашей совести чай. Жора, на катер. Пошли...

Когда мы высадились на плот, солнце уже касалось верхушек елей на противоположном берегу.

Плот закреплен почти в центре озера четырьмя растяжками на якорях. Посредине плота грубо обработанный круглый вырез.

— Нырять туда, — показал мне на вырез Андрей. — Приземлишься где-то рядом с солястером. Кольцо наверху. Зацепишь — хадж в честь тебя совершу. Босиком, до самой Медины.

— Ладно, не ной. Расправь лучше бухту как следует. Будешь травить эту вервь с малым запасом. Жора, плавки!

Я разделся. Плавки оказались малы. Было смешно, и хотелось ругаться. А где-то там, на дне, расплзались таинственные бентарки... Не доверяя Жоре, я сам обвязал гирю веревкой так, чтобы крюк болтался на конце с трехметровым запасом.

— Хватит? — спросил я Андрея.

— Вполне.

Я склонился над вырезом и пощупал воду рукой. Холодная, бр-р-р... В воде плавали какие-то белые пузырчатые комочки. «Продукция бентарков», — догадался я. Сильно вдохнул через нос для вентиляции легких, незаметно взглянул на Андрея. Спросил:

— А что, ваш строгий Кером — отец Лотты?

— Д-да, — Андрей удивился. — Да. Но какое это имеет значение?

Он, видимо, был очень взволнован предстоящим аттракционом. Чудак!

Я опустил гирю за борт круглого выреза, взялся рукою за крюк и скомандовал:

— Приготовиться!.. Внимание!.. Але.. оп!

Холодная вода ожгла точно крапивой. Груз был слишком тяжел, и я погружался так быстро, что едва успевал совершать глотательные движения для компенсации нарастающего давления в ушах... Толчок — и я буквально воткнулся головой в холодный, мягкий ил.

Темно и страшно, как в глубоком колодце. В море намного приятней. Э, да что там, никакого сравнения!..

Копаюсь на дне, утопая руками в зыбкой массе мерзкого ила. Тут не то что солястер — затонувший корабль не найдешь... И вдруг натыкаюсь на странный удлиненный и теплый на ощупь предмет, покрытый мягкой щетиной. Предмет слегка шевелится, изгибаясь, точно громадная гусеница.

Я сразу понял, что это биомашина, бентарк, но тем не менее отдернул руки и содрогнулся от отвращения.

Сделал сильный боковой гребок. И налетел на солястер...

Вынырнул я неподалеку от плота, отдышался и скомандовал:

— Вира!

Пока я растирал тело мохнатым полотенцем, Андрей и Жора выбирали веревку. Наконец о настил плота брякнулась гиря, и показался сам виновник сегодняшних треволнений. Красавец, ничего не скажешь, не зря дали имя «солястер» — действительно, формой похож на морскую звезду. Только весь черный, с глянцевым отливом. В воду свешивался кабель, который, как я догадался, уходил по дну к самому домику.

Андрей быстро свинтил какую-то верхнюю пробку и, сунув мизинец в отверстие, ловко извлек тонкий блестящий цилиндр. На его место вставил другой, точно такой же, затянул пробку ключом. И минуту спустя солястер благополучно вернулся на дно.

Я застегнул запонки, подтянул галстук и, набросив на плечи пиджак, подсел к Андрею. Он тяжело дышал и жадно докуривал сигарету.

Некоторое время мы сидели молча. Смотрели в закатное небо, на пылающее зеркало воды. Рядом, на катере, пытаясь завести мотор, филином ухал несчастный Жорж. Мотор чихал, но заводиться, видимо, не собирался.

— Приедем — ужинать будем, — сказал Андрей и кивнул в сторону домика. — Издалека чую: девчата рыбу жарят.

Я рассмеялся.

— Между прочим, я без всякого юмора, — обиделся Андрей.

— Прости. Это я вспомнил один разговор. Севрюга... и пятое-десятое.

— Севрюга? — Андрей фыркнул. — Свежей форели поешь — севрюгу забудешь... Ну и что там, на дне?

— Ничего. Ил, тьма крошечная. Бентарки твои ползают. Одного за щетину подергал.

Андрей вскочил как ужаленный.

— Врешь! — крикнул он, и я почуял неладное.

— Между прочим, без юмора. А в чем, собственно, дело?

— Ладно, — сказал Андрей, успокаиваясь. — Вижу, все обошлось. Я в том смысле, что совать пальцы в рот бентарку опасно. Забыл, понимаешь, сказать, вылетело из головы. Да я и не думал, что вам повезет там столкнуться рогами.

— Понимаю... Снимай башмаки и топай в Медину.

Я тоже поднялся, надел пиджак и стал расчесывать мокрые волосы.

Андрей зачерпнул пригоршней воду, дал стечь ей сквозь пальцы и показал мне белый комочек.

— Не жрет, понимаешь?..

— Кто не жрет?

— Рыба не жрет. Мелочь пузатая... В аквариуме все было отлично: бентарки работали, гнали белок. Рыбам — корм, нам — премиальные. Потом статья в академическом журнале, реклама до небес... Изобилие, дескать, промышленный потенциал! Ну, само собой, расширенный эксперимент, отдельная группа научных работников, благословение сверху и целый вагон пожеланий удачи. М-да... Третий день, как запустили бентарков вокруг солястера на полный цикл, и третий день ломаем головы: почему рыба шарахается от нашей продукции? В аквариуме были драки из-за каждой крошки, а здесь, видите ли, нос воротит.

— Может быть, исходное сырье другого качества?

— Ил? Тот же самый... Все то же самое, что было в аквариуме: ил, бентарки, солястер, рыбешка!

— Гм... Действительно, странно. Не знаю, что тебе и посоветовать... Видишь ли, я специалист совсем иного профиля.

Андрей посмотрел на меня с сожалением.

— Козьма Прутков любил говаривать: «Зри в корень». Так вот, разглядеть сей каверзный корень нам мешает наш целенаправленный мозг. Твой мозг работает в другом направлении. Вот и взгляни. Со стороны, говорят, виднее.

— Может быть, подвела технология?

— Нет, не то... Мы тысячу раз проводили структурный анализ белка. Разницы с тем, что в аквариуме, нет никакой... Эй, Жора, ты собираешься здесь ночевать?

— Горючее кончилось! — бодро откликнулся Жора. — Сейчас взгляну, есть ли в канистре.

Андрей шагнул в катер. Суденышко резко накренилось. Я с непонятной грустью глядел в сторону домика. Освещенные окна манили уютом. Я изрядно проголодался, и мне казалось, что я действительно чувствую запах жареной рыбы.

На катере раза два чихнул мотор.

— Приехали, паря, — слышался голос Андрея. — Сымай портки.

— Зачем?

— Парус ладить зачем...

— А-а-а... — и Жора храбро рассмеялся. — Бесполезно, дуновения нету.

— Плюновение есть, — мрачно заметил Андрей. Загрохотала канистра. — Переливай все до капли. Не хватит — на буксире потащишь. Вплывь...

Андрей подошел ко мне, и я почувствовал запах табачного дыма.

— Ло — надежная девушка, — сказал он. — Только вот трудная она какая-то...

Я промолчал.

— Впрочем, попробуй с ней подружиться, подводник.

— Это мое дело, — сказал я. — Только мое и ее.

— Правильно, — одобрил он. — Вот возьми мои телефоны. Институтский и домашний. В институт не звони — не отвечу. Дома отвечу, но редко бываю, даже старики обижаются. Ладно, захочешь — встретимся. Поехали, катер завелся.

...Мы с Лоттой катили по ночному шоссе в Ленинград. На том же «Меркурии». Только мы поменялись местами: я — за рулем, Лотта — в коляске. Я все не мог привыкнуть к мысли, что гонщик-юнец, над которым я потешался, и эта светловолосая девушка — одно и то же существо. И может быть, почувствовав мое едва ли не наивное смятение, она поехала со мной не в кожаных доспехах гонщика, а в легком белом спортивном трико, накинув на плечи плащ, черный, с зелеными искрами.

Я вел машину на малой скорости и с величайшей осторожностью. Словно боялся, что та, которую я так долго и трудно искал и, наконец, нашел, может, подобно легкой гриновской Фрези Грант, неожиданно сбросить темное свое покрывало и упорхнуть от меня в блуждающую неизвестность. И я останусь один на дороге, терзая себя бесполезной тоской по несбывшемуся...

Я остановился, чтобы протереть забрызганную на проселке фару. Мы разговорились.

— ...Да, вероятно, вы правы. Но Андрей, по-моему, упускает из виду то обстоятельство, что с изменением давления воды изменяется газовая насыщенность белка. Результаты структурного анализа гипнотизируют и в конечном итоге мешают понять, что здесь необходим анализ не только на молекулярном уровне...

Я проклинал себя, понимая, что болтаю что-то со-

вершенно ненужное в эту теплую звездную ночь. И она понимала. Предупредив меня прикосновением руки, включила приемник.

— На ночь много нельзя о бентарках, — сказала она. — Могут присниться. Послушаем музыку. Это Глиэр...

И она усилила громкость.

Да, это Глиэр. Хорошо мне знакомый концерт для голоса с оркестром. Лотта заговорщически прошептала:

— Говорят, что, если слушать его в одиночестве или вдвоем, он звучит по-другому...

— Сейчас мы это проверим, — тоже шепотом ответил я.

И мы убедились. Для тех, кто делит одну бескрайнюю звездную ночь на двоих, Глиэр звучит по-другому...

Я был счастлив тогда и не знал, что мне суждено будет слушать Глиэра в ночном одиночестве.

Я поднялся и вышел в салон. Болл куда-то исчез. Вероятно, перешел спать в каюту. Ладно, потом уточним. Я поставил кресло нормально и направился в рубку.

— Я — Бездна-1010, я — Бездна-1010. МИО, «Колыбель», руководителю глубоководного сектора Леону Дуговскому. Десант на станции Д-1010 продолжает работу. Прошу запросить все научно-исследовательские организации мира, имеющие отношение к любому виду работ на уровне высшего моделирования в области бионики и бионетики...

Я отключил микрофон, проверил качество записи. Незнакомый голос в наушниках ясно и четко повторил только что продиктованный текст. Хорошо, автоматика третьего бункера действует безупречно. Я не знал, какова емкость записывающей катушки радиобуя, поэтому постарался изложить все необходимое как можно короче.

— Содержание запроса: проводились ли за весь период деятельности вышеупомянутых организаций какие-либо эксперименты с гигантскими кальмарами рода архитевтис. И если проводились, то в какой именно форме и с каким результатом конкретно. Соболев, Болл. Конец передачи.

Я надавил клавиш «Всплытие РБ — Коралл» и отключил аппаратуру. Да, загадал я старику загадку. Не преждевременно ли? Вполне возможно, что преждевременно, но мне приходится идти на риск. Высшее моделирование... Эту гипотезу тоже нужно проверить... Хорошо, что мне приснился Глиэр.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ТАЛИСМАН

Дверь в каюту Болла оказалась незапертой. Груда осколков и лужа, сильный запах спиртного, отчаянный вой вентиляторов. Тот самый вой, которому я был обязан своей музыкальной галлюцинацией.

Похоже, Болл сюда не заходил. Мне тоже здесь нечего делать. Уходя, возле двери я нажал зеленую кнопку. Маятником откачнулась заслонка, из санитарного шлюза одна за другой выползли три металлические черепахи. Механизмы-уборщики, деловито урча, выпивают лужу. Скрежещет стекло. Ненавижу скрежет стекла. Я прикрыл дверь и направился в душевую.

Включил холодную воду. Стоял под ледяными струями, пока не замерз окончательно. Яростно тер полотенцем онемевшее тело.

Вернувшись в салон, разогрел бульон и наполнил два термоса. Про запас. Открыл холодильник, извлек наугад какую-то банку. На этикетке лимонный кекс. Однако содержимое банки вызвало тоску. Ужасно хо-

телось пожевать что-нибудь зубами. Я многое бы отдал за обыкновенный сухарь.

Покончив с едой, не торопясь убрал посуду. Я был чем-то легко и непонятно встревожен. И поэтому делал все нарочно медленно. Такое ощущение, будто я делаю все это машинально, а мне нужно делать что-то совершенно другое, но что именно — не пойму. Вокруг меня будто бы образовалась какая-то странная пустота. Я подошел к пульту бункерной коммутации.

Болла не оказалось ни в одном из помещений станции. Эту новость я прочел на панелях приборов: все люнеты задраены наглухо, воздухообменные устройства там не работают. И я прекрасно знаю, что Болл не должен находиться в воде. В его состоянии это было бы равносильно самоубийству. Спирт на такой глубине губительнее самого сильного яда.

Остается одно: мезоскаф...

Вот видишь, ты испугался. Пока эта мысль таилась где-то в глубинных сферах мышления, ты был встревожен, и только. Теперь же, когда подозрение четко оформилось, ты испугался по-настоящему... Говорят, акванавтам страх незнаком. Это неправда, знаком. И больше всего боятся они одиночества. Я тоже боялся остаться один. Но больше всего я боялся признать Болла трусом.

Я подошел к акварину и прижался лбом к поверхности прохладного стекла. В кристально чистой воде порхала стайка черно-голубых изящных рыб с длинными плавниками.

— Он не мог этого сделать, — подумал я вслух. — Все мы люди, и всем нам иногда бывает страшно. Не знаю, какими нервами армирован Болл, но в том, что он честный малый, я не хочу сомневаться. Мезоскаф в ангаре.

Страх — это пропасть. Над пропастью можно либо

пройти, либо сорваться. Трудно держать равновесие там, где на каждый квадратный миллиметр твоих ощущений давят тысячи тонн холодной воды, а на каждый твой нерв приходится добрая сотня присосков чувовищных спрутов. И вовсе уж нельзя, невозможно держать равновесие, если в твой череп, словно змея, вползает цепочка немыслимых и нелогичных фактов, ключ к разгадке которых утерян. Потом — другая цепочка; бутылка виски, задраенный люк мезоскафа...

Цепочка предательств, — подытожил я. Да, наверное, все так и было... Наша обстановка как-то уж очень располагает к панике. И мне труднее, чем всем. Чем Пашичу, Боллу, Дюмону. Потому что им наплевать на странное слово «Аттол», даже прочитанное наоборот. А мне... У меня...

Я плотнее прижался к стеклу. Кому нужна моя жалоба?

Для того чтобы выяснить, где мезоскаф, мне нужно просто пойти и увидеть ангар своими глазами. Но я не пойду проверять. Потому что твердо уверен: мезоскаф там, на месте. Болл не мог, не имел права быть трусом.

Пол под ногами дрогнул. Бункер наполнился гулом: работали компрессорные установки. Я вздохнул с облегчением. Мезоскаф не всплывал. Болл возвращается в бункер.

Гул нарастал. Силуэты порхающих рыб с длинными плавниками исчезли. Я смотрел на опустевшее дно, пытаясь уразуметь, как и зачем проспиртованный Болл отважился выйти в воду. Еще меньше я понимал, как ему удалось оттуда вернуться... Конечно, я принял какие-то меры, но одной профилактической инъекции, право же, недостаточно. Ладно, главное — жив. Минут через восемь он будет здесь, и все объяснится.

Я поднял крышку люка и неторопливо зашагал

по салону. От люка до пульта шагов шесть. На обратном пути я должен был сделать не меньше. Но сделал два... Над краем горловины люка я увидел черную лапу.

Это не лапа, это рука. Между пальцами влажные перепонки. Пальцы судорожно ухватились за барьер, и на мгновение показался черный шар головы. Ворсистый с теслитовыми пузырьками глаз. Лязгнул металл, ствол квантабера вспыхнул удлинённым отблеском грани.

Я плохо соображал в эти секунды. Просто стоял и смотрел. Черные пальцы, царапнув барьер, соскользнули, закатился шар головы, гулко и страшно грохнули ступеньки трапа. Гремело все тише и тише, и наконец — мягкий, с мокрым отшлепом удар. Все... Нет, не все, донесся ломкий треск, потом замирающее шипение. Смолкло. Теперь, кажется, все...

Два прыжка — и я у горловины люка. Нырнул. Завертелся штопором вокруг опорного стержня, спрыгнул на пол. Склонился над распростёртым телом товарища.

Он лежал лицом вниз, уткнувшись в приклад квантабера. Огромный, черный, неподвижный. Кончик спинного плавника жалко обвис, правый ласт полуоторван. Странное морское существо, случайно извлеченное на палубу глубоководным тралом... Воздух пропитан запахом горелой краски: на дверце одного из сейфов — темный кратер от лучевого удара... Он стрелял, ему плохо. Ему очень плохо, раз он стрелял.

Рывком переворачиваю Болла на бок. Ч-черт, руку ожег о квантабер! Взваливаю тяжело обвисшее тело себе на плечо. Неудачно, головой вперед, и теперь мне мешает видеть плавник. Ладно, двигай быстрее!

Передвигаюсь почти вслепую. Зачем-то включился контакт плавника, и я получаю в лицо серию хлестких ударов. Не могу удержать трепещущий плавник одной

рукой и, зверея, врываюсь в упругую мякоть зубами. Губы и нос, разумеется, в кровь, на языке — соль и горечь с неожиданно крепким запахом моря.

После трудного спуска в батинтасовый зал выхожу наконец напрямую. Бегом к барьеру круглого резервуара. Только бы не поскользнуться! Только бы не... Так я и знал!

Спотыкаюсь в полуметре от цели. Однако удачно. Переваливаю барьер и с шумным всплеском погружаюсь в мутные зеленоватые волны. Последняя затрепачка от плавника.

Жидкость мгновенно вскипает, накручивая пенистые водовороты. Задыхаюсь от едкого запаха, чувствую, как на мне расползается одежда. Стараюсь держать Болла рядом — он скользкий. Все скользкое, все расползается мягкими комками слизи. Как я намерен отсюда вытаскивать Болла? Конечно, за пояс, как же еще. Руки в петли подъемника, глубже, под самые подмышки. Так, теперь за пояс и прямо в горячее облако душа. Это счастье, что пояс неразтворим.

Большое мертвенно-синее тело — страшно смотреть — распято в «колесе обозрений», руки и ноги в пружинах.

Скрипят и щелкают пружины, Болла трясет. Трясет беспощадно. Но я уже не смотрю — в лихорадочной спешке готовлю кислородный зонд. Нужна немедленная вентиляция легких, иначе асфиксия, смерть...

Нажимаю педаль. Сверкающий обод колеса опрокидывается под раковину пневмостата. Стоп, что-то нужно еще... Ах да! Срываю ласты с неподвижных ног. Пояс срезаю ножом. Тем же ножом разжимаю плотно сжатые челюсти. Зонд!.. Мягкий, очень мягкий, плохо идет. Легче в движениях, легче! Как говорил наш одесский инструктор: «не применяйте грубую силу!» Когда учили, был манекен. «Это чтоб меньше эмоций, — ухмылял-

ся инструктор. — Чем меньше эмоций, тем больше гарантий, что руки сами сделают все быстро и правильно. Если, конечно, придется». Вот и пришлось. Насчет эмоций — это вранье, но руки действительно действуют сами, легко и проворно, так, как учили. Готово, можно включать!..

Первый принудительный вздох. Шипит кислород. Голая грудь под прозрачными стенками раковины вздымается и опадает. Размеренно, как при естественном дыхании. На приборной шкале в такт маятникообразным движениям качалки меняют друг друга какие-то надписи. Что за слова — отсюда не видно. Должно быть, названия каждого такта: давление, атмосфера и вакуум. Давление-атмосфера-вакуум... А мне кажется: смерть-равновесие-жизнь, смерть-равновесие-жизнь... Где остановится чаша весов?.. Нарастает тревога. Спокойней, с асфиксией можно бороться.

Включен ингалятор. В кислородный канал поступает аэрозоль сильнодействующего лекарственного вещества. Его назначение — стимулировать работу сердечной мышцы. Смерть-равновесие-жизнь... Теперь самое трудное — ждать.

Проходит минута. Жду. Синеватые веки, щелки чуть приоткрытых глаз. В щелках фарфоровый блеск неподвижных белков. Смерть-равновесие-жизнь, смерть-равновесие...

Я делал все, как нас учили, — зонд, кислород, пневмостат, ингалятор... Наверное, плохо учили. Вторая минута уже на исходе, и я не знаю, что еще сделать. Мне нужно куда-то бежать, что-то искать, принести, на что-то решиться!.. Куда? Что? И на что? Мысли путаются, ноги слабеют, я не в силах тронуться с места. Впервые в жизни пожалел, что я не животное. Хотелось сесть на задние лапы и взвыть по-волчьи, жалобно и протяжно...

Стоп! Кажется, вить не придется!..

Я пропустил момент, когда Болл изменился. Минуту назад он был какой-то весь темный и деревянный, напоминал мертвеца. Сейчас он походит на спящего, ослабился, порозовел. Веки сомкнулись, белков не видно. Все правильно, все так и надо! Теперь я знаю, что делать.

Дрожащими руками удаляю зонд. Сейчас вполне достаточно обыкновенной маски. Откуда-то со стороны доносится громкий всплеск. Странно, что это там?.. Я уже, кажется, слышал какие-то всплески, но поглядеть не удосужился. Ладно, все другое потом... Выключаю приборы. Дыхание самостоятельное, пульс близок к норме. Укрепляю маску, осторожно перекалдываю Болла на пол. Дрожь в руках почему-то трудно унять. Ничего, это пройдет.

Я сполоснул лицо холодной водой. Саднили губы и нос. Кроме того, я испытывал странное неудобство, словно чего-то мне не хватало. Не сразу понял чего и несколько секунд усиленно соображал. Наконец догадался: одежды. Я был гол как Адам, если не считать лохмотьев, которые остались от ботинок.

Надел халат и подошел к Боллу. Взвалить его на себя оказалось делом нелегким. Взвалил. Неудачно — ногами вперед, и теперь мне не видно, как держится маска. Пощупал — отлично, на месте. Поехали!.. Опять что-то шумно всплеснуло. Я повернулся к большому бассейну. И чуть не уронил Болла...

Я побежал. Бежал в сторону люка, не чувствуя тяжести ноши, не чувствуя вообще ничего, кроме безумного желания быстрее, как можно быстрее влететь в дверь. Взбежал по трапу. Дверь автоматически открылась. Потом автоматически закрылась. Но я уже падал на плиты круглого зала. Вместе со мной падал Болл.

Я приподнялся на руках и сел. Болл тоже сел. Сорвал маску, потрогал затылок.

— Будет громадная шишка, — сообщил он и закашлялся.

Я посмотрел на овальную дверь. Потом на Болла.

— Грэг, ради бога... — начал было он и осекся.

Это он увидел мои глаза.

Я оставил Болла в каюте, вышел в салон. Быстро переоделся и направился в рубку. Сел за пульт. Представил себе, как сейчас эта тварь копошится в бассейне, и вздрогнул.

Что же, в конце концов, происходит? Здесь — кальмар, там — кальмар. Куда не повернись — кальмар. Умный кальмар, знающий азбуку Морзе и русский алфавит. Его, кальмара, не трогают «Манты». Он любит глазеть в акварин, плавать рядом с людьми, он боится квантабера, но не боится проникнуть в бассейн батинтаса. Остается махнуть рукой на условности и пригласить кальмара в салон. А потом познакомить кальмара с Дуговским.

Есть другой вариант: взять квантабер и разом покончить со всеми загадками. Пока кракен в ловушке. Ну почему я не убил его раньше?

Я включил панель дистанционного управления и надавил розовый клавиш. Пол под ногами содрогнулся от гула. Гуд бай, десятирукий гость. Я не умею разгадывать загадки с помощью квантабера. Да и желания нет.

Я спустился в салон и взял термос. Для Болла. С термосом я подошел к акварину. В воде у четвертого бункера плавали «Манты». Друг за другом по кругу. Все три. Я задержался.

Кракен vyplыл хвостом вперед, кирпично-красный, похожий на большую ржавую торпеду странной кон-

струкции. Я следил за поведением «Мант». Если кракен не тот...

Кракен был тот. «Манты» прошли над ним без единого выстрела и спокойно вернулись к четверке.

А если начать с того, что я ошибаюсь? Напрасно приписываю кракену то, чем он не обладает? Да, но кому-то надо приписывать. Сначала я думал, что все это фокусы Пашича. Правильно думал. Эти события можно рассматривать только в связи с разумной деятельностью человека. Или неразумной — неважно. Важен сам принцип: участие человека. Пусть даже Пашич погиб, этот принцип остается фундаментом, на котором нужно строить все остальное. Заподозрив спрута, я начал строительство с крыши. Но крыша должна на чем-то держаться. А стен мы не видим. Бьемся о них как слепые, а видеть не видим. Дюмон разбил себе лоб и не увидел. Только Пашич, мне кажется, что-то нащупал. Запросить агентство... морских перевозок, что ли?.. Зато окончание последней записи Пашича я представляю себе достаточно ясно: «не могу в это поверить, но других объяснений нет!» Он не мог в это поверить. Так же, как теперь не могу в это поверить я. А других объяснений действительно нет. Сжимая термос в руках, я стоял и бесцельно глядел в акварин. Кракен уплыл, растворился в окружающей тьме. «Манты» лениво и плавно ходили по кругу. Вот так и мысли мои — по кругу...

Никуда не денешься, приходится признать, что наш кальмар — творение рук человеческих. Не весь, конечно, потому что хроматофоры*, кожная слизь, чернила, глаза... особенно глаза, вернее, их выражение... — невозможно было бы наделить всем этим биомашину. И, главное, незачем. Проще вмешаться в работу мозга

---

* Хроматофоры — особые клетки в коже спрутов, содержащие пигмент. Благодаря этим клеткам спруты обладают способностью, подобно хамелеонам, изменять окраску тела.

спрута. Повлиять, перестроить, запрограммировать. Любопытно, как у него там устроена вся эта музыка? А если никак? Если кальмар настоящий от кончиков щупалец и до синапсов*? Ну, скажем, вполне естественный продукт какой-нибудь там аномально-спорадической мутации?.. Чепуха — внезапным наследственным изменением свойств мозгового аппарата нашего головоногого приятеля нельзя ничего объяснить. Точка. Участие человека — вот единственно верная формула, стержень, фундамент. Мы наблюдаем результат какого-то чудовищного эксперимента из области молекулярной бионетики. Объект эксперимента — мозг спрута. Или мозг для спрута, еще не знаю... Надо думать, одному мне этого и не понять. Здесь нужен специалист-бионетик. Я правильно сделал, что отправил запрос. Будем думать, что правильно...

— Я думал, ты вышел в воду, — сказал Болл, как только я появился в каюте.

Болл полулежал, откинувшись на подушки. Даже успел одеться. Я отдал ему термос, сел рядом на край дивана. Болл отвинтил крышку и жадно прильнул к соску.

— Грэг, зачем работал батинтас? — спросил он в перерыве между глотками.

В каюте чисто. Запах какого-то цветочного экстракта. Очень легкомысленный запах. По-моему, жасмин.

— Пришлось смыть то, что ты приволок за собой из воды.

Судя по его заинтересованному взгляду, он ровно ничего не помнил. Ладно, пусть сначала поест.

Я кивнул на фотопортрет и спросил:

— Это кто?

— Барбара, — ответил он и бросил есть.

---

* Синапсы — области соприкосновения разветвлений отростков нервных клеток.

— Жена?

— Нет... Еще нет. Десять лет ни да, ни нет.

Мы помолчали. Болл поставил термос на стол. Понизив голос, сказал:

— Актриса!..

Странная интонация. Не то наигранный восторг, не то досада. Скорее всего и то и другое вместе. Может быть, он приглашает меня порыться в памяти? Рыться в памяти почему-то не хотелось, и я осторожно спросил:

— Голливуд?

— Бродвей, — ответил Болл и добавил: — Театр. Какого-то там нового направления... Красивая, верно?

— Красивая, — ответил я.

Болл помрачнел и потянулся за термосом.

— Десять лет, Грэг. Иногда бывает невыносимо трудно. Хоть в петлю...

— Мне тоже, Свен. Иногда.

— Скажи мне откровенно, Грэг, ты... ты очень несчастлив?

— Очень, — сказал я откровенно.

Болл быстро взглянул на меня и некоторое время молча тянул бульон. Потом заговорил:

— Было время, коллега, я тоже хотел застрелиться. Он тоже!

— Мысль о самоубийстве казалась мне чрезвычайно заманчивой... Пережили, как видишь. Мне в голову пришла другая мысль: человек именно для того и создан, чтобы жить.

Бодрая мысль, подумал я. Ну-ну...

— Сотни тысяч, миллионы поколений наших предков жили и умирали для того, чтобы мы с тобою, Грэг, стали такими, какие мы есть. И мы не имеем права уходить из жизни просто так, ничего не оставив потомкам. Мы в ответе за будущее. Мы — предтеча будущего. Мы должны понять наконец, какое бремя ответствен-

ности несем за тех, кто будет после нас. И от того, как живем мы, зависит то, как будут жить они.

Я был ошарашен и не пытался этого скрыть. А он не так уж прост, этот мистер из Филадельфии...

— Свен, — сказал я. — Ты открываешь Америку. Но я рад за тебя. Зачем ты вышел в воду до моего возвращения? Да еще в таком состоянии?

— Ты не вернулся, — ответил Болл. И, заметив мое недоумение, добавил: — Ты не сумел уложиться в двадцатичасовой срок.

— Неправда. Я вернулся на два часа раньше, чем обещал.

Болл удивился.

— Точнее? — спросил он. — В котором часу?

— В двадцать три пятнадцать.

— Сегодняшней ночью?

— Ну, разумеется! Что за вопрос!

— В этом все дело, Грэг... — Болл взглянул на часы, осторожно потрогал затылок, спросил: — А где ты, извиняюсь, был вчера?

— Не понимаю...

— Я тоже... Грэг, давай разберемся. Какое сегодня число?

— Двадцать девя... То есть уже утро тридцатого.

— Тридцать первое, Грэг!

— Тридцать... Что?!

Я привстал и впился глазами в циферблат хронометра. В календарном окошке красовалась цифра 31. Я произвел в уме несложный расчет, и мне стало ясно, что я невзначай потерял где-то целые сутки! Если, конечно, хронометр не врет.

— Хронометр не врет, — сказал Болл. — Можешь сравнить его показания с календарной шкалой на пульте «Мурены».

Я сел и задумался. Странно, каким это образом мне

удалось заблудиться во времени? Непостижимо! Хотя...

— Свен, я слышал реквием бездны.

Болл вздрогнул.

— Вот оно что... — тихо сказал он и нахмурился.

— Свен, я наткнулся на кирку, нашел украденные ружья. Кирка была рядом с ружьями. Понимаешь? Либо Пашич, либо тупик. Сейчас я так не думаю, но тогда у меня не было другого выбора... Увлечшись поиском, я забрался в «подвал». И мне показалось, что там, в глубине, мигает фара. Вспыхивает, гаснет, опять зажигается... Я пошел вниз и «сорвался». Глупо, конечно, никого там не было. Кроме полипуса* и двух светящихся медуз. Зато потеряны целые сутки, хотя мне казалось, что я пробыл на «голубом этаже» не более часа. Вот такая история...

— А для меня твой час длился целую вечность... — Болл опять потрогал затылок, спросил: — Где ты встретил меня?

— В салоне.

— В салоне?!

— Да. Ты сам пришел из воды. Появился из люка как был: в оболочке, с квантабером в руках. Потом пересчитал ступеньки трапа сверху вниз и открыл стрельбу в круглом зале.

— Черт! — изумился Болл. — И ты... меня...

— Ну конечно. Пневмостат, ингалятор... Как себя чувствуешь?

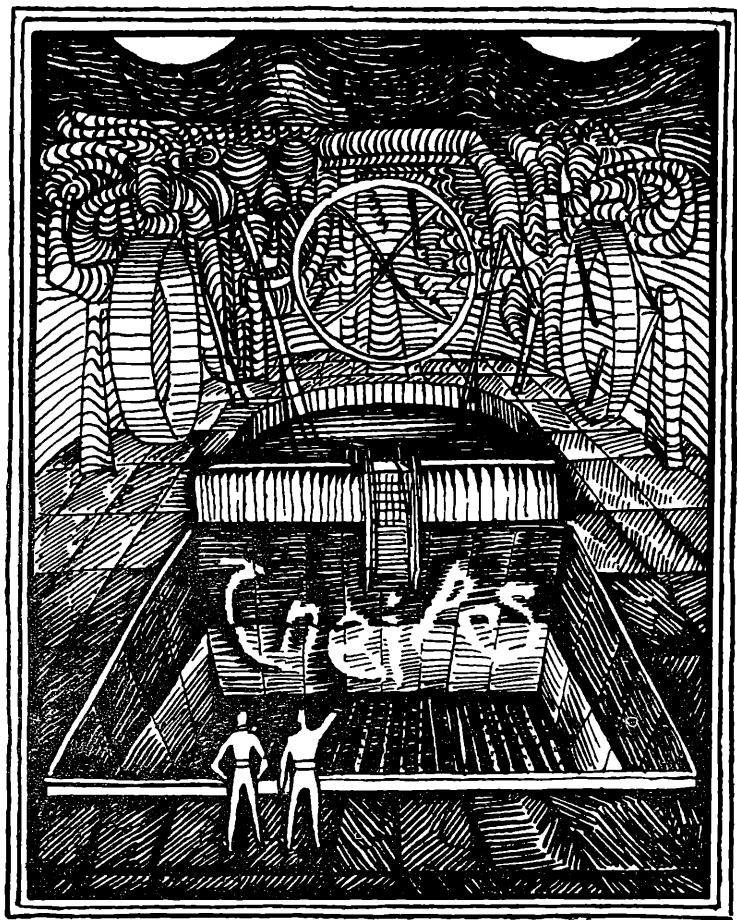
Болл не ответил Понурившись, думал о чем-то.

— Грэг, — сказал он. — Я нашел твою записку и сразу занялся делом. Решил запустить агрегаты. Я дал на площадке сигнал опасности на случай, если ты окажешься там. Все шло превосходно. Потом началось...

---

* Полипус — головоногий моллюск (греч.).

— Знаю. Смотрел твои графики. А что на экранах? Болл помедлил с ответом.

— Тучи кальмаров, Грэг. Я никогда и ничего подобного не видел.

— Большие?

— Большие. Но дело не в этом. Один из них примерно таких же габаритов, как тот, помнишь, который смотрел в акварин? На экране я видел только маленький участок площадки, но я уверен, что замки снимает именно этот кальмар.

— Ну и что?

— То есть как «ну и что»?! — опешил Болл. — Снять замок нужно уметь!

Замок, подумал я. Что такое замок для этого кракена.

— Рассказывай, Свен. Рассказывай, как было дальше?

— Дальше? — переспросил Болл. — Дальше... Гм, я нашел в своей каюте виски. Вероятно, Дюмон... Но как бы там ни было, это показалось мне кстати. Потом... Потом истекли твои двадцать часов. Сначала я не очень волновался. Ну, думаю, задержался в воде, мало ли что... Даже вздремнул. Проснулся от стука.

— Какого стука?

Болл указал на потолок.

— Но тогда мы слушали это вдвоем... Я решил выйти в воду, проверить. Ничего особенного я не заметил, вернулся в бункер и... — он замаялся.

— ...Продолжал наполнять себя виски, — закончил я за него.

— Да, Грэг, шел двенадцатый час с того времени, когда ты должен был вернуться. Мне стало казаться, что ты уже никогда не вернешься... И опять этот проклятый загадочный стук! Я с ужасом смотрел на динамики, зная, что они в любую минуту могут выдать очередную порцию телеграфной абракадабры. Самое сквер-

ное то, что я был один, и я бы сошел с ума, если бы не был чудовищно пьян... Не помню, сколько времени я пролежал в забытьи. Очнувшись, сделал себе инъекцию и выскочил в воду. Куда ты уплыл — неизвестно, поэтому мне было все равно, в какую сторону отправиться на поиски. И я решил сначала осмотреть площадку. До площадки не доплыл. Не помню, когда я потерял сознание, ничего не помню. И не понимаю, как мне удалось вернуться...

— Это я тебе объясню. Ты в состоянии идти?

— Почему бы нет?! — воскликнул Болл и поднялся. — Но куда?

— В батинтас.

Он вскинул бровь:

— Ну, если так нужно...

Мы стояли у барьера большого бассейна и молча разглядывали кривую белую жирную надпись на темной чугунной стене. Кое-где еще виднелись длинные полосы непросохшей слизи.

— Зачем ты его выпустил? — спросил наконец Болл.

— А что я должен был делать?

— Н-да... Любопытно, чем он писал?

Я показал на белый обломок на дне:

— Вон, видишь, у самой стены.

Болл разделся, взмахнул руками и нырнул в воду. Было видно, как он опустился на дно, подхватил обломок и стал всплывать. Поверхность воды взволновалась кругами, бросая на дно зыбкие кольца преломленного света.

— Такой же, — сказал Болл, протягивая мне подводный трофей. — Точно такой же, как в коллекции Пашича. Известняк, очень мягкий, можно писать.

Болл сполоснулся под душем, оделся.

— Грэг, — сказал он. — Я и не подозревал, что Пашич был великолепным дрессировщиком. Но факты

налицо. Этот десятирукий артист заслуживает того, чтобы мы познакомились с ним поближе. Часа через два я буду готов выйти в воду, и мы вдвоем проверим твоё предположение по поводу радиоактивной защиты кальмара... Кстати, это не ты обронил?

Я обернулся. Болл протягивал мне на ладони блестящий комочек.

— Что там?

— Какой-то кусок оплавленной пластмассы. — Болл улыбнулся. — Я было подумал, что это твой амулет. Наш брат любит играть во всякие там талисманы.

«Этот завернутый в бумагу комочек я нашел на столе Пашича, — припомнил я. — Хотел его выбросить, но машинально сунул его в карман...»

— Где ты его подобрал?

— Он застрял в одной из ячеек настила под душем.

— А-а... Это когда я «купался» с тобой в растворителе. Вода смыла остатки одежды, а для этой штуковины ячейки под душем оказались малы... Можешь выбросить, я не суеверен. Хотя погоди... Ты не мог бы определить, в каких приборах или изделиях употребляется этот пластик?

Болл повертел комочек в пальцах, попробовал на зуб, пожал плечами.

— Довольно тверд... — пробормотал он. — Может быть, эта пластмасса и употребляется в каких-то приборах, но я не могу вспомнить, в каких именно. Пожалуй, она идет на изготовление фонарей и окон эйратеров... Но что с тобой, Грэг? Ты побледнел...

Да, я был потрясен! Потому что в голове у меня как-то вдруг мелькнула догадка: «Эйратер! «га» в вахтенном журнале... это может быть слог из названия стратосферного корабля! «Не могу поверить, но других объяснений нет. Запросить агентство воздушных сообщений!...»

— Дай сюда... — прошептал я и забрал у Болла блестящий комочек. — Свен, ты знаешь, что это такое?

Болл растерянно молчал.

— Это брешь! — выкрикнул я. — Брешь в стене! О которую мы столько времени напрасно бились лбами. Это наш с тобой талисман! Вот что это такое...

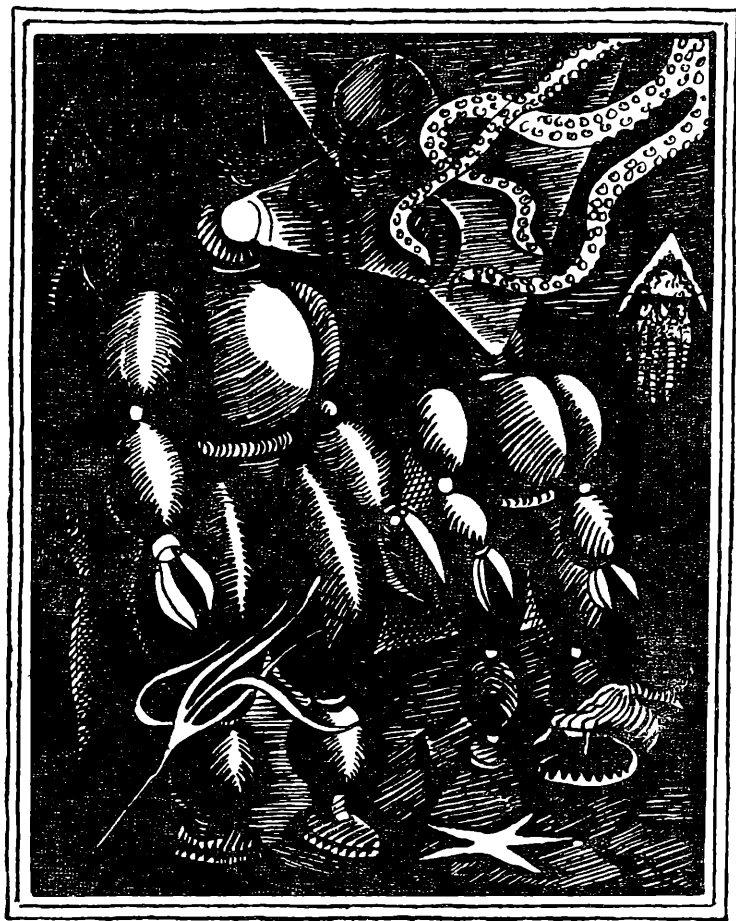
— Грэг, я не совсем понимаю...

— Ты все поймешь, Свен, ты обязательно поймешь, я расскажу. Но сейчас иди и готовь батиальную карту! Срочно, немедленно! Прошу тебя, Свен!

Болл, очевидно, напуганный моим возбуждением, то-ропливо покинул батинтас. Я поднял белый обломок, размахнулся и зашвырнул его обратно в воду. Обломок плюхнулся у противоположной стенки бассейна, окатив брызгами надпись, которую нам оставил кальмар. Буквы корявые, разные по величине и наклону, да еще в зеркальном начертании. Болл так и не понял, что здесь написано. И я сначала не понял. Буквы латинские. Однако, если внимательней приглядеться, то и без зеркала можно разобрать слово «Sapiens». «Мыслящий»...

ЭТОГО НЕ ПРОЩАЮТ, ДЮМОН!

«Манты» стоят неподвижно против течения. Только вибрируют их плавники. Вспыхивая в лучах прожекторов, мимо плывут светлые точки — хлопья взвешенного ила. Течение мощно и плавно несет свои бесконечные миллионы кубометров воды. Это сырье, это дейтерий и тритий — это энергия... Кубометры сырья без пользы проходят внутри аквалюмов, раструбы-рты разверзнуты в равнодушном зевке, агрегаты бездействуют. Мертвая техника... Здесь, в окружении техники (пусть даже мертвой), мы с Боллом чувствуем себя уверенней. По крайней мере, вокруг не шершавые темные скалы,

а гладкий, приятный на ощупь металл. И богатырские фигуры андробатов. Они бредут к аквалангам вразвалку, раздвигая воду плечом — такие похожие на людей в жестких скафандрах — о, если бы это были люди!..

Рядом со мной на трапеции белеет матовый шар радиометра. Время от времени зачем-то трогаю его рукой. А Болл все время поправляет висящий на груди квантабер. Должно быть, немного нервничает... Мы первый раз в воде по-настоящему вместе, и я незаметно наблюдаю за ним. Он, конечно, чувствует это и потихоньку наблюдает за мной. И в этом нет ничего предосудительного, если не считать предосудительным любопытство.

Колеблются тени и свет. Я смотрю на закраину ближайшего раструба и вижу там что-то чуждое техническому пейзажу. Толком разглядеть это «что-то» не удается: оно выползает, когда сгущаются тени, и исчезает, едва успевает к нему приблизиться луч. Странная закономерность... Выхватываю нож, отпускаю трапецию и, включив плавник, устремляюсь к машине.

Ток воды мягко, однако настойчиво прижимает меня к стенке громадного раструба. Я с опаской заглядываю внутрь. Тронутый лучом, вспыхивает кончик бивня струйного рассекателя. Затем вижу: из глубины темного кратера поднимается грозное щупальце. Изумленный, смотрю, как оно, напряженно покачиваясь, тянется ближе и ближе... и вдруг, коснувшись луча моей фары, ускользает во тьму.

Я знал, что головоногим свойственно занимать под жилье любые брошенные под водой резервуары. Квартирный кризис, так сказать. Но чтобы спрут поселился в машине, которая во время работы гудит и вибрирует!.. Есть вещи, которые трудно себе вообразить, и это, кажется, одна из них.

Сवेशиваюсь через закраину раструба. Луч уходит во

мрак, и внезапно полость огромной полированной чаши озаряется яркими полукружьями отблесков.

Кальмар хорошо освещен. Он покраснел, но не шевелится. Чудовищный глаз — добрых полметра в диаметре — глядит по-звериному дико, испуганно. Не глаз, а большой рубин — так странно преломляется луч где-то на дне кальмарьего глазного яблока. Толстое и бугристое, как старая лиана, щупальце обвито вокруг блестящего рассекаателя. Остальные скручены в кольца, присосками наружу. Вид грозный, ничего не скажешь — попробуй-ка тронь! Трогать тебя, дорогой, я, конечно, не стану. Но и тебе советую вести себя благоразумно и не делать лишних движений. Так будет лучше.

Я вдоволь нагляделся на спрута и подумал, что тащить сюда радиометр не имеет смысла. Кракен другой, это ясно: он превосходит размерами нашего знакомого. Я спрятал в ножны свое смехотворное оружие, вернулся к Боллу.

Болл, комфортабельно расположившись на трапедии и пошевеливая лапами, наблюдал за действиями андробатов. Четыре металлических гиганта работали четко, размеренно. Стороннему наблюдателю могло, пожалуй, показаться, что он присутствует на рыцарском турнире: романтический блеск доспехов, мельканье длинных теней и странно замедленная эскапада хорошо отработанных приемов рукопашного боя. Глубоководные роботы прямыми сверкающими мечами полосовали друг друга и все вокруг. И пусть это просто лучи обыкновенных фар, скрещивались они гораздо эффектней настоящих средневековых шпаг. Неподалеку от места схватки вертелась парочка каких-то змееподобных рыб.

Но что это? Спотыкаясь, падая на колени и снова поднимаясь, идет... нет, скорее ползет еще один андробат. За ним волочится кабель. Раненый рыцарь (я узнал

однорукого) торопится на поле брани. Трубите славу, герольды!

Трубы молчат. Но раздается мелодичный звон струны, будто кто-то тронул клавиш рояля. Ослепительно брызнула вспышка электрозамыкания. Вернитесь в конец двадцатого века, милорды: кабель перебит лучом, прекратился доступ энергии, и однорукий робот падает в песок. Болл опускает квантабер.

Один из андробатов бережно поднял товарища и унес куда-то в темноту. Вернулся он, держа в клешнях какой-то длинный стержень, похожий на коленчатый вал. Вероятно, это и есть ланжекторный замок. Через минуту стержень исчез в специальном отверстии под брюхом аквалюма. Аквалюм загудел. Болл поднял над головой квантабер и, повернувшись ко мне, энергично потряс им. Все в порядке, агрегат заработал! Я просемафорил Боллу вспышками фары: с-т-р-е-л-я-т-ь в к-р-а-й-н-е-м с-л-у-ч-а-е. И показал рукой в сторону раструба. Закраина раструба обросла шевелящимися щупальцами. Но спрут не думал сдаваться без боя.

И грянул бой...

Андробаты скрестили лучи, ярко осветив это кошмарное диво глубин. Тот, который ближе к раструбу, чем остальные, хватает гиганта клешнями за щупальце. Спрут в замешательстве. Сначала он просто пытается вырвать у робота свою конечность. Не тут-то было. В плен попадают еще две кальмарьих «руки». Спрут отчаянно упирается, но роботы тянут его, стараясь вытащить наружу. Щупальца бешено молотят воду, сплетаясь в замысловатые спирали, — двое андробатов валятся с ног. Спрут мгновенно белеет и скрывается в громадном облаке чернил. Но течение быстро уносит дымовую завесу — хитрость не удалась. Тогда обезумевшее от ярости и боли животное переходит в атаку.

Роботы, кабели, щупальца, красное тело спрута —

все сплетено в большой шевелящийся ком. Бездушный металл мертвой хваткой впивается в живое, трепещущее мясо, рвет и терзает. Вниз по течению, от места борьбы и дальше, вода обретает нежно-голубой оттенок. У кальмаров кровь голубая...

Я наблюдаю возню гигантов, не в силах отвести глаз. Я потрясен. Но потрясен не потому, что стал свидетелем мучений ни в чем не повинного животного. Вернее, не только потому. Меня поражает внезапная мысль, что все рычаги, управляющие кровавым столкновением, находятся в полукилометре отсюда — в центральном бункере, в рубке под индексом «Мурена-2». Битвой управляет машина. Богатыри андробаты — руки ее. Нежные, тонкие лучики — нервы. Нежные, тонкие.... Однако умеют решать довольно сложные задачи. Например: как превратить гиганта спрута в бесформенный, окровавленный ком. Да, мы, люди, невероятно изобретательны, мы наделяем машины умением разбираться и действовать в самых необычайных для них ситуациях. Мы только забываем, что раструбы аквалюмов просто можно было бы оградить защитной решеткой. Мы многое забываем. Или не знаем. Поэтому сходим с ума, терпим убытки и даже иногда стреляем. Это очень нехлопотно — любить природу с квантабером в руках. Безопасно. Особенно когда любить природу помогают машины. А мы проявляем эмоции...

Глубоководный робот «Андр-4» весит около тонны. Но забываешь об этом, если приходится видеть, как двое из них, увитые гибкими кольцами, повисают в лапах спрута наподобие елочных украшений. Взмах щупальца — и первый бедняга, сверкнув лучом, кувырком перелетает по ту сторону аквалюма.

Через воду доносится металлический лязг. Болл понял, что это и есть «крайний случай». Верно... Иначе, черт побери, останемся без андробатов.

Я обследовал радиометром все десять щупалец убитого кракена. Так, для очистки совести. В матовой толще прибора нечасто мелькали красноватые вспышки. Естественная радиоактивность донных пород, ничего интересного... Я укрепил на поясе конец троса и знаками потребовал у Болла выключить аквалюм.

Гул прекратился. Я отдал Боллу трос, свернутый в бухту, и нырнул в темный зев раструба. Внутренняя поверхность металлического кратера вдруг озарилась ярким сиянием: Болл направил сюда прожектора «Манты». Трос он травил неумело, рывками.

Я с любопытством разглядывал прикрепленную к стенке гроздь больших серых колбас. Это яйца спрута, его сокровенная тайна, которую он позволил узнать только через свой труп. Я срезал ножом одну из колбас, чтобы показать Боллу, и рывками подал сигнал. Трос натянулся.

Болл осмотрел мой трофей и кивнул. Он тоже все понял.

Мы заглянули в каждый из раструбов. Обнаружили еще пятерых гигантов, озабоченных судьбой своего еще не вылупившегося потомства. Не агрегаты для опытной добычи дейтерия, а подводный роддом!

В упряжке четверо: две «Манты», я и Болл. Мы с превеликим трудом тащили мертвого кракена к краю обрыва. Огромная туша, перевитая тросом, медленно ползла по песку. «Манты» клевали носом от чрезмерной нагрузки. Мы помогали им нашими плавниками.

Сначала мы сбросили щупальца — они повисли над пропастью, словно издохшие анаконды. Потом, стараясь не пачкаться слизью, мы столкнули с обрыва хвост, сперенный ромбическим плавником. И туша спрута, потев равновесие, канула в пучину.

При помощи фар мы с Боллом обменялись мнениями относительно дальнейших действий. Болл намекнул, что,

поскольку первая часть нашего плана провалилась, надо приступать к выполнению второй. Предложение было разумным. Расчет на то, что наш загадочный кальмар приплывет на площадку, как только начнет работать агрегат, не оправдал себя, и теперь нам не остается ничего другого, как довериться случаю... Две обширные террасы, которые мы, изучив карту, намеревались обследовать, расположены по ту сторону гряды. Болл предлагал плыть над массивом — километров пять по прямой. Я предложил спуститься ниже и пересечь массив по ущелью. Этот путь в два раза длиннее, но зато там возможны интересные находки. Болл согласился с большой неохотой: он не надеялся на успех.

Мы оседлали трапеции «Мант» и начали километровый спуск.

Появились акулы. Это было совсем некстати. Я схватил нож. Но белые бестии старались держаться за пределами освещенной воды, и скоро я потерял их из виду. Поведение хищниц показалось мне странным: они зачем-то крейсируют здесь, тогда как на дне их ожидает великолепный обед. Быть может, они уже пообедали? Что-то не верится. Сытая акула — явление почти невероятное.

Наконец в глубине забрезжили отсветы прожекторов. Лучи осветили наклонную каменистую осыпь. Среди камней выделялась размерами и диковинной формой серая глыба. Это мертвый кальмар. Тусклые линзы огромных неподвижных глаз... Еще недавно они казались мне рубинами.

Лучи прожекторов обеих «Мант» одновременно метнулись в сторону. Я оглянулся и увидел нечто такое, что впервые заставило меня вспомнить о существовании кабинки скутера; на фоне освещенных скал, судорожно вздрагивая, медленно поворачивалась какая-то багровая и на первый взгляд бесформенная масса. Кроме

переплетенных в змеиных извивах щупалец, кошмарная химера не имела ничего общего ни с одним из известных мне морских животных. Только потом я разобрал, вернее догадался, что это два спрута, сцепившихся в смертельной схватке.

Разъяренные чудовища с остервенением обкусывали друг у друга щупальца и тут же пытались их пожирать! Причем разобрать здесь, где чьи конечности, было явно невозможно, но это обстоятельство, по-моему, ничуть не смущало бойцов. Щупалец много, и половина из них, естественно, принадлежит врагу. На вкус они одинаковы, а в остальном как повезет.

Над скалами промелькнули жуткие силуэты еще нескольких спрутов. Я заметил, что Болл неоднократно вскидывал квантабер, но стрелять не решался. Тоже понял наконец, что это, в сущности, нелепо... «Манты» равнодушно следили за маневрами кальмаров, провожая их лучами прожекторов. Перед выходом в воду мне с трудом удалось уговорить Болла перестроить программу активной обороны «Мант» так, чтобы грозное разрядное устройство приводилось в действие вручную или ультразвуковым сигналом. И сейчас я подумал, что это была очень удачная мысль.

Исчерпав резерв неповрежденных щупалец, спруты-забияки решили прекратить дуэль. Разомкнув объятия и выпустив густое облако чернил, враги ударились в бегство. Нам тоже вряд ли следовало мешкать, и я направил «Манту» в обход утеса, памятного мне по прошлому посещению. Но едва лучи прожекторов раздвинули тьму в том направлении, я заставил скутер остановиться...

Сзади надвигались огни скутера Болла. Я сделал предупреждающий знак рукой, указал на кабину и ультразвуком скомандовал «Мантам» выключить свет. Наступила глубокая тьма. Будем надеяться, что у Болла

хорошая реакция и что он так же, как и я, лежит сейчас в тесной кабинке, сжимая левой рукой рукоятку разрядника. Ну вот, подумал я, начинается веселая игра «Угадай, кто?». В глубоководном варианте эта игра обещает быть намного забавней. Кругом скалы — справа скалы, слева и сзади. А перед носом лес копошащихся гигантских щупалец. И какое-то из них радиоактивное в этом густом, ухоженном лесу. Отступить некуда и незачем. Надо угадывать. Кругом непроглядный мрак. Такой непроглядный, что больно глазам. Ничего, пусть привыкают. Я знаю, что слизь на теле кальмаров светится в темноте. Знает ли Болл?

Я услышал тонкий свист. Не тонкий, а тоненький, как острие иглы. Это заработал инжектор — вода в кабине обогащается кислородом. Надежная машина, умная. Вот только напрасно мы доверяем машинам оружие. Лучше, когда рукоятку разрядника держит рука человека. Даже если человек этот немного взволнован, потому что он видит в нескольких метрах отсюда, у самого дна, стаю спрутов.

Впрочем, здесь не так темно, как раньше казалось. То есть, конечно, темно, но эта затемненная до полной невидимости среда прозрачна для малейших проблесков света, а мрак перестал быть сплошным. Мерцание. Таинственное и тревожное... Привыкают глаза, яснее становится картина. Там, где минуту назад в лучах прожекторов проступали тяжелые объемы скал, теперь на фоне угольно-черных пространств повисла кружевная сеть слабо светящихся цветов — опаловые лепестки невиданных растений...

В кружевные узоры странного пейзажа гармонично вписывались голубые фонари. В их неверном сиянии неуклюже ворочались огромные серые призраки. Фонари беспокойно блуждали с места на место. Будто

бы духи пучин проверяли сохранность несметных сокровищ.

Один из фонарей покинул орбиту своего движения и закачался на волнах голубого огня в каком-нибудь метре от «Манты». Осторожно открыв створки кабины, взглядевшись, я узнал карликовую акулку. Брюшко этого прелестнейшего существа источало такое яркое голубое сияние, что я без труда мог разглядеть отдельные ворсинки на черных пальцах моей руки.

И вдруг внезапный и сильный толчок. «Манта» вздрогнула всем корпусом, резко накренилась. Я поймал рукоятку разрядника и завертел головой, пытаюсь выяснить, что происходит. Прямо на скутер из темноты наплывала огромная серо-зеленая масса. Скутер мелко дрожал, сиюсь восстановить потерянное равновесие. Ну-ну, вырваться из щупалец кракена не так-то легко...

Необычайно ярко, до боли в глазах, вспыхнули прожектора. «Манта» выпрямилась; ошеломленный спрут отпрянул, вскинув кверху дуги щупалец. Умница, понял, что эта странная добыча ему не по зубам.

Где-то рядом ударила молния. На мгновение толщу воды всколыхнула синяя судорога. Я оглянулся. От скутера Болла улепетывали два здоровенных спрута. Каждый превосходил машину размерами раза в четыре. «Здесь нашего кальмара нет», — подумал я и рванул «Манту» вперед. Следом круто разворачивал машину Болл.

Вспарывая тьму лучами прожекторов, мы бреющим полетом неслись над местом кальмарьего сборища. Внизу багровые тела спрутов, разбросанные щупальца, жуткие взоры ослепленных глаз. И вдруг (это было так неожиданно, что мы с Боллом, не сговариваясь, резко снизили скорость) весь видимый участок дна за клубился темно-коричневым дымом. Многотонные живые торпеды одна за другой взмывали вверх и улетали во тьму. Де-

сять, двадцать, может быть, тридцать. Великолепный по своей стремительности старт!.. И я ощутил в себе странную смесь восхищения, горечи и чего-то еще, похожего на жгучее чувство стыда, неловкости и обиды. Вот так — подальше от людей, от синих молний, от непривычно яркого света этих непобедимых и смертельно опасных пришельцев.

Океан свидетель: я не желал быть смертельно опасным! Но где проходит в этом новом для нас, удивительном мире граница зла и добра, жестокости и великодушия, необходимости и бессердечия? Какими мерами какой морали оценивать в кромешной тьме неизмеримых бездн свои желания, поступки, совесть, намерения? И кто мы здесь? Пришельцы? Завоеватели? Хозяева? Или просто чернорабочие нашей сухопутной цивилизации?

Океан-море... Породнились мы с тобой крепко-накрепко. И я, пожалуй, все-таки нашел ответ на сто своих вопросов: мы недостаточно знаем тебя, океан. Отсюда все наши подводные беды, тревоги, внутренний разлад. Но постепенно мы сами себя совершенствуем и усложняем. С учетом, разумеется, влияния среды — твоего влияния, океан. Дай нам время, мы накопим знания и станем для тебя хорошими хозяевами и друзьями. Дай время... У нас еще к тому же много собственных, сугубо личных, человеческих забот. Нам — мне и моему коллеге — предстоит проникнуть в тайну одной весьма запутанной, загадочной истории, в которой ты, очевидно, играешь далеко не последнюю роль. Да, я знаю: во всем виноваты мы, люди. Но поклянись утробами своих глубин, что тебе ничего не известно об этом?

«Манта» продолжала идти вдоль террасы малой скоростью. Я выбрался из кабины и плыл на трапедии, едва не задевая лапами за выступы обросшего губками дна. После феерического бегства кальмаров неприятное ощу-

щение опасности забылось. Поэтому я сильно вздрогнул, когда почувствовал, что кто-то дернул меня за плечо. Фу, пропасть... Я спрятал выхваченный было нож. Болл показал квантабером куда-то в сторону. Я поднял голову и увидел кальмара...

Тот кальмар или не тот? Что-то мне подсказывало: тот. Я взял радиометр и направился прямо к животному. Не оборачиваясь, знал Болл держит спрута на прицеле.

Кракен вытянул вперед четыре щупальца, и матовый шар осветился частыми вспышками красных огней. «Ну, разумеется, — подумал я. — Радиоактивную ампулу легче всего «вмонтировать» в чашку присоски».

Кракен парит в воде, точно аэростат на привязи. Подплываю к голове гиганта. Он вздрагивает, когда я осторожно беру его за щупальце. Спокойнее, мое сокровище, я собираюсь почесать тебе за ушком, и только... Вглядываюсь. Ну так и есть! Вынимаю нож и кончиком лезвия выковыриваю из присоски комок голубой мастики и чашечку свинцового экрана. Шар радиометра загорается устойчивым алым огнем. Искать другие «запечатанные» присоски нет смысла.

Возвращаюсь к Боллу и показываю свою находку. Мы разламываем голубой комок на две половинки. В середине комка поблескивает металлический пенал. Моя догадка подтвердилась: несколько щупалец кракена помечены радиацией. Болл энергично кивает.

Теперь мы плывем вдоль террасы уже впятером: я, Болл, две «Манты» и спрут. Обтекаемое тело кальмара, продолженное узким пучком плотно сомкнутых и как бы пристегнутых друг к другу щупалец, скользит в воде с какой-то нематериальной, призрачной легкостью.

Избегая прямых лучей прожекторов, кракен плывет вперед хвостом, придерживаясь полутени на границе

света и наползающего сзади мрака. Я то и дело оборачиваюсь, боясь, что он исчезнет, и сразу успокаиваюсь, когда под светом моей фары кроваво-красным рубином вспыхивает огромный глаз. Но чаще оборачивается Болл. И я слежу за ним едва ли не внимательней, чем за кальмаром: у Болла наготове квантабер.

Круто обогнув встречный утес, терраса сузилась. Некоторое время ее жалкие остатки лепились вдоль стены, затем — наклонный обрыв и лестница уходящих в глубину уступов. Привычно вертикальная стена накренилась и неожиданно свернула вправо. Перед нами темная пропасть, украшенная лазурно-голубыми куполами крупных медуз. Мрачная глубина, угрюмые скалы и... дивной красоты изделия из мягкого живого хрусталя. Ну что ж, подобная контрастность в этом ошеломляющем мире явление обыденное. Мы тоже повернули вправо.

Я отлично помнил это место по карте — широкий иззубренный полукруг. Далее, в километре отсюда, начиналось ущелье, а здесь, охватывая подводную лагуну, должна тянуться сплошная стена — во всяком случае, такой она выглядела на экранах дешифратора «Мурены». Поэтому я удивился, увидев темный вход в ущелье раньше времени.

Спокойствие, никакое это не ущелье. Просто жалкий разлом или трещина. И не будь с нами кальмара, мы, пожалуй, проплыли бы мимо: насколько я помню, сегодня мы не собирались совать нос в каждую трещину. Но кракен вдруг, резко увеличив скорость, метнулся к разлому. Помедлил у входа, словно чего-то выжидая, развернулся головой вперед, выпрямил щупальца и юркнул в темноту.

Я, недолго раздумывая, направил «Манту» следом за ним.

Болл, очевидно, замешкался, сбитый с толку монм

неожиданным маневром, иначе сзади уже набегали бы отсветы прожекторов. Ладно, как бы там ни было, он меня одного не оставит.

Каменный коридор то сужался на поворотах, то расширялся, уходя в неясную перспективу. На стенах однообразный горельеф изломов, дно усеяно скальными глыбами, которые с трудом угадывались под куполами илистых шапок.

Угнаться за кракеном скутер не мог. На каждом повороте я встречал облака потревоженного ила, но самого животного не видел. Мной овладело возбуждение, и в пылу этой сумасшедшей гонки я не сразу заметил, что каменный коридор расширяется кверху. Поднявшись чуть выше, я стал гораздо свободнее «резать углы». И тут навстречу из тьмы выплыла большая белая надпись... Дальше, на более гладком участке стены, возникла другая — всего из трех букв. Потом еще одна и еще...

Сами по себе подводные надписи — с тех пор, как я научился их читать, — уже не вызывали трепетного изумления, граничащего с чувством ужаса перед явлением загадочным, необъяснимым. Ошеломляло другое — то, что им здесь, вероятно, нет числа. Буквы-уроды, буквы-чудовища... Внезапно они исчезли, и я с тревогой глядел на унылые стены. Затем появились опять, заставляя меня еще и еще раз читать их справа налево. Не покидала надежда все же выявить причину их сотворения. Надписей много, но слов всего только три. SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ. Сигнал бедствия, женское имя и что-то смутно знакомое, сущности которого я, как ни старался, вспомнить не мог. Три зеркально перевернутых слова повторялись много раз, в разных вариациях, вместе и порознь: SOS, ЛОТТА, СЕНСОЛИНГ...

Коридор расширялся и становился прямее. Подчиняясь какой-то странной закономерности, изменялись и

надписи, но, так сказать, в обратной пропорции. Чем шире коридор, тем мельче и правильной буквы... Сверху тихо упали призрачные колонны света. «Это Болл», — успел подумать я и выпустил из рук трапецию.

Помятый, разломленный надвое корпус, безобразно покореженные листы обшивки, иллюминаторы... Мертво и тускло мерцает отраженным светом серебристая плоскость. Отдельно валяются многобаллонное шасси, обгорелый киль с правым форсаж-мотором, пластмассовый панцирь носового локатора. Там, где должна находиться кабина пилотов, зияла дыра, через которую свисали наружу вырванные внутренности пульта... Сверхзвуковой стратолет, или, как его еще называют, эйратер.

Печальные останки некогда красивой и гордой машины припорошены илом. Будто стая ворон, над обломками кружат траурно-черные лентовидные рыбы. И еще какие-то сиреневые рыбы с огромными пастями и развевающимися фалдами плавников. Вверху, на границе света и тьмы, парит спрут. Наш загадочный спрут. Щупальца скорбно опущены.

Я поплыл вдоль хвостовой части корпуса, сметая руками осевший ил. Болл опустил в разлом, и в иллюминаторах забрезжил свет его фары. Я взглянул в ближайший выбитый иллюминатор и увидел ряды чудовищно разбухших кресел. Это был пассажирский эйратер...

Скоро Болл выбрался наружу и сделал руками жест, который я отлично понял без слов: трупов погибших при катастрофе он не нашел. Да и не было смысла искать: морская вода и бактерии уничтожают их в течение нескольких недель... Я показал Боллу очищенный мною от ила участок. На серебристой поверхности — темносиние буквы. Корабль называется «ЛАДОГА». Вот так, коллега, этот эйратер носил русское имя: «ЛАДОГА»...

А теперь гляди сюда и постарайся запомнить номер машины.

Мы облазили весь погибший эйратер. И постепенно перед нами стала вырисовываться картина давней катастрофы. Сначала, видимо, взорвался один из топливных баков. Больше всего поврежден левый борт, а от левой несущей плоскости мы не нашли ничего, даже обломков. Сильно обгорела хвостовая часть фюзеляжа. Нос корабля изуродован, очевидно, ударом о воду. Все остальные разрушения — результат хаотического лавинообразного падения эйратера вниз по каменистому крутому склону ущелья. Наверное, человеческих жертв не было. В заднем салоне, в грузовых отсеках и гардеробах мы не нашли ничего, что могло бы принадлежать пассажирам. Правда, в переднем салоне нам попало несколько вещей из тех, которые люди по старой привычке все еще берут с собою в дорогу. Однако на месте четырех кресел зияли отверстия люков. Заглянув в отверстия, мы убедились, что в нижнем отсеке не хватает четырех спасательных капсул — в момент катастрофы люди успели катапультироваться. Но успел ли катапультироваться экипаж корабля, оставалось загадкой: в бывшей кабине пилотов царил такой хаос, в котором было бы трудно разобраться даже многоопытному эксперту. Во всяком случае, кресел мы там не обнаружили и сочли это за добрый знак.

Версия о том, что «Ладога» совершала не пассажирский, а какой-то специальный рейс, возникла после того, как мы нашли в салоне странную, довольно большую конструкцию неизвестного мне назначения. Судя по тому, как пожимает плечами Болл, такой прибор ему тоже приходится видеть впервые. На массивном основании покоится прозрачный с закругленными ребрами куб. Внутри куба на общей оси две зеленоватые полусферы, одна из них чуть больше другой. Полусферы могут вра-

щаться относительно друг друга, образуя полную сферу. Если большая полусфера имела совершенно гладкую полость, то меньшая внутри была устлана множеством белых и мягких сосочков.

Сняв с основания боковую крышку, мы осветили фарами внутренность стального пьедестала и увидели там невероятное количество полупроводниковых конверсоров, собранных отдельными блоками. Внизу, утопленные в желобах магнитных регистраторов, поблескивали ампулы. Я вынул ампулы, и первое, что мне бросилось в глаза, это красные штампы на них: «Сенсолинг-4».

Сенсолинг!..

Мало-помалу я пришел в себя. Но снова смутное воспоминание, связанное с этим словом, поманило и скрылось.

Сенсолинг... Стены в надписях, красные штампы. Лотта, мыслящий кракен, эйратер. Сигналы бедствия, ампулы магнитных регистраторов, отключенные агрегаты. «Верните безличность. Нет равновесия...» Узел? Конечно. Один или несколько? Будем думать, один. Нам хватит одного. С избытком.

Болл где-то нашел и приволок пустую дорожную сумку. Я машинально сложил в нее ампулы. Подергал странную машину. Прибор был наглухо прикреплен к стене как раз в том месте, где обычно крепятся люльки для самых маленьких пассажиров воздушного лайнера. На стенках прозрачного куба шевелились тонкие щупальца двух молодых офиур.

Выбираясь наружу, Болл долго и осторожно лавировал среди металлических заусениц пролома. Мне надоело ждать, и я нырнул в открытый люк грузового отсека. Проскользнув под брюхом эйратера, я уж было совсем собрался покинуть это кладбище обломков, когда мое внимание привлек черный предмет, похожий на ласт.

Он валялся у нижнего края оторванной и почти вертикально стоявшей плоскости крыла.

Я опустился рядом с ним. Тронул рукой. Замер. Это был настоящий ласт... Рядом другой. Настоящие ласты на двух настоящих ногах...

«ОН! — крикнул во мне мой изменившийся голос. — О-О-ОН!!!»

Мелькание ластов, плавников, мелькание света. Мелькание теней. Нас двое, а кажется — десять. Третий лежит неподвижно под серебристой плоской колонной — надгробной плитой для него. Навались! Ну же, еще чуть! Пошла... Заводи в сторону, эк...

Скрежет и гулкий грохот пустого металла, илистый дым... Мы склоняемся над трупом подводника. Зачем-то поправляем сползший на грудь белый пояс. Не верится. Тот, кого мы так долго искали. Пашич...

Поднимаем жесткое деревянное тело и перекладываем на гладкую поверхность крыла. Сдвигаем в сторону, потому что этот участок поверхности исцарапан ножом. Два слова: «Прощай, Ружена!» Восклицательный знак и запятая на своих местах. У него было время тщательно вырезать надпись и позаботиться о знаках препинания...

Все просто и страшно. Он выходил через люк грузового отсека и попал в западню. То ли от его неосторожного прикосновения, то ли по другой причине, но вздыбленная плоскость крыла внезапно осела. Лежа на спине, он пробовал высвободиться. Снизу — режущие грани камней, сверху — тяжесть металла. Это был конец, но он еще не верил: где-то рядом кружила обеспокоенная «Манта».

Он долго и безуспешно ковырял ножом рваную закраину крыла. Потом понял, что может надеяться только на помощь Дюмона, и стал подсчитывать, сколько времени нужно Дюмону для поисков. Он не знал, что Дю-

мон обрезал провода и мечется в салоне, опрокидывая мебель. Не мог знать, что мезоскаф готовился всплыть без него.

Помощь запаздывала. Он лежал, считал минуты и думал. У него было время подумать. Сутки, двое, может быть, трое. Потом он вырезал надпись. Разрядились аккумуляторы...

Этого не прощают, Дюмон.

Впереди, освещенная прожекторами, летела чернокрылая «Манта» с телом погибшего. Быть может, та самая «Манта», которая ждала, но так и не смогла дождаться хозяина у обломков эйратера. Мы с Боллом, словно боясь хоть на миг упустить из поля зрения свою ужасную находку, плыли следом. Вдвоем на одной машине, плечом к плечу. Поодаль — наш загадочный спрут.

Стены ущелья раздвинулись и утонули во мраке. Всплыв над провалом, мы взяли курс прямо на станцию, на главный ультразвуковой маяк. Вернее, не мы, а «Манты», потому что только они умели правильно ориентироваться в этом огромном и темном пространстве, пронизанном неслышными для нас сигналами маяков.

Мы пролетали высоко над массивом. Панорама подводных гор была скрыта от наших глаз величественным занавесом тьмы. Лишь изредка лучи проскальзывали по макушкам скалистых утесов, и на мгновения в безднах мрака возникали странные миражи. Будто бы мимо плыли не громоздкие глыбы, отделенные лучами от своих невидимых фундаментов, а совершенно невесомые архитектурные детали каких-то сказочных замков... Не знаю, удастся ли мне когда-нибудь привыкнуть к постоянному ощущению неправдоподобности этого мира. Наверное, нет. Это как сон, в котором ты участник удивительных, порою драматических событий. Рыбий сон. А рыбы спят

с открытыми глазами. И нужно быть действительно хотя бы наполовину рыбой, чтобы уметь отчетливо распознавать в прозрачных водах полусна хищный плавник всегда готовой скверно подшутить реальности. Парящие в пространстве скалы — мираж. А «Манга», которая несет в последний раз тело погибшего хозяина, — это реальность. И в эту реальность не хочется верить. Но разве я не представлял себе такой финал, когда получил задание от Дуговского? Конечно, нет. Вопреки здравому смыслу я надеялся увидеть Пашича живым... Наверное, я рыба меньше чем наполовину. Мне явно не хватает хладнокровия.

Я даже не представляю, как он выглядел в жизни. Не знаю ни его лица, ни голоса, ни жестов, ни манер. Зато я знаю: он был умным человеком, смелым, опытным глубоководником. Держал в руках разгадку тайны мыслящего кракена. И вот несчастье... Маленький просчет, ошибка — и уже ничем нельзя ему помочь. Ему не повезло — его напарник оказался предателем, трусом. Мне вот повезло: рядом плечо надежного товарища. Не выдаст.

Вилем, ты был один. Один в воде — все равно что нуль. Это неписаный закон бездны. И океан подвел под этим законом черту... Я тоже был один. И едва не погиб. Спасибо кракену — выручил. Тебя почему-то не выручил. Должно быть, не знал, не заметил беды... И вообще, в воде человек ничего не может один. Даже если он наполовину рыба.... Теперь мы с Боллом вдвоем. А двое на такой глубине — это целый отряд. Вдвоем мы все можем. Не можем только вернуть тебе жизнь. Плышем следом и смотрим: встречный поток колышет твой безжизненный плавник. Ты мертв. Нам очень больно, Вилем. Нам так хотелось увидеть тебя живым!.. И еще большее будет твоим родным и друзьям, когда узнают. Когда узнает Ружена.

Скутер с телом Пашича влетел в оскаленную пасть четвертого бункера. Болл сунул мне квантабер и тоже надолго пропал в ангаре. Я вынул из кабины сумку с трофейными ампулами, отпустил «Манту». Где-то сзади полыхнула ядовито-малиновая зарница. Обернувшись, я чуть не выронил сумку из рук. Прямо передо мной, освещенная прожекторами, неподвижно висела в воде красная туша кальмара. Это было неожиданно, потому что спрут исчез, как только мы приблизились к станции.

Сначала мне показалось, что ловчие щупальца кракена держат большой мяч, какие часто можно видеть на курортных пляжах. Потом на фоне ярко-желтых полос я разглядел черные цифры, лопасти двух винтов. В глаза опять ударила малиновая вспышка неимоверной яркости. Этим и знамениты автономные радиобуи типа «Коралл». Всплыв на поверхность и выполнив программу двусторонней радиосвязи, «Коралл» опять уходит в глубину, ложится на дно где-нибудь недалеко от маяка, посылая в темноту мощные световые сигналы. Встречайте, дескать, почтальона — вам письмо. Любопытно, что ответил Дуговский...

Я воткнул квантабер в ил, а на его приклад повесил сумку. Из бункера выплыл Болл. В руках у него были пояс Пашича и ласты. Увидев кракена, он уложил всю эту амуницию на камень и, прикрывая глаза от пронзительных вспышек, направился к радиобую. На квантабер он даже не взглянул. Люди быстро осваиваются в самых необычных ситуациях. И быстро смелеют. Я прямо-таки замер, когда он с непринужденностью хозяина отстранил мешающее ему щупальце. Гигантский спрут малым ходом послушно отработал в сторону, а Болл величественным взмахом руки призвал меня к себе.

Мы отбуксировали радиобуй на вершину третьего бункера. Бережно опустили в люк.

— Тебе не кажется, Грэг, что кракен специально привел нас к обломкам эйратера?

— Это совершенно очевидно, — сказал я.

На столе перед нами длинный водолазный нож и черные ласты. Ласты мокрые — не успели обсохнуть. Кончик ножевого лезвия притуплен. Вот и все, подумал я. Нашли... «Прощай, Ружена!»

Мы с Боллом нехотя глотали осточертевший бульон, избегая смотреть друг другу в глаза. Как будто мы в чем-то виноваты перед бывшим владельцем этих ластов... Я чувствовал неимоверную усталость.

Болл поднялся тяжело, но уверенно. Взяв ласты и нож, хмуро оглядел салон и направился к шкафу, в котором хранилась одежда. Я понял, что он собирается делать, и тоже поднялся. Он приложил оба ластика к пластмассовой стенке и, взмахнув ножом, одним ударом пригвоздил их к матово-белой поверхности. Отступил назад. Салютуя, поднял над головой кулаки. Я тоже поднял. Традиция... Глубоководники с почтением относятся к своим традициям. Ласты, пронзенные ножом, будут висеть до тех пор, пока мы не отправим тело погибшего товарища на поверхность.

Болл долго стоял неподвижно, ссутулившись. Думал о чем-то своем. Я тронул его за плечо.

— Ты очень устал, старина?

Болл взглянул на меня отсутствующими глазами.

— Грэг... — сказал он хрипло. — Грэг! Дюмон — обыкновенный трус! Он не выходил на поиски Вилема.

— Знаю, Свен.

— Раньше я сомневался, но теперь для меня это ясно как день!.. Мне стыдно, Грэг, я тоже чуть тебя не проспал.

— Но ты все-таки вышел... Хотя понимал, что шансов

вернуться из воды у тебя было немного. Но довольно об этом. Послушаем лучше Дуговского.

— Дуговский?.. Ах да, «Коралл». Ты отправлял Дуговскому рапорт?

— Запрос. У нас с тобой осталась неразгаданной еще одна загадка, — я кивнул в сторону аквариума. — Кракен...

В глазах у Болла появилось выражение настороженности.

— Да, Свен. Это не дрессированный кракен.

— Постой-ка, Грэг!.. Ты хочешь сказать, что Пашич дал спуту радиоактивную защиту за пять дней до того, как погиб?

— Вот именно. Хотел бы я взглянуть на дрессировщика, который смог бы за пять дней... Ну, в общем, это не кальмар. Вернее, кальмар, но... Я не знаю, что это такое.

Болл медленно опустился в кресло. Неуверенно спросил:

— Биомашина?

Я не ответил. Он видел кракена, и такие вопросы вроде бы ни к чему.

— М-да... — пробормотал Болл, покусывая ноготь. — Конечно, нет... — Рывком поднялся, пересел в кресло за пультом. — Но почему же эта тварь не выручила Вилема? Чем Вилем хуже нас с тобой?

— А ты заметил, с каким беспокойством кальмар кружил над нами, когда мы выволокли Вилема из-под крыла?

— Припоминаю... Значит, он привел нас к эйратеру не потому, что Вилем... Послушай-ка, Грэг, ты знал об этом давно?

— Нет, Свен, ничего я не знал. Просто у меня зародилась смутная догадка, как только ты сказал, что эта

пластмасса... — я вынул из кармана оплавленный комок и положил на пульт, — эта очень твердая пластмасса идет на изготовление фонарей для эйратеров. Но, посылая Дуговскому запрос, я уже был уверен, что мы имеем дело не с обычным кальмаром. Кстати, ты не смог бы мне объяснить значение слова «сенсолинг»?

Болл нажал подряд четыре клавиши и, откинувшись в кресле, впери́л глаза в потолок.

— Сенсолинг... Сенсолинг... — повторял он, наморщив лоб. — Понимаешь, где-то что-то читал... Не могу припомнить. А в чем, собственно, дело?

Я подошел к сумке, которая стояла в лужице на-текшей из нее морской воды, выбрал ампулу с наиболее ясным отпечатком, показал Боллу. Он долго и глубоко-мысленно разглядывал штамп. Зачем-то посмотрел ампулу на свет, потряс ее, пожал плечами и вернул мне со словами:

— Занятная вещица. — Заметив мое удивление, добавил: — Ты думал, что это обыкновенная кассета для регистраторов магнитозаписи? Посмотри-ка на свет.

Я посмотрел. Сквозь толщу синеватого стекла я не увидел привычных глазу завитков изящной клазотроновой спиральки. Ампула была наполнена какой-то мутноватой жидкостью. Если встряхнуть, можно заметить мелкие белесые хлопья. У торцов стеклянного баллона поблескивали металлические волоски.

Вывалив ампулы из сумки прямо на пол, я торопливо проверил на свет их все до единой. Та же картина...

Раздался щелчок, и кто-то кашлянул в динамике. Я замер на полу, обхватив руками колени. Голос Дуговского произнес:

— Я — Волна, я — Волна. Бездна-Д-1010, Соболеву, Боллу.

Пауза. В динамиках плескался отдаленный и неяс-

ный гул. «У них штормит, — подумал я. — И крепко штормит».

— Отвечаю на ваш запрос. Прежде всего дословно передаю радиogramму из Ленинграда. «Кроме изучения и моделирования физиологического механизма автотомии * осьминогов октопус дефилиппи, никаких других исследовательских работ с крупными моллюсками не проводили. Ленинградский институт молекулярной бионетики. Руководитель отдела высшего моделирования Кером». Точка. Аналогичные сообщения поступили к нам из всех остальных научно-исследовательских организаций этого профиля, и ни в одном из них не упомянуты кальмары рода архитевтис. На всякий случай передаю сообщение из Хьюстонского института морской биологии. В океанарии на острове Инагуа под руководством Геры Фуллер проводятся эксперименты над гигантским кальмаром по кличке Тарзан, род архитевтисов. Программа этих экспериментов ничем особенным не отличается от обычных программ биологических исследований морских животных. В настоящее время экспериментальные работы Фуллер находятся в стадии завершения. Точка. Благодарю, желаю успеха. Леон Дуговский. Конец передачи.

Болл пробежался пальцами по клавишам и непонятно по какому поводу изрек:

— Разумно...

Я уткнулся подбородком в колено, пытаюсь собраться с мыслями. Сообщение Дуговского, конечно, не в состоянии пошатнуть мои предположения. Но концы с

---

* Автотомия — способность некоторых животных самопроизвольно отделять части своего тела в минуту опасности. Так, например, ящерица, спасаясь, оставляет противнику хвост. Осьминог октопус дефилиппи — одно из животных, в совершенстве обладающих автотомированием.

концами явно не сходятся. Нить, которая соединяла кракена с людьми, каким-то образом оборвалась. Какая нить, когда оборвалась и как?.. Затонувший эйратер?..

— Там, наверху, ничего не знают о существовании спрута, — сказал Болл. — Что ты об этом думаешь, Грэг? По-моему, единственным светлым пятном во всей этой темной истории является эйратер.

Мы помолчали. Болл, облокотившись на пульт, выстукивал пальцами барабанную дробь.

— Свен, судя по толщине илистых наносов, эйратер пролежал на дне что-то около четырех лет. Может быть, пять. Каков, по-твоему, возраст нашего кракена?

Барабанная дробь прекратилась.

— Думаю, тоже что-то около этого: года четыре... — Болл вместе с креслом повернулся ко мне. — Но это совпадение нам вроде бы и ни к чему.

— Не знаю. Но Вилем, кажется, знал... Или догадывался.

Мы одновременно взглянули в сторону одиноко чернеющих ластов. На темном фоне контрастно выделялась белая рукоятка ножа.

— Свен, — сказал я. — Поднимай «Физалию».

— «Коралл» надежнее. «Физалию», боюсь, оборвет.

— Попробуем, не все же время там у них штормит.

— Ладно, рискнем.

Я разложил ампулы на столе. Их было ровно тридцать штук, этих загадочных ампул.

— Крутит, — сказал Болл. — Идет неплохо, но с вращением.

Я подошел к пульту взглянуть на счетчик глубин. Пятьсот пятьдесят. С этими радиобуями всегда морока: то крутит при подъеме, то обрывается кабель, то не

желает всплывать на поверхность антенна. Одним словом, физалия*.

Болл внимательно следил за шкалами натяжения и деформации кабеля, пальцы на клавишах. Я тронул его за плечо:

— Свен, а все-таки эти проклятые ампулы — кассеты регистраторов.

— Но там же нет клазотроновых элементов, — он даже не обернулся.

— Да. Но их функции выполняют мутная жидкость и хлопья. Это бионетика, Свен. Хлопья содержат в себе информацию...

— Ближе к делу, Грэг. Сразу говори, чего ты хочешь?

— Вот если бы «Мурена»...

— Я так и знал. «Мурену» я тебе не дам. И не только потому, что это совершенно бесполезно — мы все равно не сможем разобраться в специфике основного кода, — но еще и потому, что я не знаю, как повлияют на память машины комбинации алгоритмов, составленные бионетиками... Это же сумасшедшая наука, Грэг! Не буду удивлен, если, получив заложенную в ампулу информацию, «Мурена» вообразит себя каким-нибудь сенсолингом. Или, чего доброго, затонувшим эйратером.

«Или кальмаром по имени Лотта», — подумал я.

— Тридцать метров, — сообщил Болл и стал набирать на клавишах очередную команду. — Грэг, кажется, все обошлось, антенна всплывает.

Динамики ожили. Сквозь шорох, треск и свист ра-

---

* Физалия, или португальский кораблик, — животное, внешне похожее на медузу. Держится у поверхности воды с помощью особого плавательного пузыря. Щупальца тонкие, нежные, свешиваются вниз на глубину 20—30 метров, перекручиваются между собой от малейшего движения воды.

диопомех мы слышали музыку. Я задержал руку Болла.

— Калькутта, — сказал он.

Не все ли равно — Калькутта, Джакарта, Тананариве. Мир поет — вот что прекрасно.

Я спохватился, выпустил руку товарища. Болл с виноватой улыбкой протянул мне микрофон.

— Я — Бездна-Д-1010, я — Бездна-Д-1010... Вызываю на связь Волну, Дуговского. Вызываю на связь... Волна, как слышите меня, Волна? Отвечайте. Прием.

В динамиках цикадами трещали радиопомехи. Я повторил позывные. И наконец сквозь шум прорезался невнятный замирающий голос:

— Я — Волна, я — Волна... Бездна-Д-1010, слышу вас плохо. Дайте настройку счетом. Дайте счетом... Прием.

— Один, два, три, четыре, пять. Пять, четыре, три, два, один. Я — Бездна, я — Бездна... Как слышите меня, Волна? Прием.

— Я — Волна, — внезапно рывкнули динамики. Болл уменьшил громкость. — Бездна, слышу вас хорошо. Передаю микрофон Леону Дуговскому. Прием.

— Здравствуйте, Леон. Как там у вас погода? Прием.

— Здравствуйте, Игорь, здравствуйте, Свен... Погода отличная, за «Физалию» не беспокойтесь — при таком волнении не оборвет. Я слушаю вас, ребята... Прием.

Я помедлил, сжимая микрофон до боли в пальцах, взглянул на Болла. Он молча кивнул.

— Мы нашли того, кого искали... и прокололи ласты ножом. Того, кто всплыл, мы обвиняем в трусости. Мы выражаем этому человеку наше презрение.

Болл сидел неподвижно. В его глазах я заметил боль и усталость.

— Запуск агрегатов намечаем на завтра. Агрегаты в порядке. Два из пяти андробатов серьезно повреждены, требуется полная замена... Самочувствие хорошее, продолжаем работу. Прием.

Длительная пауза. Динамики потрескивали разрядами атмосферных помех. Наконец дрогнувший голос Дуговского:

— Это был один из лучших гидрокомбистов нашего института, ребята... Гордость глубоководного сектора. Я до сегодняшнего дня не верил... Как это произошло?

— Он погиб, выполняя свой долг! — выпалил я напрямую, пренебрегая правилами радиоэтикета. — Мы искренне соболезнуем вам и разделяем ваши чувства. Мы продолжаем работу, которую он не успел завершить. Запросите агентства воздушных сообщений, когда и по какой причине на акватории нашего квадрата затонул эйратер «Ладога» под номером... — я дернул Болла за рукав и назвал номер. Болл утвердительно кивнул. — А также как можно подробнее выясните, откуда, куда и с какой целью совершала «Ладога» этот спецрейс. Прием.

— Ваш запрос записан и принят к срочному исполнению.

— Леон, вы не знаете, что такое «сенсолинг»?

— Повторите.

Я повторил. И еще раз, по буквам.

— Впервые слышу... Отправим дополнительный запрос, если не удастся найти в энциклопедических словарях нашей фильмотеки.

— С нетерпением ждем ответа на запрос, Соболев, Болл. Конец передачи.

— Сделаю все, что возможно. Конец передачи.

Я отдал микрофон.

— Шеф опять ничего не спросил, — проговорил Болл, почесывая переносицу микрофоном.

— На то он и шеф... — ответил я, прикинув, сколько времени понадобится Дуговскому на связь с центральными аэроагентствами материков. Выходило — в лучшем случае около часа. — На то он и шеф, чтобы не тратить время на пустую болтовню в эфире... И знаешь что, Свен, мне кажется, прозрачный куб на эйратере похож на аквариум. А все это вместе с полусферами и ящиком, набитым электронными приборами, — какой-то хитроумный контейнер для перевозки спрута.

— Спрута?! — ошарашенный Болл нервно глотнул что-то мешавшее в гортани.

— Ну да. Не взрослого, конечно. Может быть, новорожденного.

— Нет, — сказал Болл. — Мы же выяснили: ни одна научно-исследовательская организация...

— Погоди, — перебил я, — бионетики могли не знать, что имеют дело с детенышем гиганта архитевтиса. Насколько мне известно, существует несколько видов этого рода, а многие из них отнюдь не гиганты. Но это во-первых...

— ...А во-вторых, — продолжал Болл, — поступившие от Дуговского сведения могут оказаться неполными. Так?

— Верно.

— Тогда мне остается привести другой, я думаю, более веский довод. Прозрачный куб мало похож на аквариум для транспортировки спрута.

— Почему?

— Головоногие, Грэг, очень чувствительны к химическому составу морской воды, к изменению ее газонасыщенности, температуры.

— Понимаю. Но, может быть, белые сосочки внутри полусферы и есть следящие датчики? Они ведь все соединяются с прибором спиральками проводов.

— Не слишком ли много для таких не очень мудреных замеров? Но дело даже не в этом. Там нет трубопроводной аппаратуры для обновления воды. Нет емкостей и насосов. Это все, что угодно, Грэг, только не аквариум.

Ну что ж, доводы веские. Он прав, это, очевидно, не аквариум. Это картофелеуборочный комбайн, станок для печатания фальшивых денег, электромузыкальный автомат. Или — ближе к истине — сенсолинг. Но почему мне кажется знакомым это странное слово?

«Ти-ти-та... — внезапно и громко запищала морзянка. — Ти-та-та-ти-ти...» Я с изумлением поднял глаза на динамики. Но Болл догадался сразу — смотрел, не мигая, в сторону аквариума.

— Грэг, это он! Почерк его.

По стеклу скользило на приплюснутых присосках щупальце...

Я шагнул к пульту и рванул рукоятку рубильника. Салон мгновенно погрузился в густую тьму. Морзянка умолкла. Я на секунду включил освещение, выключил опять. И так несколько раз. Потом оставил рубильник включенным и бросился к аквариуму. За стеклом метался кальмар.

Именно метался — точнее не скажешь! Уплывал, возвращался, беспокойно рыскал в воде и вдруг с непонятной, пугающей яростью бросался на аквариин, облепляя поверхность стекла эластичными чашками присосок. При этом быстро и хаотично менял окраску тела в невероятно широком диапазоне светло-оранжевых и буро-красных тонов.

— Он чем-то страшно возбужден, — сказал Болл.

И не то спросил, не то предположил: — Уж не твоей ли сигнализацией, Грэг?

Постепенно спрут успокоился, начал бледнеть. Одним из щупалец присосался к стенке бункера, остальные безвольно свесил вниз. Теперь он стал бесцветным и почти прозрачным, как матовое стекло. В центре туловища смутно обозначилось темное пятно чернильного мешка.

— Свен, — сказал я. — Окажи мне любезность... Сходи, пожалуйста, в инструментальную кладовую и принеси глицерин.

Болл взглянул на меня исподлобья, внимательно. Спросил:

— Может быть, скажешь — зачем?

— Скажу. Мне пришла в голову мысль попробовать обменяться с кальмаром кое-какой информацией.

— Странная мысль...

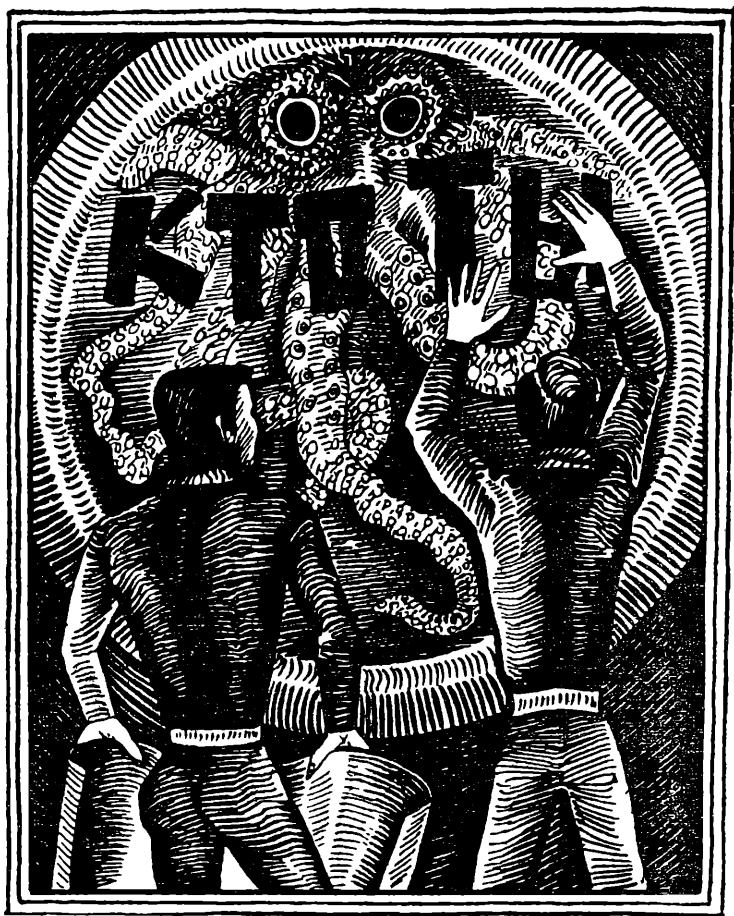
— Не знаю, достаточно ли она странная для того, чтобы оказаться еще и счастливой. Однако попробовать стоит... Кстати, захвати там какую-нибудь неглубокую, но широкую посудину. А я пока подготовлю все остальное.

Пожав плечами, Болл ушел из салона.

Я вынул из шкафа черный свитер и принялся резать его на полоски, не забывая поглядывать в акварин. Погоди, мой хороший, не уплывай! Ты мне нужен сейчас для одного отчаянного эксперимента...

Вернулся Болл. Принес бутыл глицерина и кювету. Стоял и молча смотрел на растерзанный свитер. Я вылил глицерин в кювету и бросил туда же нарезанные лоскуты. Руки дрожали.

Внезапно Болл сорвался с места, бросился к пульту. Щелкнул рубильником. Свет за стеклом акварина угас. Болл приволок длинный цилиндрический футляр и вынул из него рулон белой бумаги. Понял...

Я выловил из кюветы две черные, пропитанные маслянистой жидкостью полоски и выложил на стекле аквариона первую букву. Примитивно, конечно, но что поделаешь — некогда... А, черт, в спешке забыл, что надпись следует делать прямую, с той стороны аквариона она будет выглядеть так, как удобно кальмару: наоборот.

Готово! Два коротеньких слова: «Кто ты?» Теперь лист бумаги для контрастного фона. Ну, мой хороший, давай!..

Прошла минута. Динамики молчат. Вторая... Ни звука. Провал?.. Я оглянулся на Болла.

Болл крутил пальцами карандаш и сосредоточенно глядел на динамики. Я снял бумажный лист, скомкал, отшвырнул прочь. Приплюснув нос к стеклу, затенил ладонями отсветы. Едва-едва различил во мраке неясные контуры щупалец кракена. Кто ты?..

— Грэг, — сказал Болл. — Для него это слишком светло. Он ослеплен и абсолютно ничего не видит... Попробуем убавить освещение.

Он ушел к пульту, и свет в салоне померк.

— Хватит, — сказал я, уже почти не видя в полумраке собственных рук.

Болл включил настольную лампу, накрыл ее полотенцем, оставив себе узкую полоску света. За акварином кромешная тьма. Кто же ты, никому не ведомое, неразгаданное существо?..

Внезапно в тишину, словно в живое тело, вошла короткая очередь точек-тире. Так-так, мы начинаем понимать друг друга.

— «Аттол!» — крикнул мне Болл и тут же поправился: — То есть «Лотта», конечно. Сыщики-гангстеры! Грэг, это уже настоящий ответ!..

В лихорадочной спешке я лепил на стекле новую фразу, смеясь про себя и чуть не плача одновременно.

Я уже не верил в это, я знал, что все напрасно, что ничего не получится — мистика это, смех сквозь слезы, чепуха и нелепость! Новая фраза, против моих намерений, вышла забавно галантной: «Прошу поподробней». Едва я закончил, динамики выдали новую порцию знаков.

— «Была человеком... стала...» — Коллега запнулся. — Грэг, мне с этим текстом не справиться.

Я подскочил и выхватил у него из рук бумагу. Потом карандаш. Машинально прочел ему текст в английском переводе:

— «Была человеком. Стала подводным кошмаром. Теперь я больше животное. Животный инстинкт побеждает. Я не могу. Не хочу. Верните безличность. Если возможно. Боюсь невозможного. Лучше не быть. Хотелось быть. Искала способ. Вернуться. К людям. Ошибка».

Бумажный лист выпал из рук и лег на стол. Я рванул ворот свитера.

— Без паники, Грэг!

Я задыхался. Кружилась голова. Сквозь зеленую дымку надвигалось что-то большое, ужасно громоздкое и неуклюжее — сверху. Как днище океанского корабля.

Болл, словно откуда-то издалека, встревоженно:

— У тебя слишком богатое воображение, Грэг. Слишком. Будем работать? Или будем друг друга пугать ненормальными взглядами?

— Будем работать, Свен, будем...

Снова накладываю на стекло черные буквы. Верный, но дьявольски медленный способ. Придумай быстрый. Ну, не сегодня, завтра. И завтра новым способом ты сможешь выудить у этого спрута еще одну порцию странного бреда. Ведь это все-таки животное. Животное, на мозг которого влияет (или повлияло) что-то человеческое. И совершенно естественно, что зверь

испытывает беспокойство и, может быть, даже мучения... В одном теле — по-своему сильным и ловком — заключены два противодействующих начала: интеллект и животный инстинкт. Интеллект не может победить, потому что он должен во многом уступать звериному инстинкту самосохранения: тело спрута живет в первобытно-диких условиях борьбы за существование. Но и разум не может уступать бесконечно, на то он разум. «Хотелось быть. Искала способ вернуться к людям, но выбрала этот способ ошибочно. Лучше не быть».

Обрадовались: ах, какое удивление — мыслящий цефалопод! Дрессированный, прирученный, разумный! Познакомились ближе — волосы дыбом... Ну кто из нас способен измерить глубину его страданий, вызванных какой-то непоправимой ошибкой?! Сколько дней, месяцев, лет он одиноким призраком бродил в холодных пучинах?

Один... Для всех чужак. Не человек, не спрут... Разум хотел возвращения к людям — спрут опасался. Разум настаивал — зверь бунтовал. И разум понял, наконец. И снял осаду. Но вот люди сами пришли. Зверь отступил. До поры. Люди грозили квантаберами, травили «Мантами» — близко не подпускали. Выдержал. Вошел в доверие, добился дружбы, получил охранную грамоту — штрафы с радиоактивным веществом... И все напрасно: все развеялось, как облако чернил. Пришли другие — пугались, кололи ножами. Потом успокоились. Но ничего не поняли, как и те, которые были до них... Темный, придавленный было зверь поднимал голову, щетинясь инстинктами. Интеллект — на грани поражения: «Теперь я больше животное, чем мыслящее существо, — животный инстинкт побеждает». Заламывая щупальца, молил: «Верните безличность. Нет равновесия!» Не понимали ни те, ни другие... Опять повторял: «Верните безличность, если возможно. Иначе

будет плохо зверю и мне. Я боюсь, что погублю и его и себя. Я больше так не хочу, не могу!»

И погубит, если мы не сумеем вернуть хозяину его загадочную «безличность». Но мы не знаем хозяина. Мы не в состоянии понять, кто же кричит из кальмарьего мозга, требует и умоляет — вынь да положи ему какую-то «безличность»... Да и разве возможно отделить от живой материи мозга мыслящую субстанцию? Нет, что-то здесь не так...

И наконец, еще одна прелюбопытная деталь. Эта «мыслящая субстанция» говорит о себе в женском роде и даже называет имя: «Лотта». (Да, очень дорогое мне женское имя, но сейчас — ради всего святого! — не стоит об этом...) Стало быть, Лотта-кальмар, так сказать, всеми десятью руками расписывается в том, что она есть личность. Но «личность» — понятие, во-первых, неотделимое от совершаемых «личных» поступков. А этого добра за Лоттой-кальмаром числится предостаточно! Та-ак... Теперь она возжелала «безличности». Выходит, она стремится каким-то образом (не будем размышлять сейчас каким) вернуть себя в первичное состояние. И это она называет «безличностью». То есть состояние, при котором не совершаются «личные» поступки!.. Вот и попробуй решить этот ребус... Чтобы не совершить ни одного поступка, нужно быть без рук, без ног, без туловища, без головы! Нет, голова, пожалуй, нужна даже при таких курьезных условиях — иначе не будет мыслящей Лотты. Та-ак... Значит, понятие «безличность» деликатно отождествляется с понятием «обособленный мозг». Искусственный, естественный — безразлично, но обязательно отделенный от живого организма, вне его...

Есть такая игра: кто-нибудь, что-нибудь ищет, а другие суфлируют: «холодно», «тепло», «еще теплее», «горячо». Мы начали эту игру, едва переступив порог

станции. Мы прошли все этапы до «очень горячо». Теперь я почуял паленое... Я никогда не слышал, чтобы искусственный мозг — даже самый совершенный, на молекулярной основе, — мог подняться до высот понятия «личность» или «безличие». Лотта-кальмар поднялся. Отсюда сами собой напрашиваются выводы, предположения. Начнем с предположения, что та штукovina, на эйратере, — действительно контейнер. Для перевозки «обособленного мозга», а не детеныша спрута, как я подумал вначале. Но это был какой-то супермозг. Не по размерам, а по существу, разумеется. Во время катастрофы он оказался предоставлен самому себе и затонул на двухкилометровой глубине. Но не погиб. Питательный физиологический раствор ему заменила морская вода, насыщенная кислородом и органическими веществами. Возможно, он и создавался с целью использования в какой-нибудь биомашине для исследований океанских глубин. Возможно, он был даже оснащен плавничками-ресницами. Но ползать на обломках эйратера скоро наскучило. К тому же, привыкший к оживленным сутолокам в громадных лабораториях, он тяготился безлюдьем. Поразмыслив своими синтетическими извилинами, он решил раздобыть себе что-нибудь вроде ездового коня. Выбор пал на кальмара. Полонив детеныша гиганта архитевтиса, супермозг «Лотта» каким-то образом связал себя и развивающийся мозг кальмарчика нейронными канальцами едва ли не на уровне синапсов. Своеобразный симбиоз живого с синтетическим. Кальмар «умнел» буквально не по дням, а по часам, таскал наездника по океанским безднам, и оба были довольны. «Наездник» перестроил нервный аппарат «коня» по своему подобию, однако в зеркально отраженном виде, отдал ему все знания, опыт, перелил, образно выражаясь, всю информацию из своих хранилищ в чужие и, самое главное, передал ему

свою индивидуальность. Это и была ошибка... Кракен превратился в мыслящее, но глубоко несчастное существо...

— Грэг, — окликнул меня Болл. — Ты, кажется, решил переделать вопрос?

— Вопросов не будет. Наоборот, я собираюсь кое-что посоветовать кракену.

— Вот как! — изумился Болл. — Сыщики-гангстеры! Нам никогда не простят, если мы не выпотрошим до конца говорящего спрута.

— Он уже так выпотрошен, что мне его жалко. Я хочу его успокоить. Или убить... Смотря как он отреагирует на мой совет.

— Грэг, я должен подробно записывать все, что сейчас происходит. Это очень любопытная вещь для науки.

Я прилепил последнюю букву и вытер пальцы.

— Пиши, Свен. Диктую. «Не обманывай себя: теперешнее состояние необратимо».

Динамики выдали несколько знаков и смолкли.

— Ну, что там, Свен?

Молчание.

Я обернулся. Болл снимал с настольной лампы затемнение. Наконец ответил:

— Ничего. «Я ушла» — больше ничего.

— Как ушла?

— А вот так — ушла. Пора бы знать, что женщины не любят опрометчивых советов.

— Бездна-Д-1010, вызываю на связь. Я — Волна, я — Волна, вызываю на связь. Прием...

Я подошел к микрофону.

— Я — Бездна, я — Бездна... Бездна-Д-1010 слушает Волну. Прием...

— Доброе утро, ребята! — бодро приветствовал нас голос Дуговского.

Я с тоской посмотрел на залепленный буквами аквариум и дернул рубильник внешнего освещения. На фоне вспыхнувшего жемчужного зарева черные буквы казались траурной вороньей стаей.

— Доброе утро. Что нового? Прием.

— Четыре года назад «Ладога» совершала спецрейс из Ленинграда в Мельбурн, имея на борту контейнер для транспортировки биоаналоговой системы «Сенсолинг-4». Кроме сопровождавшей контейнер группы научных работников, на эйратере находился руководитель отдела высшего моделирования Александр Кером...

У меня зарябило в глазах, ноги ослабели, и я вынужден был сесть в кресло. Больше я не слушал Дуговского. Я вспомнил...

...На песчаной дорожке колышется теневая сеть тополиной листвы. Парк наполнен мириадами летающих пушинок. Без устали кружатся, кружатся, сбиваясь в рои и сугробы, срываются с места вдогонку за легким капризным ветром, несутся куда-то, не зная зачем.

Я снимаю пушинку у Лотты с волос и сдуваю в общий хоровод.

— О чем ты думаешь, Лотта?

Помедлив, отвечает:

— О тебе, о себе... О нас с тобой. И немножко об отце.

Вздохнула... Она всегда почему-то вздыхает, когда говорит об отце.

— Ты сегодня поссорилась с ним?

Молчит. Значит, поссорилась.

— В институте?

Кивнула. Значит, расскажет.

— Понимаешь, Игорь, у него опять неудача. Как только биоаналог, так неудача...

— Если дело касается биоаналогов...

— Нет, нет, погоди! Я и без тебя знаю, что бионетика топчется в этих вопросах на месте. Но отец предполагает, что только он и Алан Чэйз из Мельбурна близки к решению этой проблемы. Сегодня он предложил мне стать прототипом своей пятой системы.

— Но ты, я вижу, не согласна, — рассеянно заметил я.

Меня удивительно мало волновали проблемы бионетики даже мирового значения. Особенно сегодня, когда пушинки тихо садились на волосы Лотты.

— Да, я отказалась. Они так страшно молчат...

— Кто?

— Биоаналоги. После наложения матрицы прототипа они почему-то замыкаются в себе и отказываются выполнять задания экспериментаторов. Может быть, оттого, что они начинают чувствовать себя живыми? Отец говорит, что это неправда, что искусственный мозг останется просто машиной, но я уже не верю ему... Мне кажется, что сенсолинги — так называет их отец — это совершенное подобие живого мозга. Три года назад с меня сняли матрицу для сенсолинга номер четыре... Сегодня я хотела взглянуть на него, однако отец решительно воспротивился. И я не знаю, чем объяснить...

Я посмеялся над страхами Лотты и закрыл ей рот поцелуем...

— Прием, прием... — выкрикивал Дуговский. — Бездна, почему не отвечаете? Бездна... Прием...

— Конец передачи! — крикнул я и ударил по клавишам.

Подбежал к аквариуму и одним движением смахнул пропитанные глицерином буквы. Едва взглянув поверх пустынного дна, бросился к пульту.

Это было последнее, что я отчетливо помнил на станции...

Микрофон раскачивался перед лицом, как воротник огромной кобры. Быть может, это не он раскачивался — я сам. Раскачивался и кричал. Дрожал от крика, безумствуя горлом:

— Лотта-а-а, верни-ись!!! Лотта!!! Лотт-а-а!

И все нашаривал пальцами регулятор громкости.

— Лотта-а! Лотта-а-а!!! Верни-ись!!!

Кажется, плакал.

Болл поволок в каюту. На диване я, уткнувшись в подушку, утих. А где-то внутри — раскатами:

«Ло-о-о... Верни-и-ись!..»

Вскинулся пружиной, выскочил в салон. И прямо в люк... Сорвал одежду, растерзал пакет... Давление вминает ребра.

Вода освещена прожекторами. Кружатся, точно хоровод огней. И «Манты» кружатся — пушинки тополиные... А я, как сорванный кленовый лист, падаю в темные бездны. И вокруг грохочет, не утихая:

«Лотта-а-а!!! Верни-и-ись!!!»

Будто бы голос Болла слышу. Не будто бы, а реально. Говорит кому-то:

— Ничего страшного, за него я спокоен. Заработался, двое суток не спал.

Ему резко ответили:

— Я врач и в ваших советах, мистер Болл, совершенно не нуждаюсь. — И кому-то другому, тоном ниже, но повелительно: — Перенести больного в изолятор!

— А я сказал: оставьте здесь! И улетучивайтесь из моей каюты!

Молодчина Свен! По-товарищески...

Я открыл глаза и, свесив ноги с койки, сел. Значит, он приволок меня в бункер, сделал усыпляющий укол

и поднял в мезоскафе... Ну что ж, все как будто бы правильно. А вот и Дуговский... Я поднялся навстречу.

Дуговский обнял меня и, не обращая внимания на присутствующих, потащил из каюты. Где-то крикнули:

— «Роланд» подходит!

Все заторопились на корму.

Люди что-то кричали и махали огромному белому кораблю. А я стоял и, не отрывая глаз, смотрел себе под ноги. На аккуратно сложенные щупальца и неживые тусклые глаза...

Кто-то сказал:

— Сегодня утром загарпунили. Всплыл под самым бортом. Тонны полторы, не меньше.

Я опустился на колени и погладил холодную, скользкую руку гиганта.

— Это он... — сказал подошедший Болл.

Нас обступили.

— Интересуетесь? — спросил высокий синеглазый человек. — Хороший экземпляр. Препарировать будем.

Болл крепко держал меня за запястье.

Я высвободил руку, поднялся. Сказал синеглазому:

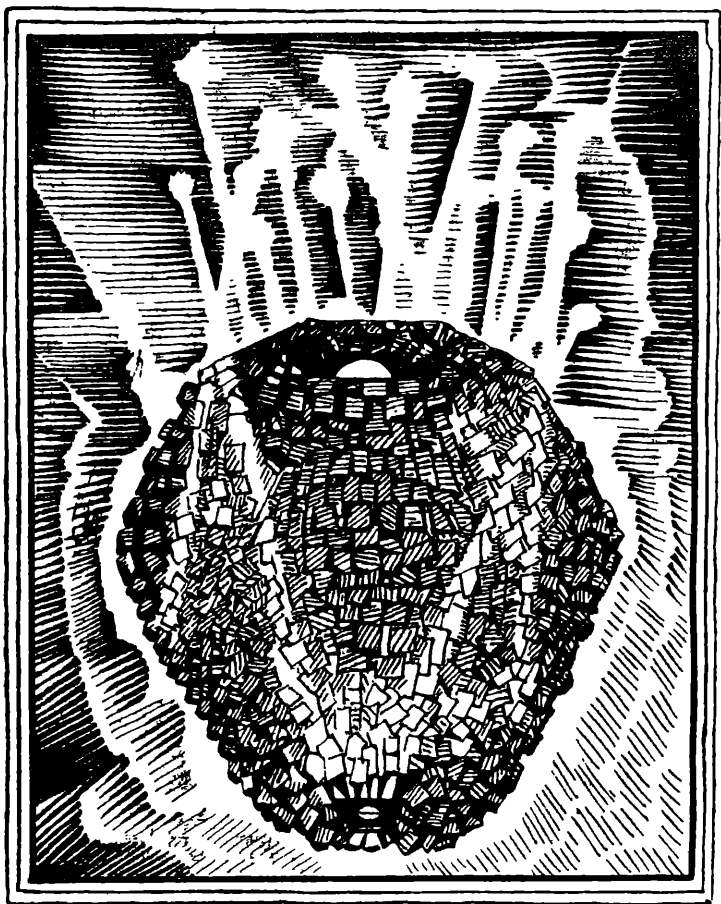
— А мозг постарайтесь не повредить. Передайте его в Ленинградский институт бионетики, Керому. Это мозг его дочери... Очень любопытная вещь для науки.

Повернулся и пошел прочь.

**ЧЕРАК
ВСЕЛЕННОЙ**

Приятный голос:

— Нет, я не спал. Томит меня предчувствие беды... Оседланы ли кони?

Настороженное фыркание коней, звон сбруи. Менее приятный голос:

— Все сделано, как приказать изволили вы, сударь.

— Тогда в дорогу. Пусть звезды нам осветят ранний путь.

Крик совы и легкий ветерок с ночными запахами трав. Приближающийся конский топот. И вдруг, как выстрел:

— Не торопитесь, шевалье!

Голос нехороший, резкий. Перестук копыт и храп осаженного на скаку коня.

— Граф де Ботрю?!

— Он самый! К вашим я услугам. Продолжим давешний приятный разговор.

— Мы будем продолжать на звонком языке клинков!

— Луна взошла — вот славно!..

— Я готов!

— Я тоже полон нетерпенья.

— Граф, защищайтесь!

Зазвенела сталь.

Глеб с трудом приоткрыл тяжелые веки, перевернулся на живот и взглянул поверх подушки. Светила красноватая луна. Граф, сбросивший камзол и шляпу, теснил шевалье. Глеб посмотрел на часы — было половина третьего ночи по условному времени околосолнечных станций. Шпага, выбитая из рук шевалье, натурально звеня, откатилась к журнальному столику. Глеб запустил подушкой в дуэлянтов, промахнулся — подушка пролетела сквозь конский круп и повисла на рожках виофонора. Звук и запах исчезли. Глеб уронил голову на упругое изголовье и отвернулся к стене.

— Вставайте, сэр, — пробормотал он, закрывая глаза, — вас ждут великие дела на «чердаке вселенной»...

Это была чепуха. Которая, впрочем, когда-то имела большое значение.

Он снова заснул. Теперь он брел по гулкому лабиринту туннелей. И будто бы это не туннельные переходы станции «Зенит», прямые и светлые, а пыльные извилистые туннели из черного альфа-стекла, очень странные туннели с арочными сводами... И все-таки это был «Зенит».

Он брел в поисках выхода, сворачивал в боковые проходы направо, налево — пусто и неуютно вокруг, прохладно и сумрачно... Выхода не было — туннельные переходы уводили в глубь астероида дальше и дальше, кончилась гладкая черная облицовка, потянулись грубо обработанные стены в толще ожелезненных недр. Он понимал: надо как можно быстрее наверх, в диспетчерскую, а получалось почему-то наоборот — все глубже и глубже, в самые глухие закоулки станции, о существовании которых он раньше не подозревал.

Наконец он входит в зарешеченный зал, какой-то очень знакомый зал, но безлюдный и темный... и узнает виварий. Не слышно обычных шорохов, визга, возни, а в дальнем конце прохода между решетками ограждений смутно виднеются две мешковатые фигуры с большими круглыми головами. Кто это здесь?.. И почему в вакуумных скафандрах?

Прозрачные забрала откинута вверх, из гермошлемов блестят настороженные глаза. Это Клаус и Поль — два подопытных шимпанзе, те самые Клаус и Поль, которых вчера должны были транспозитировать на «Дипстар», к орбите Сатурна... В поднятой лапе Клаус держит странный квадратный предмет, и под этим предметом что-то раскачивается, щелкает, а на тонкой

цепочке — фигурная гирия... и вдруг открывается маленький люк и забавная птичка шипит и жалобно стоит: ку-ку, ку-ку... Великий космос, это часы!

Стрелки анахронического механизма показывают время начала эксперимента. Пора... «Ну-ка, ребята, марш в лифтовый тамбур, да поживее!»

Клаус и Поль ковыляют, пыхтя от усердия. Часы Клаус тащит под мышкой, гирия на длинной цепочке волочится следом. «Зачем тебе это, старик? Брось их..»

Клаусу жаль расставаться с часами, но ничего не поделаешь, надо оставить — приказано.

Втроем заходят в кабину лифта и долго падают вниз. Поль беспокойно ухает, вертится, строит гримасы. Клаус угрюм, но спокоен; он стар, и у него необычайные для шимпанзе глаза — редко можно увидеть у обезьяны светлые глазные белки. Смотрит вопрошающе, в упор, почесывая затынутой в перчатку лапой затылок шлема. «Ну что здесь непонятного, старик? Вы отстали от графика ровно на двадцать четыре часа. На «Дипстаре», должно быть, сходят с ума от беспокойства, потеряны целые сутки, а ты и Поль даже еще не на старте!»

Лифт тормозит. Свертывается гибкая дверь, обнажая стену из черного альфа-стекла. Участок стены уходит вниз, и открывается ход в святая святых «Зенита» — камеру гиперпространственной транспозиции. Клаус, обеспокоенно вытянув губы, смотрит в этот квадрат, подсвеченный изнутри голубоватым сиянием, Поль пятится и ворчит. «Что же вы, ребята, оробели? Давайте, я закрою вам гермошлемы. Вот так... Марш в камеру!»

Ворчливый Поль неохотно взбирается на стартовый когертон — небольшое слабовогнутое альфа-зеркало. Клаус медлит. «Смелее, старик! Тебя нервнрует Поль, понимаю; ты привык стартовать в одиночку. Но ничего не поделаешь, надо вдвоем, таковы условия эксперимен-

та. Ты у нас ветеран, и кому же, как не тебе... Ну вот и отлично. Будь умницей и будь здоров. Передавай привет ребятам с «Дипстара»!»

Предупредительный гудок. Последний взгляд на перепуганных ТР-перелетчиков: каждый из них на своем когертоне — порядок.

Камера перекрыта. За спиной метровая толща альфа-брони, а впереди, на расстоянии полушага... опустевший ствол лифтовой шахты. Трудно поверить, но факт, кабина лифта исчезла.

Очень мило, но что же делать в такой ситуации?

Ну-ну, не надо паники! Главное, устоять на ногах в момент ТР-запуска, иначе все закончится очень эффектно: вверх тормашками в шахтный колодец. Спиной плотнее к стене, вот так... И думать о чем-нибудь постороннем.

Мягкий толчок и мгновенная дурнота. Это цветочки — первый цикл транспозиции, малая тяга. Ягодки впереди...

Толчок — искры из глаз! Окружающий мир, уродливо вытянутый по вертикалям, медленно поворачивается на тонкой оси. Со скрипом и гулом. Ужасно медленно и тяжело...

Мышцы тела свинцово наполнены нервной усталостью, но это уже не страшно — главное, устоял. Черная плита сдвигается с места и с мягким шорохом ускользает вниз, открывая квадратный зев прохода. И сразу очень нехорошее предчувствие.

В камере на полу, обрызганном заledenевшей кровью, лежит большой продолговатый сверток...

Поль? Или Клаус?.. Клаус. Поль прошел в гиперпространство — когертон номер два благополучно исчез. Это старик не прошел. Его когертон возвышается одиноким зонтиком, припорошенный инеем. А Клаус... лежит на полу. Вернее, то, что несколько минут назад было

Клаусом. Сейчас это просто вывернутый наизнанку скафандр, облепленный тоже вывернутой наизнанку плотью. Монополярный выверт... Результат незавершенной транспозиции.

А тишина... Будто после оглушительного взрыва. И тишину неожиданно нарушают знакомые звуки: что-то шипит и щелкает. Птичка деревянная щелкает... Скачет, носится туда-сюда, по краю когертона, жалобно стонет: ку-ку, ку-ку...

Высоко над головой — черные арки эр-умножителей, конечная ступень огромного технического комплекса. От верха до низа — шестнадцать этажей математически организованной материи. От купола диспетчерской до когертонов. До свертка, лежащего на полу...

«Ничего-то у нас не выходит», — подумал Глеб. И вдруг отчаянно выругался.

От крика проснулся.

Приходя в себя после пережитого кошмара, Глеб лежал с открытыми глазами неподвижно. Потом потянулся до боли в суставах, сел. Настроение катастрофически падало. И виноват в этом не Клаус, который жив и здоров, и не вчерашний эксперимент, который прошел без сучка и задоринки. В последние два месяца все вообще идет удивительно гладко и скучно, если не брать во внимание знаменитый, но никому не нужный эффект перерасхода энергии на малой тяге...

Покончив с утренними процедурами в душевой, Глеб оделся и вышел в туннель.

Постоял у дверей спортивного зала. «А ведь отпрыгались... — подумал он. — И все великолепно понимают, что отпрыгались, но делают вид, будто бы еще не все потеряно. Смотрят в рот Калантарову, ожидая новых пророчеств. А Калантаров смотрит в пространство и понимает, что оно оказалось позабористей наших сверхгениальных идей. Или не понимает?...»

Где-то рядом зашелестел вентилятор. Глеб зябко пожегился и побрел вдоль туннеля. Начало каждого дня вот так — вдоль туннеля. Условное начало условного дня, который, строго говоря, не день, а сплошной круглосуточный полдень... Надо решаться. Кончать с этой жизнью астероидального троглодита, по примеру Захарова и Халифмана возвращаться на Землю, менять профессию, пока не поздно. Как бы это поделикатнее объяснить Калантарову?

Незаметно для себя Глеб ускорил шаги — почти бежал, прыгал через овальные люки. Голова полна вариантов воображаемого спора с Калантаровым. Десятки аргументов «за» и «против». Полновесные — «за», художочные — «против». Калантаров повержен, разбит, припечатан к стене. Но оппонент великодушен: протягивает ему руки и говорит на прощанье что-то такое трогательно-благородное, от чего глаза Калантарова тоже становятся влажными.

Глеб с ходу перепрыгнул открытый люк гравитронного зала, но вернулся, вспомнив, что сегодня нельзя являться в диспетчерскую без клайпера.

2 Колю Сытина разбудила муха. Огромная, нахальная, она жужжала над самым ухом, и Коля уже приготовился спрятать голову под простыню, но вовремя сообразил, что это зуммер.

Он почмокал губами, приоткрыл один глаз. Все правильно, на часовом табло четыре ноль-ноль условного времени.

Зуммер не унимался. Коля открыл оба глаза, перевел руку за спину, прошелся пальцами по стене в поисках контактной кнопки. Кнопку он не нашел, потому что кнопка была у изголовья, а изголовье теперь было там, где ноги, — значит, стоило поискать ее голой пяткой.

Зуммер умолк. Раздался щелчок, и тонфоны спросили голосом Ульриха Иогановича:

— Вы еще спать, мой молодой друг?

— Нет, я уже не спать, — бодро откликнулся Коля. — Я вставать и одна минута бежать вам на помощь.

— Я рад. Не забудьте завтракать, Коля, и обязательно пить молоко.

— Я понимаю, питание прежде всего. Ульрих Иоганович, вы где сейчас находитесь? Уже в скафандровом отсеке?

— Сейчас — виварий. Потом — скафандровый отсек.

— Ясно. Буду через полчаса.

Неспортивно взбрыкнув ногами, Коля скатился на пол и несколько раз отжался на руках. Постоял на голове, раздумывая, не пойти ли в спортзал попрыгать на батуте... Времени, жаль, маловато... Стоп! Надо же, чуть не забыл!..

Коля медленно перевернулся, подошел к дивану, склонился над изголовьем. Задумчиво почесал затылок. Снежно-белая простыня точно так же, как и вчера утром, была припорошена тонкой угольно-черной пылью.

Впервые он обнаружил ее вчера утром. Центр подушки — там, где ночью покоилась Колина голова, — был заметно светлее. Значит, пыль сыпалась сверху... Коля уставился в потолок. Ничего подозрительного — гладкая светло-кремовая облицовка, ни единого темного пятнышка. Он вскочил и помчался к зеркалу в душевой. Левая щека была темнее правой.

Коля вчера догадался осторожно собрать и отнести черную пыль на анализ. Оказалось, что ничего особенного она собой не представляет — просто микроосколочки альфа-стекла. Но объяснить появление альфа-стеклянной пыли на подушке никто не отважился. Или не

пожелал. На этой станции всем всегда некогда. Только с дядюшкой Ульрихом ему случалось подолгу беседовать о вещах и очень серьезных, и не очень. Но Ульрих Иоганович был специалист по приматам, и «пыльные» вопросы, к сожалению, находились за пределами его компетенции. Однако в тот раз Коля проявил упрямство и, засев в кафетерии, пил молоко, пока не выследил одного из здешних ТР-физиков — Глеба Константиновича Неделина. Глеб Константинович с видимым отвращением пил черный кофе чашку за чашкой, и было непонятно, слушает он Колю или нет. Потом он пристально посмотрел куда-то мимо Колиных любознательных глаз и посоветовал ему брать с собой в постель пылесос. Под конец разговора он растроганно назвал собеседника «букварем» и, страшно вращая зеленоватыми глазами, сказал, что гиперпространство — это дерьмо, станция — для дураков, эр-позитация к звездам — дохлый номер и что дальнейшее здесь свое пребывание считает стопроцентным кретинизмом. Коля ушел от него на нетвердых ногах, ощущая легкое потрясение.

Брать с собой в постель пылесос Коля, конечно, не стал. Но с альфа-пылью надо было что-то делать.

Для начала он просто-напросто решил лечь спать наоборот — к изголовью ногами. И вот сегодня он проснулся «альфа-запыленным» только от щиколоток до коленей. Для него начиналась пора невольного экспериментирования. Все было бы ничего и даже интересно, если бы не тревожное беспокойство от смутной догадки, что он случайно обнаружил нечто такое, чего пока никто на «Зените» не знает и знать не желает...

В такой ранний час в кафетерии было безлюдно. Коля быстренько проглотил бутерброд, запил его яблочным соком, компотом и молоком, смахнул посуду в приемный люк автомойки, выскользнул в дверь. Стремитель-

но вернулся, подбежал к автоматическому бару, наступал при помощи клавиш кучку орехов, сахарных кубиков, фруктовых конфет, рассовал все это по карманам и теперь уже уверенно помчался к лифту.

Виварий находился в левом крыле третьего яруса станции. Раньше специального помещения для подопытных животных на «Зените» не было вообще. Несколько десятков белых мышей и морских свинок прекрасно обходились четырьмя стеклянными ящиками в одном из пустовавших помещений медицинского сектора, а остальные четвероногие ТР-перелетчики — преимущественно собаки — обитали в каютах уже довольно многочисленного экипажа станции, широко пользуясь человеческим гостеприимством. Когда же дело дошло до транспозиции высших приматов, выяснилось, что напряженность естественного гравитационного поля астероида слабовата. Пришлось в срочном порядке строить в недрах астероида установку для генерации искусственного поля тяготения. Размах строительства был столь грандиозен, что заодно уж решили максимально удовлетворить все настоящие и будущие — насколько это можно было предугадать — потребности работающих здесь ученых. Внутри астероида (наряду с машинными залами, лабораториями, архисложным шахтным хозяйством для размещения специальных устройств) появились спортзалы, салоны, эскалаторы, лифты, просторные склады, оранжерея и даже плавательный бассейн. Виварий поместили в огромном зале, забракованном специалистами-гравитрониками в период строительства. С одной стороны, это было удобно, потому что виварий располагался в зоне относительной тишины — далеко от машинных отсеков, от лязгающих механизмов причальных площадок вакуум-створа. С другой стороны, бракованный зал очень мешал гравитроникам. Дело в том, что эта огромная полость каким-то образом нарушала ста-

бильность взаимодействия полей тяготения. Она, эта полость, по авторитетному мнению гравитроников, «представляет собой своеобразную гравитационную нишу, которую неплохо было бы ликвидировать, и чем быстрее это будет сделано, тем лучше». Гравитационное своеобразие «ниши» обитатели вивария нередко ощущали на себе: во время работы ТР-установки бывало, что стены, пол, потолок неожиданно менялись местами, и после этого животных приходилось долго успокаивать. Во всем остальном виварий — в его теперешнем виде — вполне оправдывал свое назначение, это была просторная, светлая, хорошо оборудованная подсобной автоматикой гостиница для человекообразных ТР-перелетчиков, которым время от времени предоставлялось почетное право пройти по неизведанным тропинкам гиперпространства впереди человека. Или погибнуть, если теория нового эксперимента окажется вдруг недостаточно отработанной...

Коля бесшумно, как тень, скользнул вдоль решетчатых ограждений. Нужно было соблюдать тишину, для обитателей вивария ночь еще продолжалась. Пористый пластик надежно заглушал шаги, неярким синеватым сиянием таинственно светились в полумраке таблицы и небольшие экраны контрольных устройств. Сонное царство... Казалось, если прислушаться, можно уловить ровное дыхание спящих, хотя животных осталось здесь не так уж и много — пять шимпанзе, две гориллы, семья гиббонов и дюжина юрких макак-резусов. Макакам Коля оставил в кормушке половину своего запаса сладостей — он любил этих резвых маленьких обезьян за их веселый нрав и способность не унывать при любых обстоятельствах. Орехи достались гиббонам — у этой молодой четы недавно появился малыш. Кое-что перепало и каждому шимпанзе. И даже гориллам, которых Коля совсем не любил, а иногда и побаивался.

Опустошив карманы, практикант бегло проверил показания контрольных датчиков. Степень регенерации воздуха, влажность, температура — все было в норме. Коля тихо выскользнул за дверь, нажатием кнопки включил запирающий механизм. Гравитроники, бывает, появляются на третьем ярусе и что-то здесь осматривают, сдвигая в стороны огромные плиты подвижных стен и обнажая при этом странные ребристые аппараты. И если в такой момент дверь вивария по чьей-нибудь небрежности оказывалась открытой, гравитроники демонстративно зажимали носы. «Запах зверинца, — поясняли они недоумевающим биологам. — Обезьянами пахнет». — «Ну и что? — парировал Коля. — Было бы удивительно, если бы обезьяны пахли не обезьянами». Гравитроники сдержанно улыбались и становились терпимее к неизбежным Колиным «а что это?» или «а почему?».

Коля ворвался в скафандровый отсек за полсекунды до половины пятого и тем самым лишний раз подтвердил феноменальную особенность своей натуры: он всегда боялся опоздать, испытывая постоянный недостаток времени, и ухитрялся никогда не опаздывать.

Белоснежная, декорированная морозными узорами стена дрогнула, чуть съехала в сторону. На пороге стоял дядюшка Ульрих.

Заведующий биологическим сектором станции Ульрих Иоганович Фишер молчаливо наблюдал, как лаборант сектора Николай Борисович Сытин, а проще — коллега, торопливо меняет свою голубую куртку на профессиональное одеяние — белый халат. Сей ритуал был завершен, и только тогда начальник счел своевременным обменяться с Колей приветственным рукопожатием.

— Здравствуйте, коллега, — сказал он, — Мне интересно узнать ваше самочувствие...

— Хорошее, спасибо, — солидно ответил коллега. — Как ваше?

— Много вам благодарен. Вы готов?

— Всегда готов!

— О, прекрасно, коллега, прекрасно! — Фишер сделал приглашающий жест: — Торопитесь входить. Сегодня очень трудный работа.

Иоганыч деловито осмотрел арену предстоящей деятельности и остался доволен. Коля, напротив, едва взглянув на «клиента», сразу почувствовал некоторую неуверенность. На поворотном круге станкорамы, удобно повиснув в мягких захватах, как в гамаке, полулежал молодой горилла-самец по кличке Буту.

Это был крепкий, упитанный малый с мощными лапами. Он был на голову ниже Коли, но раза в два шире в плечах. Усыпленный, он дремотно зевал и сладко пускал слюни. Он был забавен, но Коля все равно побаивался. Потому что по опыту знал: с гориллами шутки плохи.

Сегодняшняя работа, как и обещал Ульрих Иоганович, действительно случилась не из легких. Напаялить на гориллу скафандр — и не как-нибудь, а по всем правилам — дело не простое.

Сначала нужно было перебинтовать конечности животного мягкими лентами. Буту проснулся и предупредительным рычанием дал понять, что это ему не особенно нравится. Фишер умело его успокоил, и все шло сравнительно гладко, пока не наступила очередь надувного белья.

Надевать это белье Буту почему-то отказывался наотрез.

Он выкручивался, жалобно ревел, и стальные захваты, армированные волокнистым железом, угрожающе выгибались. Однако скоро Буту уgomонился.

В белье Буту стал неприятно похож на человека.

А когда его зашнуровали в противодекомпресссионные доспехи, это сходство усилилось. Коля забыл осторожность, ослабил внимание и едва не получил за это укус в ладонь, когда натягивал на голову «клиента» белую шапочку с блестящими пуговками датчиков внутри.

— С-скотина... — тихо выругался он.

— Внимательно, коллега! Осталось быстро. Скоро Буту быть в скафандр — мы быть в безопасность.

Коля подсоединил шланг к баллону со специальным сложномолекулярным газом, и Фишер, приняв шланг, наполнил этим газом полости надувного белья. Буту заметно округлился.

Ульрих Иоганович кивнул помощнику:

— Можно включать.

Коля включил малый комплекс биофизической аппаратуры. На экранах заплескали кривые — осциллограмма работы мозга и сердца животного.

— Прошу расшифровать картина.

— Общая картина: состояние легкого возбуждения, — бесстрастным голосом доложил помощник. — Бета-ритм нормален, альфа-ритм пониженной амплитудности... Периодичность кардиального цикла несколько сокращена по времени. В комплексе это можно интерпретировать как легкое возбуждение и небольшой испуг.

Фишер одобрительно кивал.

— Гут, — сказал он. — Прошу нести скафандр.

З Спустя полчаса Буту был упакован в скафандр и экипирован для перехода сквозь гиперпространство гораздо более тщательно, чем экипировались древнеегипетские фараоны для перехода в мир иной. Строптивного ТР-перелетчика заботливо проводили в мягкое кресло. Фишер еще раз проверил системы жизнеобеспечения скафандра.

— Все есть полный порядок! — сказал он. — Вы, коллега, ждате сигнал и проводите Буту в камеру. Ауфвидерзеен! Я имею работу в виварий.

Он опустил в карман Колиного халата небольшую плоскую коробочку, многозначительно погрозил пальцем, ушел. Коля смотрел ему вслед, пока Фишер не скрылся за белой стеной. Вынул коробочку, щелкнул крышкой. На лицевой панельке этого миниатюрного прибора была одна-единственная кнопка. Коля вздохнул, захлопнул крышку и посмотрел на гориллу. Буту настороженно поблескивал глазками из глубины своего шлема. «Шалишь, — подумал Коля. — Будешь рыпаться, нажму на кнопку — и ауфвидерзеен...» Тут же подумал, что вряд ли это сделает. Сорвать эксперимент по пустячному поводу — этого еще не хватало!

И все-таки с приборчиком в кармане было как-то спокойнее. В случае чего — пальцем в кнопку щелк; дистанционный включатель заставит сработать ампулу безопасности в кислородной маске Буту, и горилла получит приличную дозу вещества, парализующего нервные центры... Коля вздохнул.

Иоганыч как-то очень просто ладит с гориллами. Опыт! А вот его, Колю, гориллы не слушаются. Макаки слушаются, и гиббоны слушаются, о шимпанзе тоже ничего плохого не скажешь. А вот гориллы и орангутаны нет... «Это потому, что у меня молодое лицо, — печально подумал Коля. — Крупные приматы принимают меня за детеныша. И некоторые гомо сапиенс тоже».

Где-то далеко наверху завывала сирена. Буту зашевелился, и Коля с опаской взглянул на него.

Едва заметный мягкий толчок. Сирена смолкла. Коля по опыту знал, что именно так срабатывает ТР-установка на малой тяге. «Странно, — подумал он. — Планировали ТР-запуск Буту, а сами гоняют на малой

тяге... Впрочем, уже вторые сутки гоняют. Днем что-то там копаются, потом расходятся спать по каютам, а электронный мозг всю ночь напролет автоматически гоняет ТР-установку на малой тяге в заданном режиме...»

Стоп! Коля звонко шлепнул себя ладонью по лбу. Вот она, черная пыль!..

— Ты понял? — весело спросил он Буту.

Буту испуганно блеснул глазами, и Коля показал ему язык.

— Хотя ты и высший примат, но дубина редкостная!

Буту глухо заворчал под маской.

— Плевать я хотел на твои угрозы, — сообщил ему Коля. — А будешь ворчать — прикрою твою противную рожу забралом, и перейдешь на автономное воздушное питание. Ну как?

Буту успокоился.

— То-то же!.. Кстати, к вопросу о микроосколках альфа-стекла...

И Коля рассказал Буту о черной пыли на простынях и подушке, не забыв при этом упомянуть, что раньше ничего подобного не наблюдал. Почему? Первый вариант: раньше пыли не было вообще. Второй вариант: раньше пыль тоже была, но, поскольку ТР-установка работала на малой тяге редко — только перед настоящим ТР-запуском, — пыль не успевала скапливаться в достаточном для визуального наблюдения количестве!

Коля поднял палец и сделал многозначительную паузу. Буту настороженно молчал.

— Второй вариант объяснения предпочтительнее, — пояснил Коля и спрятал палец в кулак. — Потому что устанавливает причинно-следственную связь между работой ТР-установки на малой тяге, с одной стороны, и появлением альфа-пыли, с другой. Такую любопытную связь заметил (и то совершенно случайно) только один

человек на «Зените» — это я! Понял? Ничего ты не понял, потому что я и сам пока ничего не пойму...

Ведь малая тяга способна лишь пробить в подпространстве дыру, Или туннель, как говорят ТР-физики. А для того чтобы кто-нибудь (ты, Буту, например) или что-нибудь вообще могло просочиться сквозь этот туннель, нужна так называемая «стартовая тяга». Нет большой тяги — ни одно материальное тело не сдвинется с места. А вот черная пыль, оказывается, сдвинулась, появилась в каюте, которая находится в доброй сотне метров от диспетчерской, от эритронной шахты, от камеры транспозиции. То есть слишком далеко от устройств, защищенных броней из альфа-стекла...

Чем дальше Коля забирался в дебри собственных рассуждений о явлениях, в общем-то мало ему понятных, тем большее любопытство испытывал.

«Это что же получается? — думал он. — Получается, что на малой тяге возникает гиперпространственный туннель не только от камеры транспозиции до орбиты Сатурна — главный туннель. Есть еще какой-то побочный туннель, вернее туннельчик, никому пока не известный! Очень короткий туннельчик — всего лишь от альфа-защитной стены до изголовья моего дивана, но зато обладающий поразительным свойством транспозитировать предметы даже на малой тяге!..»

— Чушь, — пробормотал Коля. — Или не чушь?

Внезапно Буту задергался. Очевидно, ему надоело сидеть без движения. Коля вздрогнул и посмотрел на него с тихой ненавистью: чтоб тебя монополярно вывернуло! И, устыдившись, подумал: ничего, пройдет как по маслу. Гориллам везет в ТР-запусках. Сколько было горилл, все проходили удачно.

Однако все это необходимо срочно выложить ТР-физикам. Дескать, под носом у вас, дорогие товарищи, действует паразитный туннельчик, а вы и не знаете!.. Конечно-

но, поверят не сразу. Смеяться еще будут. Впрочем, им сейчас не до смеха. Жаль, что на станции нет Калантарова: он понял бы с полуслова. Он такой — он всегда все понимает, вроде Ульриха Иогановича... Может быть, туннельчик — это какая-нибудь опасная пакость!

Коля подбежал к Буту. Быстро разъединил замки, которыми скафандр крепился к креслу, пристегнул к скобе на затылочной части шлема длинный поводковый леер, намотал на руку и тихо, но властно скомандовал: — Встагь, Буту. Встать!

Обезьяна нехотя повиновалась. Полужесткий скафандр сильно сковывал движения. Ссутулившись, Буту неуклюже и тяжело топтался на месте, упираясь верхними лапами в пол.

Коля нажал ногой педаль. Участок стены провалился вниз. Свернулась в рулон гибкая дверь кабины лифта. Кабина широкая, разделена пополам решеткой. Буту самостоятельно, без Колиных понуканий, поковылял в правое отделение; Коля шагнул, разумеется, в левое. Дверь опустилась, лифт тронулся.

— А ты молодец, Буту, — сказал Коля сквозь ограждение. — И совсем не дурак... Вдвоем мы заставим физиков выслушать нас. Кстати, узнаем, почему до сих пор нет сигнала на выход... Ну вот и приехали!

На верхний этаж первого яруса добрались без происшествий. Правда, Буту немножко нервничал на эскалаторе, однако путь на «чердак» был недолог, и все обошлось как нельзя лучше.

Здесь плавали айсберги. Сахарно-белые айсберги на черной воде под черным небом. И отражения айсбергов... Огромный простор, заполненный ледяными горами.

Бряд ли это было сделано специально, в угоду эстетствующему снобизму. Наверное, после капитальной перделки станции, когда все бытовые и технические служ-

бы переместились в глубь астероида, на «чердаке» опустело множество помещений, и строителям не оставалось ничего другого, как соединить бывшие залы и комнаты в единый ансамбль. Вместо однообразных прямоугольных стен возникли тяжелые утесы, изящные гроты, облицованные сахарно-белой люминесцентной стекломассой. Полы покрыли глянцево-черным стеклом (не альфа-защитным, а самым обычным стеклом, только угольно-черного цвета). Все это вместе стало смотреться в бездонные зеркала потолков. И поплыли белые айсберги в черном просторе...

Спокойно светила большая круглая луна. Луна была тоже белой и ледяной и вопреки логике плавала среди айсбергов. И трудно было поверить, что эта романтическая деталь пейзажа представляла собой довольно-таки прозаическое помещение информатория, замаскированное под светлый, обманчиво хрупкий шар. Но если даже этот отлично видимый на темном фоне шар диаметром в два человеческих роста как-то терялся среди «ледяных» колоссов, то огромный черный купол диспетчерской едва угадывался вообще.

Эскалатор услужливо вынес своих пассажиров прямо к входу в кольцевой туннель, которым был опоясан купол диспетчерской. Коля тронул включатель дверного механизма, сделал шаг в сторону, пропуская Буту в образовавшийся проем. Буту не заставил себя уговаривать — резво проскочил в туннель. Знакомый с ТР-перелетами с юного возраста, он по опыту знал, что неприятные ощущения, которым его подвергают во время эксперимента, щедро вознаграждаются вкусной едой. Желудок — пустой со вчерашнего вечера — срочно требовал пищи, скафандр ужасно мешал, а еда была где-то рядом... Буту, конечно, и не подозревал, что понятие «рядом» включает в себя расстояние от орбиты Меркурия до системы Сатурна. Буту, натягивая поводковый леер, весь-

ма целеустремленно ковылял вдоль туннеля: он хорошо помнил место, где находился тот самый, заветный люк.

Заветный люк был закрыт. Буту вертелся на знакомом месте, недоумевающе смотрел на человека. Коля подергал за леер, приглашая Буту двигаться дальше. Обескураженный ТР-перелетчик на всякий случай поворчал, но подчинился.

Коле тоже все это начинало казаться странным — отсутствие сигнала, закрытый люк... Тишина и спокойствие, никто из ТР-физиков, по-видимому, не был озабочен сегодняшним экспериментом. Угрожающим рычанием Буту дал понять, что увести его от заветного люка будет не так просто. «Ну и пусть посидит», — решил Коля. Туннель безлюден, и непохоже, чтобы кто-нибудь скоро здесь появился.

Коля привязал свободный конец леера к решетке вентиляционного отверстия и поспешил к желтому кругу, обозначающему вход в информаторий.

Пневматическая дверь с шипением захлопнулась, внутри шара вспыхнул приятный зеленоватый свет. Не теряя времени, Коля включил двустороннюю видеосвязь с диспетчерской.

На экране что-то возникло. Коля сначала не понял, что именно, — какое-то большое рыжее пятно на темном фоне. Затем пятно шевельнулось, слегка запрокинулось кверху, и Коля увидел перед собой голубые глаза в черных стрелах длинных ресниц. Глаза представились:

— Дежурная Квета Брайнова.

— Это диспетчерская? — не сразу поверил Коля.

— Да, это диспетчерская.

— Послушайте, дежурная! Я привел гориллу в кольцевой туннель и теперь не знаю, что с ней делать.

Глаза озадаченно поморгали.

— Гориллу?!

— Ну да, гориллу по кличке Буту. Разве вы ничего не знаете?

— Н-нет... А... можно узнать, зачем вы привели сюда гориллу?

— Можно, — сказал Коля, ощущая, как ему становится нехорошо. — Я привел сюда гориллу для эксперимента. — С отчаянием добавил: — Если вы сомневаетесь, можете выглянуть из диспетчерской в кольцевой туннель!

— Нет-нет! — Глаза испуганно отпрянули, и Коля увидел озабоченное девичье лицо, которому они принадлежали. — Я верю вам. А... вы не шутите, мальчик?

— Я не мальчик, — печально пояснил Коля. — Я лаборант сектора биологии. Моя фамилия Сытин, зовут Николай. А ваше имя, насколько я понял, Квета. Так вот, главный вопрос, который меня очень интересует: что делать с гориллой? И второй вопрос... правда, менее актуальный, чем первый, но тоже достаточно интересный: как вы оказались в диспетчерской? Для амплуа ТР-физика вы кажетесь мне, извините, слишком юной и слишком рыжеволосой.

— Я прилетела сюда на «Мираже» прошлым рейсом, — ответила Квета. — Работаю здесь уже четыре дня, и, как вы только что выразились, именно в амплуа ТР-физика.

Коля обеспокоенно прислушался. Но стены информатория не пропускали ни звука.

— Почему вы молчите, Николай? — спросила девушка.

— Жду ответа на главный вопрос.

— Ах да, насчет обезьяны!..

— Насчет гориллы, — сухо поправил Коля. — Если вы действительно ТР-физик, то не могли не знать, что на восемь тридцать утра был запланирован ТР-запуск.

— А разве вам не сообщили?..

— Что именно?

— Эксперимент триста девятый «Сатурн» эpsilon-шесть отменяется.

— Так... — сказал Коля. — Эpsilon-шесть... Между прочим, нам должен был сообщить об этом дежурный диспетчерской. И не позже чем за два часа до начала эксперимента. До начала, которое обозначено в графике.

— Я... я понимаю, — смутилась Квета, и даже на экране стало видно, как она покраснела. — Я здесь совсем недавно и еще ничего толком не знаю. Конечно, я виновата, но я...

— ... Больше не буду, — подсказал Коля.

— Минуточку! — вдруг насторожилась Квета и повернула лицо в профиль. Коле профиль понравился.

— Минуточку подождите. У меня ТР-запуск.

— Малая тяга? — тоном знатока осведомился Коля. И вдруг не своим голосом заорал так, что девушка вздрогнула: — Сирену! Отключите сирену! Прошу вас! — Метнулся к двери.

Он яростно топтал ногами педаль, но плита, закрывавшая выход, оставалась неподвижной.

— Я отключила сирену, — сказала Квета, опять заполнив весь экран голубым и рыжим сиянием. — А дверь запирается автоматически. Потерпите немного.

— Спасибо, — пробормотал Коля. Ему было стыдно. Насчет дверей кольцевого туннеля он знал. Просто вылетело из головы.

— Вы волнуетесь за своего подопечного?

Коля кивнул.

— Гориллы легко раздражаются, — сообщил он. — И в такие минуты бывают опасны.

— А вас он слушается?

Коля снисходительно улыбнулся.

— Профессиональный навык, — сказал он. А про себя подумал: «Не позвать ли на помощь Иоганнча?» И мысленно пожелал Буту провалиться в тартары...

— Внимание! — предупредила Квета, и сразу последовал ощутимый, но мягкий толчок. — Все, можете выходить.

— До свидания, — сказал Коля. И вышел.

Там, где пять минут назад отдыхал Буту... На этом месте его уже не было!

Машинально Коля отвязал леер от вентиляционной решетки, собрал его кольцами, как собирают лассо. Странно, судя по размочаленному концу, леер был оборван резким рывком... У Коли задрожали руки.

Кольцевой туннель он обежал со скоростью урагана и, поравнявшись с входом в информаторий, понял, что Буту в туннеле нет. Покачиваясь, он вошел в информаторий.

— Извините, Квета, — тихо сказал он. — Мой подопечный... случайно к вам не заглядывал?

В голубых глазах появилось странное выражение.

— Обезья... то есть горилла? Нет, я здесь, по-моему, одна... Что-нибудь произошло?

— Да, но вы не волнуйтесь. Он просто сбежал. Извините...

Коля прервал связь с диспетчерской и стал по очереди нажимать разноцветные клавиши.

— Внимание, внимание! — повторял он, чуть не плача. — Сбежал подопытный примат по кличке Буту. При обнаружении примата просьба срочно сообщить в информаторий. Внимание!..

Один за другим вспыхивали экраны.

— Эй, там, в информатории! — раздраженно позвал чей-то бас. — Срочно спускайтесь в вакуум-створ!

Ваш примат, очевидно, решил, что находится в джунглях, а тут кругом кабели под напряжением!

— Обесточьте кабели! — завопил Коля. — Задержите его до моего прихода!

— Спускайся сюда и сам его тут задерживай, — посоветовал бас. — Безобразие! У меня «Мираж» на подходе, а людей никого, все разбежались. Я требую, чтобы вы убрали свою сумасшедшую обезьяну немедленно! Слышите, вы?.. Немедленно!

Ошалело натываясь на стены, Коля искал дверь...

В лифтовом тамбуре нижнего яруса его поджидал один из техников вакуум-створа. Это был Карлсон, но Коля его не сразу узнал: правый глаз техника чудовищно вспух и явственно наливался радужным цветом, комбинезон был порван. Судя по всему, Карлсон побывал в серьезной переделке и успел потерпеть поражение.

— Он уже там, — сказал Карлсон. Осторожно потрогал глаз. — Он забрался в продовольственный склад.

— Где? — спросил Коля и помчался в указанном направлении.

Карлсон, гулко топая, побежал следом.

— Налево! — кричал он. — Теперь сюда!

Коля нырнул в узкий проход между штабелями каких-то ящиков, свернул налево, потом направо — штабелям, казалось, не будет конца. Где-то слышались крики и ругань, раздавался рев и подозрительный грохот. Неожиданно Коля наткнулся на сверкающую россыпь каких-то цилиндрических предметов. Это были консервные банки. Преодолевая россыпь, Коля увидел кровавый след. След вел за угол штабеля. Стараясь не наступать на эти ужасные пятна, Коля побежал туда и, поскользнувшись, чуть не воткнулся в спину стоящего за углом человека. Задрав подбородок кверху,

человек, казалось, обеспокоенно прислушивался. Но это только так казалось, потому что его гладко выбритый череп, щека и комбинезон на груди были залиты кровью... Коля остолбенел. Раненый обернулся и с интересом на него посмотрел.

— Вы... Вы весь в крови! — пробормотал Коля.

— Я?.. — Человек испуганно взглянул на свои окровавленные руки. И вдруг, лизнув палец, сказал: — Варенье. — Псчмокал губами, как это делают дегустаторы, добавил: — Вишневое. Добрался-таки, мерзавец, до кондитерского запаса! Сейчас он там дров наломает...

Сверху посыпались банки.

— А ну-ка, — сказал Коля, — помогите мне взобраться на штабель.

Буту сидел на соседнем штабеле и взламывал ящики. Шлема на нем уже не было, скафандр висел мешком, из-за ворота торчал над ухом обрывок гофрированной трубки воздухопровода. Буту дробил ящики, выхватывал из кучи банок одну или две, надкусывал с краю, бросал. Очевидно, он искал свое любимое лакомство — ананасовый компот. И, очевидно, кто-то пытался мешать его поискам, потому что Буту раздраженно оглядывался, время от времени грозно рычал и швырял банки, а то и ящики целиком в узкие щели проходов.

Коля, оценив обстановку, распростился с надеждой на ампулу безопасности.

— Буту, спокойно! — крикнул он, подражая голосу Фишера. — Сидеть!

Буту проворно метнул в него несколько банок.

— Ах так! — сказал Коля и приготовился прыгнуть через проход.

Рев гориллы потряс стены зала. Коля решил от прыжка пока воздержаться. Нужно было срочно вы-

работать более разумный план действий, но ничего дельного в голову просто не приходило. И вдруг за его спиной что-то обрушилось — на штабель вылезли Карлсон и знакомый уже человек, облитый вишневым вареньем. На дальних штабелях показались еще пять фигур в комбинезонах.

— Вот... — сказал Карлсон, снимая с плеча волейбольную сетку.

Коля слабо улыбнулся, но сетку взял. Это было лучше, чем ничего. Главное, он теперь не один — ребята помогут. В опасной близости от его головы прожужжал ящик. Мелькнула мысль: точно из катапульты... Коля разбежался и прыгнул. Следом разбежался и прыгнул Карлсон.

В воздухе засверкали банки. Одна из них угодила Карлсону в живот. Карлсон охнул и сел. «Ему сегодня очень не везет», — подумал Коля. И еще зачем-то подумал, что в этой банке, наверное, сливовый джем... Он размахнулся и бросил сетку на разъяренную гориллу. От сетки полетели клочья, но лапы Буту были заняты, и летающих ящиков можно было временно не опасаться. Кто-то крикнул: «Берем!», и мгновенно образовалась куча мала.

— Трос! — закричал Коля. — Нужен эластичный трос! Эй, кто-нибудь...

Внезапно угол штабеля у него под ногами осел. Коля упал и повис над ущельем прохода, напрасно пытаясь удержаться за расползающиеся ящики.

Последнее, что он увидел перед тем, как угол обрушился, был человек в белой одежде, который бежал по проходу, размахивая руками.

...Коля открыл глаза, сделал попытку пошевелиться.

— Не нужно, — мягко остановил его женский голос. — Вам нельзя.

— Пришел в себя? — осведомился мужской голос. — Ну-ка, покажите мне героя... Счастливо отделались, молодой человек. Что скажете?

Коля увидел над собой знакомое лицо хирурга станции Пешехальского.

— Ян Казимирович, здравствуйте, — сказал Коля. — Чувствую себя отлично. Скажите, сколько времени прошло с тех пор, как я... Ну, сами понимаете.

Пешехальский широко улыбнулся.

— Часика эдак четыре. Головка не кружится?

— Нет. Я очень вас прошу, пригласите сюда доктора Фишера. Мне нужно сообщить ему нечто чрезвычайно важное... Ну, пожалуйста!

— Только ненадолго... Франсуаза, я думаю, можно позволить, как вы считаете? Фишер, кажется, еще не ушел.

Коля опустил веки. Собственного тела он не чувствовал. Кружилась голова.

Открыв глаза, Коля увидел бледное лицо Фишера.

— Ульрих Иоганович... — Коля мужественно улыбнулся. — Чувствую себя великолепно. Передайте, пожалуйста, ТР-физикам... лучше самому Калантарову... что Буту транспозитировался из кольцевого туннеля в вакуум-створ. На малой тяге...

У Фишера дрогнула нижняя челюсть.

— Это не бред, — сказал Коля. — Буту не сбежал в вакуум-створ. Он не мог... за такое короткое время. Он был транспозитирован!.. На малой тяге!.. Не забудьте! — Коля облизал пересохшие губы. — И еще не забудьте сказать... что альфа-пыль... осколки альфа-стекла транспозитируются в мою каюту. На малой тяге... Пусть проверят.

— Гут, — сказал Фишер. — Вы скорей выздоравливать!..

— Достаточно! — сказала Франсуаза. — Больше нельзя. Сейчас больной будет спать.

— Я есть старый осел! — жаловался Фишер Франсуазе перед уходом. — Я оставить горилла с этот неопытный мальчик! Бедный мальчик!.. Я себе никогда не простить!

— Извините, — мягко остановила его Франсуаза. — Я должна вернуться к больному. Вы же сами видели, у него начинается бред.

— О да, да! Вам надо поспешать. Вы не отправить его этот рейс на «Мираж»? — Фишер просительно заглянул в круглые, как вишни, глаза Франсуазы.

— Нет, он слишком слаб. Возможно даже, что у него сотрясение мозга. Когда к нему можно будет прийти в следующий раз, я дам вам знать. До свидания.

Фишер откланялся. Поправил на перевязи прокушенную гориллой руку и побрел прочь. Сегодня он впервые почувствовал себя старым.

4 В большом полутемном помещении приятно пахло разогретой смазкой. Синим светились круглые окна экранов, вспыхивали и гасли табло. Стен в зале не было: плотной стеной стояли приборы — двенадцать стендовых ярусов мудреной аппаратуры. Жужжал, вращая длинную стрелу, и время от времени забавно клацал подъемник, а на конце стрелы ходила вдоль нижнего яруса кабина для операторов — прямоугольная площадка с пультами посредине, огражденная низкими бортами. За пультом, сгорбившись, сидел Ильмар — на бритой голове наушники — и что-то жевал.

Глеб сбежал по трапу на нижний причал и оглуши-

тельно свистнул. Ильмар сбросил наушники, повертел головой. Глеб свистнул еще раз. Деловито клацнув, подъемник развернул стрелу и поднял кабину к причальному борту.

Ильмар рассеянно поздоровался, подождал, пока физик устроится в кресле напротив. Выложил перед ним на пульт бутерброд с сыром, показал глазами на кофейник. Бж-ж-ж-ж, клац-клац... — кабина плавно поехала к нижнему ярусу.

— Как дела? — спросил Глеб.

— А? — Ильмар приподнял чашечки наушников.

— Меня интригует твой озабоченный вид. Стряслось что-нибудь?

— Стряслось то, что должно было стрястись, когда вы устроили нам гравифлаттер. Гравитроны плохо переносят вибрацию. Один закашлялся насмерть. Два других на пределе. А гравитронов, да будет тебе известно, всего двенадцать. Это я так. Между прочим.

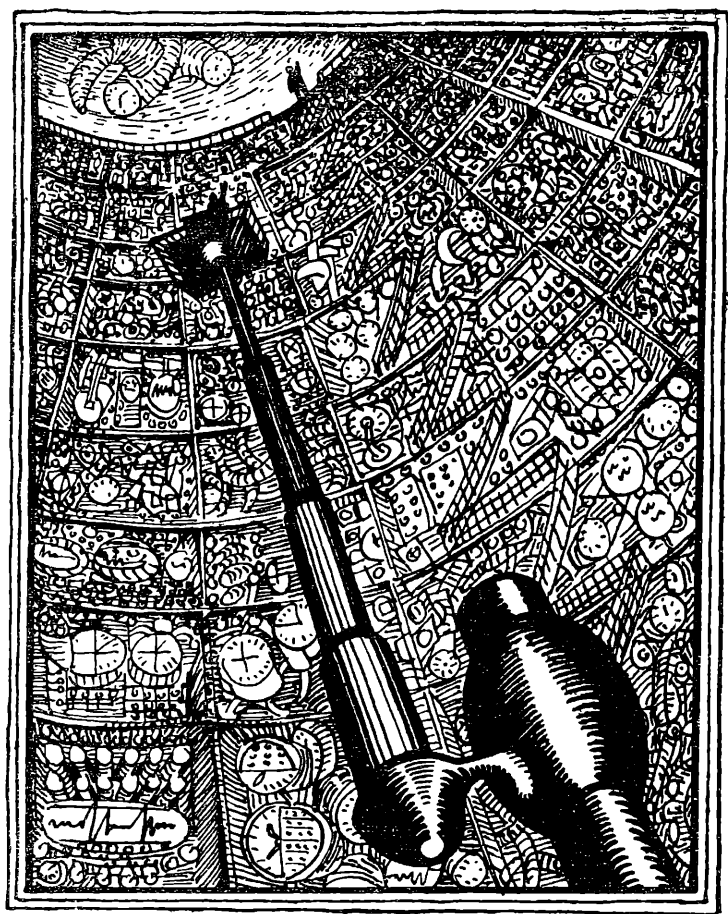
«Мне все известно, — подумал Глеб. — Между прочим, известно и то, что нам достаточно четырех. Для ТР-перелета в пределах орбиты Сатурна двенадцать совсем не нужны — в конце концов, достаточно трех, если точнее подсчитать напряженность эр-поля. А для ТР-перелета даже к ближайшей Центавра нам не хватит и трех на десять в двенадцатой степени».

Кабина остановилась. Ильмар снял наушники, ткнул пальцем в желтую кнопку на пульте и посмотрел вниз. Глеб тоже посмотрел. Лязгнул металл, в глубине открывшейся шахты вспыхнул синий огонь и осветил звездобразный торец гравитрона.

— Так я и думал, — пробормотал Ильмар.

— Из новых?

— Старый, но кому от этого легче? Вашему бра-

ту ведь ничего не стоит устроить еще один флаттер, верно?

— Нам бы ваши проблемы, — сказал Глеб, покачивая в руке пустой кофейник. — Кстати, ты не забыл записать, сколько добавил «Мираж» в прошлый раз к общей массе нашего грешного астероида?

— Это вряд ли вам пригодится, — ответил Ильмар.

— Почему?

— Связисты мне говорили, что сегодня «Мираж» покинул Меркурий и придет на «Зенит» часа через два. Но как только «Мираж» пришвартуется, я постараюсь подсчитать общую массу и передам результат прямо на ваш калькулятор. Может быть, это поможет избавиться от гравифлаттера?

— Может быть, — не совсем уверенно ответил Глеб. — Спасибо. И еще мне нужен декафазовый клайпер. Ну чего ты на меня уставился?

— Ничего... — Ильмар вздохнул. — Раньше мало кому нужен был клайпер. Пока на калькуляторе работал Захаров... Клайперы справа от кресла. Бери тот, который в футляре.

Бж-ж-ж-ж... — кабина поехала к трапу, — клац-клац... Глеб перепрыгнул на причальную площадку.

— Что нового у вас на «чердаке»? — спросил вдогонку Ильмар.

Глеб обернулся и пожал плечами:

— Что у нас может быть нового?.. Настало время хоронить красивую мечту. Но почему-то Калантаров оттягивает похороны... А так все нормально.

— Все нормально? — зло удивился Ильмар. — Эх вы... А ведь это не ваша мечта. Вернее, не только ваша. Это моя мечта и мечта всех, кто работает на «Зените». Мечта всего человечества. Слышите, вы!.. Человечества!

— Сегодня мы с тобой жевали сыр, — напомнил

Глеб. — Не знаю, обратил ли ты внимание на его особенность?

— Гм... В каком смысле?

— В физическом.

— Ну, сыр как сыр...

— Особенность та, что в сыре есть дырки. Наша мечта — сыр. А результат ее воплощения — дырки. И человечеству — хочешь не хочешь — придется это переварить. И тебе заодно с человечеством.

Глеб взялся за поручень трапа и взбежал по гулким ступенькам вверх.

Только что он лежал здесь, этот роскошный семицветный карандаш в металлическом корпусе — подарок сокурсника Йорки. Лежал на самом краешке пульта... Облокотившись на пульт, Квета заглянула в шахтный ствол — четырехугольный колодец, выплавленный (она это знала) целиком из черного альфа-стекла на меркурианской базе «Аркад». «Хороший был карандаш», — подумала Квета. Далеко внизу поблескивали кольца эритронов...

Зашипела пневматика — в дверном проеме показался Глеб с треугольной сумкой клайпера через плечо.

— Доброе утро, — вежливо сказала Квета.

— Салют, — буркнул Глеб не особенно вежливо.

Поставил клайпер у ног, подозрительным взглядом окинул каре приборных панелей. Зеленоватые глаза, казалось, очень внимательно осмотрели все вокруг.

— Вы рано сегодня, — сказал он. — Зачем?

— Вчера вы спрашивали то же самое.

— Ах да, приняли утреннее дежурство! Виноват... — Он оглядел черный купол диспетчерской с ярко светящимся кругом в зените и пояснил: — Однообразное существование — однообразные вопросы.

— Ну что вы! — робко улыбнулась Квета. — Здесь интересно. Совсем недавно какой-то мальчишка пытался узнать, не прячу ли я у себя сбежавшую гориллу!

Она мимолетным движением руки поправила над бровями колечки огненно-рыжих волос, покосилась на эмблему «Зенита» на рукаве и вдруг покраснела.

«Девочка, — подумал Глеб. — Восторженный птенец».

Глеб с лязгом и грохотом убрал переднюю стенку пульта и заглянул внутрь.

«Но скоро она поймет, как у нас «интересно». Привыкнет смотреть в эту квадратную яму без особых эмоций и считать с достаточной точностью напряженность эр-поля. И сутки, которых всегда слишком много до отпуска...»

Глеб настроил клайперный щуп, присел на корточки перед распахнутым пультом. Клайпер тонко завыл.

Внезапно клайпер изменил тональность звучания. Глеб быстро отбросил щуп и, сунув руку в недра пульта по плечо, нашарил нужный ряд тромб-головок. Квета, следившая за развитием ремонтных операций, вдруг спросила:

— Не знаете, кто еще сегодня дежурит?

— Ваал. И, как всегда, Туманов. Если, конечно, «Мираж» прибудет сюда без Калантарова. Что вполне вероятно.

— Давно хотела спросить... Почему Ваал?

— Валерий Алексеенко, — терпеливо пояснил Глеб. — Сокращенно — Ваал. Наверно, это он царапается в дверь.

В дверную щель плечом вперед протиснулся Валерий.

— Салют! — весело рявкнул он. В шахтном колодце откликнулось эхо.

— Доброе утро, — поздоровалась Квета.

— Утро!.. — Глеб обхватил колени и поднял глаза

к потолку. — Пещера, туманное угро, следы на песке, в руках большая дубина из натурального дерева... Когда я слышу земное «Доброе утро!», во мне просыпается питекантроп.

— Не надо паники, — сказал Валерий. — Быть может, это у тебя пройдет. И без особых последствий.

— Последствия будут, — Глеб выключил клайпер. — Если Калантаров задержит мне отпуск еще на неделю.

Валерий сочувственно покивал:

— Задержит. Мне предписано покинуть «Зенит» и удалиться в сторону Сатурна. И не делай большие глаза. Через час подойдет «Мираж», Калантаров не спеша направится к этому пульта и самолично запустит меня в гиперпространство... Я пришел вам сказать до свидания.

— Я не буду делать большие глаза, — возразил Глеб. — Я буду делать большой и по возможности громкий скандал. Ты же умный человек, Ваал, ну пойми наконец: в океане научных идей есть идеи бесперспективные. Настолько бесперспективные, что даже молодые, дерзкие энтузиасты науки вроде меня после энного количества лет бесперспективной научной работы становятся психами. Мне нужен отпуск.

— Всем нужен отпуск. Квета, вам нужен отпуск? Нет? Ну ничего, скоро понадобится. А что касается нашей идеи...

— Наша идея — это труба. Один конец трубы находится здесь, на «Зените», другой на орбите Сатурна, где плавает станция «Дипстар». Вот, кажется, и все, чего нам удалось добиться. — Носком ботинка Глеб отшвырнул тромб-головку к стене.

Валерий сел в кресло. Задумчиво похлопал большими ладонями по подлокотникам. Сказал:

— Эн лет назад нам удалось передать на «Дипстар»

через гиперпространство белую мышь... Я помню тумак, которым ты меня наградил в припадке восторга. Эн мину два года назад мы передали собаку, макаку и трех шимпанзе. Потом человека...

— И ты воспользовался этим, чтобы вернуть мне удар. Удар пришелся по шее.

— Но больше всех тогда, по-моему, досталось Калантарову, его закачали. Качали меня и тебя. Качали всех, кто был на «Зените». Было больно — здесь очень низкие потолки. Н-да... Одного за другим передали еще пять человек.

— На «Зените» уже никого не качали.

— Помнили про потолки.

— Нет, — сказал Глеб. — Просто из наших буйных голов улетучились флюиды восторга. Наступила пора двоевластия. С одной стороны, успех ТР-передачи и комплекс идей Калантарова — наших идей! С другой — теорема Топаллера. Великолепная и жуткая в ореоле своей беспристрастности.

— Н-да... Топаллер нанес нам крепкий удар. Прямой и точный...

— Прямо в солнечное сплетение нашим замыслам... А Земля ликует. Ей пока нет никакого дела до Топаллера и его теоремы. «Новая эра! Земля гордится вами, покорители пространства и времени!»

— «Ты и я — сто двадцать парсеков, ты и я — времени даль...»

— Вот-вот. А покорители скромно помалкивают. Потому что «сто двадцать парсеков» целиком умещаются в пределах орбиты Сатурна. Можно было, конечно, забросить «Дипстар» и на орбиту Плутона. А дальше что? Тупик, теорема Топаллера. Те, кто бредил о транспозиции к звездам, успешно и быстро прошли курс лечения, выверяя правильность неуязвимой теоремы. Лишь на Меркурии, на «Зените» и там, на «Дипстаре», оста-

лась кучка маньяков, которым до смерти хочется пробить головой непрístupную стену. Она непрístupная, эта стена, понимаешь? И мне почему-то становится жаль свою голову.

— Понятно, — произнес Валерий и медленно поднялся. — Согласно Топаллеру... Внимательно слушайте, Квета. Это очень серьезно, мы присутствуем на творческом отчете дезертира.

Опустив голову, Квета что-то выводила пальчиком между клавишами на блестящей поверхности пульта.

— Ваал, — сказал Глеб. — Я нехороший, я дезертир. Но все равно мы бессильны, Ваал, — ты и я, и Туманов, и сам Калантаров. Оскорбляя меня, нельзя опровергнуть Топаллера. А иметь возле Солнца ТР-передатчик-приемник и не иметь его там, на далекой звезде, значит... Каждый осел понимает, что это значит. Ну еще год-другой погоняем ТР-перелетчиков из центра системы на периферию. В конце концов эта однообразная цирковая программа нам надоест. Мне, например, надоела... вот так! — Глеб провел ребром ладони под подбородком.

— Ну, мне пора, — сказал Валерий. — Вместо меня будет Гога.

Валерий столкнулся с Гогой в дверях. Гога посторонился, проводив Валерия недоумевающим взглядом.

— Говорят, одна из горилл сбежала в вакуум-стор, — сказал он. — Говорят, есть человеческие жертвы... Признавайся, что вы тут с Ваалом не поделили?

— Ваал обозвал меня дезертиром.

— Ну?! — Гога опустился в кресло. — Впрочем, Ваал напрасно не скажет.

— Ты уверен?

— И ты, мой друг, тоже.

— Напрасно ты так. Ведь разговор не только обо мне. Я давно пытаюсь понять: чего мы ждем? Чуда? Его не будет. Ведь все элементарно просто. Эр-поле функционально связано с массой ТР-передатчика. Пока мы ведем ТР-передачу на «Дипстар», нас вполне устраивает масса нашего астероида. Но заманись мы хотя бы на альфу Центавра, нам понадобится масса шестидесяти таких планет, как Юпитер! Или придется поместить возле альфы Центавра ТР-приемник типа «Дипстар». Мы не имеем ни того, ни другого. Понимание этого называется дезертирством?

— Чего ты хочешь от меня? — Гога заерзал в кресле.

— Ничего особенного... Через несколько минут мы проведем еще один эксперимент. Мы будем сидеть за пультами, по одному с каждой из четырех сторон квадратной ямы: ты против Кветы или Туманова, я против Калантарова. Как за столом дипломатических переговоров. Мы будем смотреть на приборы и подавать команды, нажимая кнопки и клавиши... Так вот, мне хотелось бы знать, крепка ли вера участников этого таинства в то, что наша работа приблизит звездный час человечества, — Глеб показал половину мизинца, — хоть на полстолько?

Гога тяжело и шумно вздохнул.

— Квета, — сказал он, — объясните этому субъекту, что наука имеет свои негативные стороны. Что науку нельзя принимать за карнавальное шествие по случаю праздника урожая.

— Какие вы все у-умные!.. — покачав головой, сказала Квета. — Слушаю вас и удивляюсь, как успешно вы стараетесь не понимать друг друга! Самоанализ — это хорошо, это психологически оправдано. А самобичевание — плохо, потому что больно и уничительно, стыдно... Я знаю, никто из вас не верит всерьез, что

злополучная теорема — последнее слово в ТР-проблематике. Простите, если я сказала что-нибудь не так...

— Так, Квета, так. Здравствуйте. Прошу простить за опоздание, меня задержал разговор с «Миражем». — Изящный Туманов, пощелкивая пальцами (за ним водилась эта странная привычка), приблизился к пульту.

Он всегда был изящным от самой макушки до пят. От тщательно прилизанных светлых волос до мягких ботинок из кожи полинезийских коралловых змей — очень красивых ботинок и очень редких в космической практике.

— Турнир идей? — спросил он Глеба и Гогу, глядевших в разные стороны. — Или контрольная дуэль эмоций?

— Кир, — сказал Глеб, — пожалуйста, не делай вид, будто тебе интересно.

Туманов пропустил пожелание Глеба мимо ушей. Он стоял, опираясь руками о пульт, в позе пловца, который раздумывает, стоит ли прыгать в холодную воду. Эта его озабоченность насторожила остальных. Глеб и Гога переглянулись. Квета подумала про карандаш. Карандаш, конечно, не собьет настройку эритронов, однако... В чем заключается это «однако», она не успела сообразить, потому что Туманов неожиданно спросил:

— Какое сегодня число?

Гога скороговоркой назвал день недели, число, месяц, год. Немного поколебавшись, добавил название эры.

— Коллеги! — Туманов солидно откашлялся. — Этот день войдет в историю. Будем готовить ТР-передатчик к работе. Калантаров решил отправить в гиперпространство двух ТР-летчиков методом параллельно-сдвонной транспозиции. Первый в истории групповой ТР-перелет.

- Шутишь!.. — выдохнул Гога.
- Сегодня нам не до шуток, коллеги.

«Сон в руку, — подумал Глеб, — Туманов прав, сегодня будет не до шуток».

Из коридора послышалось дребезжание зуммера. Это сигнал службы вакуум-створа; к астероиду причалил «Мираж».

- Калантаров, — подняв бровь, сказал Гога.
- И сопровождающие его лица, — добавил Глеб.
- Угум... А известно, кто второй ТР-летчик?
- Известно, — ответил Туманов. — Второй ТР-летчик — Астра Ротанова.

Глеб наклонился, чтобы взять на плечо клайпер. Но так и не взял. Медленно выпрямился.

5 Работали сосредоточенно, молча. Готовить станцию к ТР-передаче молчаливо, без суеты считалось правилом хорошего тона. Совсем еще недавно процесс настройки ТР-передатчика очень нравился Глебу, сложностью своей напоминая шахматную партию блицтурнира. Туманов щелкал главным включателем: е2 и е4. Мгновенно следовал ответный ход: Глеб включил калибратор пульсации. Стремительно разыгрывался королевский гамбит — кнопки, клавиши, световые сигналы, на обдумывание быстро меняющихся ситуаций в распоряжении оператора считанные секунды. Ассистенты фиксировали игровой момент на пультах контроля и регистрации.

Сейчас, переключая клавиши с бесстрашием автомата, почти с таким же бесстрашием Глеб незаметно поглядывал на внимательные лица товарищей. Ему было как-то очень уж безразлично то, что он делал, но работал он, как и прежде, точнее и быстрее других. У Кветы

и Гоги сначала что-то не ладилось, однако вмешался Туманов, и все вдруг наладилось.

В глубине шахты по-шмелиному густо и нудно за-жужжали эритроны. Глеб машинально отстучал на клавишах программу стабилизации, покосился на экраны экспресс-информаторов, откинулся в кресле. Восемь минут, пока прогреваются эритроны, он со спокойной совестью мог разглядывать потолок. Или дверь. В эту дверь скоро войдет Астра.

Вместе с Астрой появится и надолго останется здесь сладковатый запах белой акации. Астра войдет и уйдет, а сладковатый запах останется. И непонятная боль...

Если уж честно во всем разобраться, никаких таких сложностей между ними и не было. Не было признаний и сентиментально-космических клятв. Только однажды был берег лагуны теплого моря, широкой темной лагуны, полной отраженных звезд. Вниз и вверх — звездная бесконечность.

— О, как до них далеко!

Он ответил, что далеко. Что трудно даже представить, как далеко. Но сделаем ближе. Сделаем — рукой подать. Ну вот как здесь, зачерпнул пригоршней — и готово. Миры на ладонях.

Тогда они были рядом. И казалось, так будет всегда. Но это только казалось... Дважды она появлялась на станции и дарила ему (как, впрочем, и всем остальным) шершавую колючую ветку акации — мелкие листья и пышные гроздья белых пахучих цветов. И говорила много о звездах. Миры на ладонях... А он молчал. Потому что до звезд по-прежнему было еще далеко.

Когда она улетала с «Зенита» на «Дипстар», он чувствовал странное облегчение. А потом опять начинал ее ждать. Ожидание тянулось месяцами, потому что ТР-

перелет на «Дипстар» — девять секунд, а на обратный рейс фотонно-ракетной тягой уходили недели и месяцы (создавать обратный ТР-передатчик на «Дипстаре» не было особой необходимостью). Потом для нее — а значит, и для него — все начиналось сначала: «Зенит» — «Дипстар» — Диона — Земля — Меркурий — «Зенит» — ветка белой акации. Карусель! И он ничего не мог с этим поделать. И, как доказал Топаллер, не сможет...

Зашипел дверной механизм — дверные створки уехали в стены.

Глеб повернулся к пульту спиной. Покорно принял ветку белой акации, поцелуй и упрек, смысла которого не уловил. Подошел незнакомец с аккуратненькой черной бородкой. Представился: «Казура. Можете называть меня просто Федотом», — и протянул руку. У незнакомца было очень молодое белое лицо, и одет он был в черный парадный костюм, словно минуту назад покинул зал заседаний парламента. Вошли Калантаров и Дюринг — глава медицинского сектора базы «Аркад», по прозвищу Фортепиано; вернулся Валерий. В диспетчерской стало шумно и тесно. Кто-то с кем-то знакомился, Дюринг острил. Калантаров рассеянно слушал рапорт Туманова.

— Вот, собственно, и все.... — закончил Туманов, раздумывая, не пропустил ли он чего-нибудь существенного. Пощелкал пальцами. — Результаты, кроме сегодняшних, разумеется, задокументированы, приведены в порядок по халифмановской системе. Вы сможете ознакомиться с ними в зале большой кинотеки.

— Спасибо, я посмотрю, — сказал Калантаров. — Сами-то вы смотрели?

— Мы провели сравнительный анализ двенадцати последних эр-позитаций...

— Превосходно! Каков результат?

— Я говорю об эффекте Неделина, — осторожно пояснил Туманов.

— Я понял.

— За последний месяц эр-эффект стал проявлять себя... э-э... несколько чаще. Однако найти причину перерасхода энергии на малой тяге мы пока не смогли.

— Только на малой? — быстро спросил Калантаров.

— Да. На стартовой тяге все было в норме, никаких спорадических...

— Ну хорошо, — вздохнул Калантаров. — Вернемся к обсуждению эффекта. Продолжайте, слушаю вас.

— Я не совсем понимаю, — Туманов развел руками. — Если вас интересуют причины перерасхода энергии...

— Нет, дорогой мой Кирилл Всеволодович, — мягко остановил его Калантаров. — Меня интересуют ваши идеи. Мысли, гипотезы, предположения... все, что угодно, вплоть до фантастики.

— Ну... — Туманов пожал плечами, — я запросил бы «Дипстар». На малой тяге, дескать, подозрительный эффект...

— Сделано. Дипстаровцы в недоумении. Дальше?

— Это очень важно?

— Да.

— Но почему?

Калантаров помедлил с ответом.

— Потому что геноссе Топаллер прав, — тихо сказал он. — К сожалению... Но ближе к делу. Первый наивный вопрос: можно ли объяснить перерасход энергии на целый порядок — на целый порядок! — за счет неточности фокусировки эр-поля?

Туманов слегка растерялся, но быстро взял себя в руки.

— Нет, — сказал он. — При переходе на стартовую

тягу такая ошибка привела бы к печальным последствиям. Впрочем, вы это знаете лучше меня.

— Второй наивный вопрос: каков характер возникновения эффекта?

— Спорадический.

— Ситуация занятая, не правда ли? — В глазах Калантарова появилась гипнотизирующая задумчивость. — После многих лет работы с ТР-установкой вдруг ни с того ни с сего открываем новый эффект. С облегчением узнаем, что этот эффект проявляет себя только на малой тяге. Да и то не всегда. Так сказать, спорадически. То он есть, то его нет. И ни техника, ни операторы в этом не виноваты. Эффектом пренебрегают, потому что он не мешает стартовой тяге. И еще главным образом потому, что никто не может найти причину его появления.

— Одна из особенностей гиперпространства, — высказал предположение Туманов.

— К примеру?

— Ну... назовем эту особенность «вязкостью».

— Не было ни гроша, да вдруг алтын. Сколько лет работаем с гиперпространством, а вот его «вязкость» только сейчас обнаружили... Вы верите в чудеса? Нет? Я тоже. Думайте, коллега, думайте.

Туманов молчал. Калантаров зорко оглядел присутствующих и направился к Гоге.

Гога словно бы нехотя привстал и вяло ответил на приветствие.

— Ты нездоров? — спросил Калантаров.

— Нет, у меня все нормально... — Гога показал глазами на Глеба. — А вот ему плохо. Очень плохо...

Глеб уловил, что разговор о нем, бросил ветку акации в кресло и, упрятав кулаки в карманы, побрел к выходу.

Астра внезапно утратила к беседе всякий интерес,

чернобородый Казура подобную перемену не мог не заметить и, как это иногда случается с застенчивыми людьми, обиделся и перестал смущаться. Квета слушала его с возрастающим удивлением и симпатией. Федот Казура был действительно великолепен и поражал воображение.

Гога чувствовал себя очень несчастным.

Калантаров подошел к Туманову и тихо сказал:

— Давайте сверим часы... Совпадает? Отлично. Ровно через час проведете цикл эр-позитации на малой тяге. Я, вероятно, буду отсутствовать.

6 Кольцевой туннель вокруг диспетчерской был довольно просторен и хорошо освещен, а там, где он соприкасался с куполом диспетчерской, по бесконечному кольцу тянулась черная стена из литого альфа-стекла. Это черное зеркало придавало туннелю странное своеобразие, и каждый по-своему вел себя здесь. Гога, бывало, надолго останавливался у стены, глубокомысленно разглядывал собственное отражение, слегка растянутое по горизонтали. Ваал любил, раскинув руки, прижаться затылком к скользкой поверхности и шлепать по ней ладонями. Калантаров, когда проходил вдоль туннеля, то и дело касался пальцем стены, будто смахивал несуществующую пыль, а потом этот палец долго разглядывал. Похоже вела себя Квета. С той только разницей, что пальцем она выводила узоры. Туманов, казалось, этой стены совершенно не замечал. Однако, забывшись, иногда выстукивал стену костяшками кулака, как заправский кладоискатель. Но лучше всех знал эту стену Глеб. Она обладала многими любопытными свойствами: она загадочно опалесцировала радужными овалами, если бежать вдоль туннеля; тихонько звенела, если прижаться

к ее поверхности ухом; возвращала дрожащее эхо, если как следует стукнуть в нее кулаком. А главное, она помогала думать... Когда у них что-то не ладилось, то, прежде чем разбрестись по каютам, по залам счетных машин, кинотек и салонов, они, бывало, часами ходили, стояли, сидели вдоль черной стены и думали. И обычно всегда у кого-нибудь возникала идея!.. Идеям, казалось, не будет конца, как нет конца у кольцевого туннеля.

И вот все кончилось. Круг завершен.

Глеб, как слепой, едва не налетел на Дюринга, обошел его и, не оглядываясь, побрел вдоль туннеля.

— Одну минуту, молодой человек, — мягко окликнул Дюринг. — Можно?

Глеб задержался, с неудовольствием окинул толстяка вопросительным взглядом.

— Вы мне нужны буквально на одну минуту, — сказал Дюринг. — Если это вас не затруднит. — Его румяное лицо излучало доброжелательность.

Он поднял руку и чуть пошевелил короткими пальцами. Глеб невольно смотрел, привлеченный странной жестикуляцией.

— Забавно, не правда ли? — спросил Дюринг. — Кажется, будто пальцев больше пяти.

— Да... — Глеб замер. — Как вы это делаете?

— Очень просто. Вот смотрите еще... И еще... Это очень полезно, мозг отдыхает. Чем больше вы смотрите, тем глубже мозг отдыхает... Ну вот, а теперь нужно немного расслабиться... та-ак... Мышцы тоже должны отдыхать. Мышцы горла и рук можно расслабить совсем... Хорошо. Дышится много свободнее, правда? Глубже, глубже дышите... та-ак... а живот можно слегка подтянуть. Полный вдох, свободный выдох — раз и два, раз и два, в таком вот ритме... Великолепно. Те-

перь я буду очень медленно и осторожно касаться вас пальцами, а вы представьте себе, что там, где я касаюсь, ощущается слабый укол... Ничего, сначала это немного трудно, потом появится опыт... Вот видите, это даже приятно. Здесь... Здесь... И здесь... Ну и, пожалуй, достаточно.

Глеб открыл глаза.

— Я спал? — спросил он.

— Не думаю. — У Дюринга было измученное, мокрое от пота лицо. — Как самочувствие?

— Не знаю... — Глеб подвигал плечами. — Наверное, все в порядке.

— Сделайте несколько легких гимнастических движений. Любых, какие вам больше нравятся. Та-ак... Теперь хорошо?

— Хорошо, — ответил Глеб. — Легко и приятно... Будто гора с плеч. Как вам это удастся?

— Я ведь не спрашиваю, как вы за девять секунд ухитряетесь... фюить... на орбиту Сатурна!

Глеб рассмеялся:

— Понятно!.. Гипностатический психомассаж?

— Я рад, что ваше самочувствие улучшилось. — Дюринг вежливо улыбался.

— Но все равно мне нужен отпуск, — сказал Глеб.

— Море?

— Да, в частности, море. Земля.

— Понимаю. Запахи леса, ветры, шорох листвы.

— Нет. Берег тихой лагуны и много песка. Безлюдье и дюны. И чтобы тихая звездная ночь... Звук фортепиано.

— В миноре, — добавил Дюринг. — Между прочим, меня наградили прозвищем Фортепиано только за это... — Он поднял руку и шевельнул пальцами. Глебу снова показалось, будто пальцев больше пяти.

— Вы обиделись?

— Ну что вы, как можно! И потом в отношении прозвищ я убежденный фаталист. — Дюринг заторопился: — Приятно было побеседовать. К сожалению, мне пора.

— Спасибо... — пробормотал Глеб. Он посмотрел Дюрингу вслед. И увидел Калантарова.

Калантаров посторонился, пропуская Дюринга в дверь, внимательно взглянул на Глеба и тихо спросил:

— Как дела, оператор?

— Хотите в открытую? Я теряю веру в вашу гениальность.

— Гм... Ты отстал от жизни на тридцать веков. Ибо чуть позже мир изобрел для себя отличную заповедь: не сотвори себе кумира.

Глеб покачал головой:

— Моим кумиром были не вы, простите. Моим кумиром были идеи, которые вы умели выращивать в наших преданных вам головах. А после трех-четырех уравнений Топаллера вы растерялись.

Калантаров задумался.

— Ладно, — сказал он. — Какие у тебя ко мне претензии?

— Претензии?.. Да никаких. Просто я хотел вам напомнить, что с некоторых пор вы, мягко выражаясь, отдаете предпочтение Меркурию.

— Чушь. Меркурианские базы располагают более мощной вычислительной техникой, только и всего.

— Топаллер неуязвим. И никакая техника здесь не поможет.

— Ну хорошо, — Калантаров вздохнул. — Давай закончим этот разговор на языке тебе и мне любезной ТР-физики... Что такое гиперпространство?

— Я не знаю, что такое гиперпространство. И вы не знаете.

— И Топаллер не знает. Вся его теория построена на результатах наших экспериментов.

— Да? А я до сих пор полагал, что это надежный фундамент.

— В пределах Солнечной системы — конечно.

— Гиперпространственные свойства вселенной представлялись мне одинаковыми во всех ее точках. Впрочем, это второй постулат теории Калантарова. Скажите откровенно, что вы собираетесь предложить нам в качестве выхода из теперешней ситуации?

— Есть предложение закругляться.

— То есть... как закругляться?

— Согласно Топаллеру. — Калантаров пожал плечами. — Других возможностей его теорема просто не предусматривает. Сегодня мы проведем последний ТР-запуск по программе «Сатурн». Впрочем, этот запуск правильнее будет понимать как демонстрацию наших достижений — ведь ничего принципиально нового мы от него не ожидаем. Один человек или два — какая разница?

— Понятно... — Глеб похолодел. — Так этот, с бордой...

— Да. Представитель техбюро транспортных коммуникаций Системы. Уполномочен дать официальный отзыв об эксплуатационных качествах нашей установки. И, надо ожидать, недельки через две сюда нагрянет армия экспертов и проектантов. Первую установку типа «Зенит» — правда, повышенной мощности — предполагают строить на Луне. А затем... Я точно не помню намеченной очередности строительства, но, кажется, в таком порядке: Марс, Нереида, Титания, Феба, Плутон, Диона и Ганимед. Тем самым, видимо, будет подписан смертный приговор ракетным кораблям. Не всем, на-

верное, но дальнорейсовым трампам и лайнерам непременно...

— Простите! — перебил Глеб. — Миллион извинений, но я не спрашивал вас о перспективах транспортного перевооружения Системы. Я, грешным делом, спрашивал вас о перспективах нашей с вами дальнейшей работы.

— Сначала нам предстоит поработать в качестве консультантов, — деловито стал объяснять Калантаров. — Ну и затем, с пуском новых ТР-установок, естественно, возникает острая нужда в специалистах нашего профиля. Транспозитация грузов и...

Калантаров умолк.

— Вот что... — почти не владея собой, произнес Глеб, — я пришел сюда работать ради звезд. И мне, в конце концов, наплевать, кто там будет у вас транспозитировать грузы!.. Кстати, кто сейчас командир «Миража»? Месье Антуан-Рене Бессон? Я полагаю, мой бывший начальник не забудет дать Антуану-Рене соответствующие распоряжения. В связи с моим намерением покинуть «Зенит». Орэвуар!

Отчаянно взмахнув рукой, Глеб зашагал вдоль туннеля.

— Что ж, дело твое, — сказал ему вслед Калантаров. И вдруг, словно вспомнив о чем-то, воскликнул: — Да, кстати!..

Глеб медленно остановился, спросил:

— Ну?

— Понимаешь ли... — Калантаров взглянул на часы. — Твой знаменитый эр-эффект кажется мне весьма любопытным. И пока не поздно, хотелось бы выяснить, что по этому поводу думает сам открыватель эффекта — Глеб Неделин. Если, конечно, он думал.

— Думал, — глухо ответил Глеб.

— И каков результат?

— Потрясающий. И вряд ли покажется вам интересным.

— К примеру?

— Стала сниться всякая белиберда. К примеру: безлюдный «Зенит», монополярные выверты. Часы такие... с гириями, стрелками и кукушками.

— Гм, действительно...

Помолчали. Калантаров еще раз взглянул на часы и сказал:

— На Меркурии я в основном занимался твоим эр-эффектом. Точнее, эр-феноменом — впредь так и будем его называть.

Глеб понимающе кивнул:

— Странное явление, верно? Три очень заметных полосы размыва пульсации поля... А затем будто бы эхо — девять более узких полос. Трижды аукнется, трижды откликнется. Пока аукается и откликается, куда-то лавинообразно уходит энергия, словно в бездонную пропасть. И все.

Калантаров приблизился к Глебу и взял его под руку.

— Нетерпелив ты до неприличия, вот что... — Он оглядел потолок. — Где-то здесь должны быть вентиляционные отверстия.

— Это немного дальше. Но там сквозняк.

— Ничего, — возразил Калантаров, увлекая Глеба за собой, — нам не мешает проветриться.

7 Они шли по кольцу, и Калантаров на ходу внимательно разглядывал стены, пол, потолок, будто впервые все это видел. «Что ему надо?» — вяло подумал Глеб.

— Вот, — сказал он, — здесь находится одна из вентиляционных дыр. Две других...

— Нет-нет, — перебил Калантаров. — Именно эта. Лифт мы миновали, а впереди вход в информаторий... Все правильно.

— И что же дальше? — осведомился Глеб.

— Проведем вертикаль от вентиляционной решетки до подножия стены. — Калантаров присел, ткнул пальцем туда, где кончалась воображаемая вертикаль. — Отсюда нужно отмерить ровно три метра влево.

Глеб, не вынимая рук из карманов, отмерил три шага в указанном направлении.

— Готово, — сказал он. — Мой шаг равен метру, это проверено. Где заступ?

— Какой еще заступ?

— Которым копать. Во всех приключенческих книжках кладывают именно заступом. Вот, к примеру, клад знаменитого Кидда...

— Любопытно, — сказал Калантаров. — Но Кидд подождет. Место, на котором ты стоишь, отметь чем-нибудь.

Глеб вынул из кармана носовой платок и бросил под ноги. Калантаров поднялся и отряхнул ладони.

— У вас сегодня игривое настроение, — сказал Глеб. — Однако при чем здесь я?

— Да, при чем здесь ты? Вернее, при чем здесь твой эр-феномен — вот в чем вопрос...

Глеб насторожился:

— А несколько популярнее можно?

Калантаров, казалось, не слышал. Он заворуженно смотрел на черную альфа-защитную стену. Потом провел по ней пальцем и стал изучать этот палец с большим интересом.

Глеб тоже посмотрел на стену. Стена как стена. Впрочем... Здесь она выглядела менее блестящей, чем по соседству. словно бы глянцевая поверхность слегка

запотела. «Ток увлажненного воздуха от вентиляции? — подумал Глеб. — Но тогда почему стена запотела не против решетки, почему в стороне?..» Глеб тоже провел по стене пальцем. На пальце остался тонкий налет черного порошка.

— Говорят, дурной пример заразителен, — сурово сказал Калантаров, — но это смотря чей пример и смотря для кого. Да, Халифман ушел. Он сделал для ТР-физики все, что мог, и честно ушел. Это было еще до Топаллера. Я не буду слишком удивлен, если по той же причине, но после Топаллера, уйдет Туманов. Он перестал волноваться и думать, а это значит — перестал понимать. Ушел Захаров — его я тоже не обвиняю. Во-первых, он стар, во-вторых, он свою миссию выполнил — добился реализации ТР-перелетов в пределах Солнечной системы. А на звезды ему было всегда наплевать... Да, после Топаллера поредели наши ряды на «Аркаде», «Зените», «Дипстаре», в институте Пространства. Ушли в основном те, кто не был подготовлен для ТР-физики по-настоящему. Остались те, кто хочет и, главное, может работать.

— От работы я никогда не отказывался, — хмуро напомнил Глеб. — Ну что я могу предложить? Давайте проведем ученый совет, представителя техбюро вышвырнем из диспетчерской и, помолясь на созвездие Кассиопеи, начнем исторический штурм вселенной?

— Ты опоздал, — возразил Калантаров.

— В каком это смысле?..

— В смысле молитвы. Поскольку штурм ты уже начал. И даже раньше меня. Начал в тот день, когда впервые задумался над причинами появления эр-феномена.

— Ладно, — сказал Глеб и вскинул руки над головой. — Вам удалось загнать меня в угол, сдаюсь!.. Признаюсь: в поисках причины перерасхода энер-

гии на малой тяге я составил занятное уравнение. Правда, практической пользы от него было столько же, сколько от зайца перьев, — просто математический опус...

— Неправда, — сказал Калантаров. — Понятие о линзовидных уплотнениях эр-поля за пределами альфа-экранного контура не есть математический опус. Это физический смысл твоего уравнения. Дальше?

— Что «дальше»?! — удивился Глеб. — Я уже поднял руки перед вашей проницательностью, что вам еще нужно?

— Перья от зайца, — спокойно ответил шеф. И вдруг, багровея на глазах собеседника, закричал, потрясая кулаками: — М-мальчишка! Сумел найти уравнение поля с-самостоятельно, но ухитрился ничего не понять! Он, видите ли, работает здесь ради великой идеи межзвездной транспозиции! Он ходит, видите ли, руки в брюки, рычит на каждого встречного и упрямо не желает замечать, что ключи от хранилища этой идеи давным-давно звенят у него в кармане!

Окончательно сбитый с толку Глеб не нашел, что ответить.

— Извини, я погорячился... — Калантаров пожевал губами. — Но я как-то вдруг понял, в чем ущербность твоего мышления. Топаллер сказал, Калантаров сказал... Посмотри, что получается! Я на Меркурии, ты на «Зените» независимо друг от друга рожаем некую общую мысль и облакаем ее в математическую форму. Я узнаю об этом минуту назад, и то совершенно случайно. Математический, видите ли, опус! Уравнение показало, что перерасход энергии может быть объяснен появлением линзы эр-уплотнения за пределами альфа-экрана. Одна линза? Или?..

— Или количество, кратное трем.

— Верно. Даже это тебе удалось... Эх ты, заячий хвост! Смирненно проходишь мимо открытия! А все почему? Потому что согласно теории Калантарова эр-поле не может возникнуть вне условий альфа-экранировки. Калантаров, видите ли, когда-то сказал!.. Да, когда-то я об этом говорил. Говорил, основываясь на результатах первых экспериментов. Теперь же мы наблюдаем нечто другое...

— Простите, — перебил Глеб. — Маленькая поправка: пока мы ничего не наблюдаем.

Калантаров взял Глеба за руку, выбрал его указательный палец, провел по стене и молча сунул испачканный палец оппоненту под нос.

— Ну и что? — спросил Глеб, задумчиво разглядывая черный порошок и словно бы что-то припоминая.

— А то, что я не постеснялся вычислить возможные координаты этой самой гипотетической линзы эр-уплотнения. Потом взял подробную схему планировки верхнего яруса станции и нашел, что сей «математический опус» должен находиться в трех метрах от вентиляционного отверстия, которое возле входа в информаторий.

— Черная пыль!.. — пробормотал Глеб. И вдруг оживился: — Вчера ко мне подходил лаборант биологического сектора и что-то звонко чирикал про черную пыль... Вспомнил! Это тот самый «букварь», у которого сегодня сбежала горилла. Они там одели гориллу в скафандр, но им никто не сказал, что триста девятый эпсилон-шесть отменяется. Горилла сбежала и, говорят, слегка порезвилась в вакуум-створе или на продовольственных складах.

— Странно. Никто ничего мне не докладывал...

— Боялись пробудить администраторский гнев. Или оставили на десерт. Но дело не в этом... Черная пыль

якобы появлялась в каюте после эр-позитации на малой тяге.

— В каюте этого... м-м... «букваря»? На малой тяге?

— Вот именно!

— Это, пожалуй, самое любопытное... Надо будет сегодня же поговорить с... м-м... лаборантом.

— Может, прямо сейчас?

— Одну минуту! — Калантаров взглянул на часы. — Я дал Туманову указание провести цикл эр-позитации на малой тяге. Сейчас будет пуск — посмотрим. Потом отправим Алексеенко и Ротанову на «Дипстар», проводим восvoja представителя техбюро и немедленно займемся разработкой методики новых экспериментов.

— Предстоит порядочная возня... — Глеб вздохнул.

Неприятно завывала сирена.

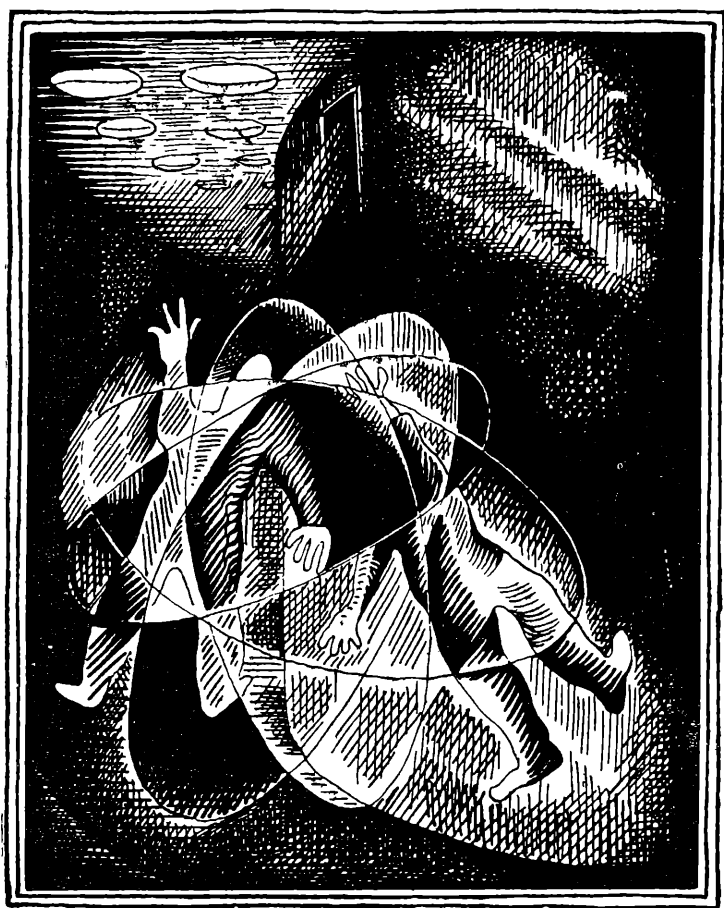
В ожидании толчка Глеб машинально отставил ногу для устойчивости и подумал, что, если посыплется черная пыль, у Калантарова будет забавная физиономия...

Неожиданно потемнело. Глеб почти ничего не успел заметить: в одно мгновение вокруг образовалось что-то вроде темного сфероида, изрезанного по меридианам узкими полосами света. Появилось странное ощущение, будто сфероид медленно и тяжело поворачивается вокруг невидимой оси и будто сквозь тело прошла волна раскаленного воздуха...

Толчка не было. Было нечто очень похожее на оплеху. Затем молниеносно исчез сфероид и... появилось ощущение падения. Глеб испытал двойной удар — снизу и сверху, крикнул, перевернулся на бок и сел. Рядом крикнул и сел Калантаров.

— Ушиблись? — спросил кто-то участливым голосом.

Глеб осмотрелся и сначала ничего не понял. Он находился в огромном зале, похожем на зал третьей секции вакуум-створа... Да, это был вакуум-створ. Вне всяких сомнений. Настоящий вакуум-створ с его погружно-разгрузочными механизмами! У причала ярко светились трюмы космического корабля — сквозь гул, металлический лязг, жужжание, звонки доносились команды: «Мираж», пятый трюм, подавайте контейнер!» — «Сурия, подключили насос?.. Хорошо. Начинайте слив малого танка!» Глеб ошалело встряхнул головой.

— В себя приходит, бедняга... — сказал участливый голос. — И чего это к нам вдруг повалили? Утром как снег на голову сюда свалилась мартышка ростом с нашего Карлсона! Теперь вот двое человекообразных пожаловали. Хи-хи...

— Помолчи, — оборвал его бас. — Это же сам Калантаров и один из физиков, которые на «чердаке»... Может, они эксперимент проводят, понял? А ты — «хи-хи». Соображать же надо!

— Да я разве против? — оправдывался первый голос. — Пусть себе проводят. Только зачем в нашей секции проводить? Карлсону вот ящиком в глаз залимонили, одного мальчонку из биологов чуть не сгубили. После их экспериментов в продовольственных складах нужно воскресники организовывать.

Глеб взглянул на Калантарова. Он еще никогда не видел начальника таким растерянным, изумленным, испуганным и смущенным одновременно.

— Эй, вам нужна наша помощь? — крикнул голос третьего незнакомца.

— Где разговаривают? — спросил Калантаров, озираясь по сторонам.

— Там, — кивнул Глеб, — наверху... На мостике дистанционного управления.

Он поднял глаза, с мостика, перегнувшись через поручни, смотрели трое. Двоих Глеб узнал: старшего створ-диспетчера Горелова и техника Карлсона, у которого правый глаз смотрел между двумя нашлепками биомидного пластыря.

— Почему вы молчите? — спросил Карлсон. — Вам нужна наша помощь?

— Нет, не нужна, — отозвался Глеб, потирая ушибленный локоть. — Мы отдыхаем.

— Потрясающе!.. — произнес Калантаров. — Микро-дистанционный ТР-перелет!

— Нам просто повезло, — мрачно заметил Глеб. — Будь эта микродистанция чуточку длиннее, нам с вами пришлось бы обмениваться впечатлениями в открытом пространстве. Бр-р-р... Причем вам повезло дважды. Вы очень удачно финишировали на моей спине. Как самочувствие? Серьезных ушибов нет?

Калантаров поднялся на ноги, потер зад.

— Порядок, — сказал он, странно улыбаясь. — Между прочим, я первый раз побывал в гиперпространстве...

— Между прочим, я тоже, — сказал Глеб. — И знаете ли, меня это как-то не восхитило.

Он встал, крикнул наверх:

— Эй там, на мостике! Покажите нам место, где шлепнулась обезьяна.

— Примерно тут же, — пробасил Горелов.

— Нет! — поправил Карлсон. — Я видел! Гораздо левее! — Он быстро спустился с мостика и показал где.

Глеб измерил расстояние шагами. Разница была солидная: между точками первого ТР-финиша и второго он насчитал пять с половиной шагов. Затем он попросил у Карлсона угломер: «Ну хотя бы из тех, которые ставят на штангах грузоукладчиков», — и произвел

на полу нужные измерения. Калантаров, потирая уши-бы, следил за ним взглядом.

Глеб вынул из кармана маленький диктофон, продиктовал полученные цифры измерений.

— Ну вот, — сказал он, перематывая диктофонную катушку. — Неплохо было бы выпить лимонного сока, но в продовольственный склад нас теперь, конечно, не пустят. Из соображений предосторожности. Скверно... Я и не знал, что гиперпространство так неприятно сушит во рту.

Калантаров молчал. Со стороны могло показаться, будто бы он внимательно слушает собеседника.

— Нас ждут в диспетчерской, — тихо напомнил Глеб.

— М-да, — пробормотал Калантаров. Взглянул на часы, поднял брови, повертел головой: — М-м... всегда забываю, как тут пройти к лифту.

Путь наверх проделали молча. Глеб усталости не чувствовал, но разговаривать не хотелось.

У входа в кольцевой туннель Калантаров обрел наконец привычную уверенность в себе.

— Как настроение, оператор? Сегодняшний ТР-запуск — дело ответственное. Надо, чтоб все без сучка и задоринки, с минимальным расходом энергии. Для представителя техбюро расход энергии — особая статья, и с этим нужно считаться. Многое зависит от оператора, и ты сегодня должен показать свое искусство в полном блеске. Кстати! — Калантаров прищурил глаз. — Есть ли какой-нибудь смысл в расчетах, которые ты собираешься делать?

— Ну как же... — Глеб растерялся. — Ведь любопытно узнать хотя бы приблизительное направление спорадической эр-позитации. Или, может быть, вы уже знаете, где кончается новый туннель?..

— Знаю. Начинается возле диспетчерской и кон-

чается в вакуум-створе. Иногда попадает в кабину этого... м-м... лаборанта.

— Начинается, кончается... — устало сказал Глеб. — Я, наконец, не лаборант биологического сектора. Неужели вам обязательно нужно, чтобы я с восторженностью ребенка стал выкладывать перед вами элементарные истины из нашей области знаний? Вы будете благосклонно внимать и тихо радоваться. А, собственно, чему? Тому, что я — ваш ученик — знаю разницу между туннелем в гиперпространстве и локальным участком эр-позитации, который действительно может кончаться в вакуум-створе? Или тому, что слишком короткий ТР-перелет на этом участке я отлично могу объяснить недостатком энергетической мощности и размытой фокусировкой эр-поля? Нужно ли...

— Нет, — перебил Калантаров, — это не нужно. Нужна добротная рабочая гипотеза.

— У вас уже есть такая гипотеза.

— И не одна. Ну, скажем, все чудеса можно было бы объяснить вязкостью гиперпространства — правда, с великой натяжкой. Или, скажем, математическим опусом...

— Или тем, что где-то в звездных глубинах нашей Галактики работает чужая ТР-установка, — добавил Глеб.

Калантаров остановился, посмотрел на Неделина.

— Извини, — сказал он серьезно, — но это фантастическая мысль, и мне самому потребовалось некоторое время, чтобы к ней привыкнуть. ТР-кувырок в вакуум-створ на малой тяге убедил меня окончательно. Это попытка межзвездного ТР-перехвата.

— Да, — сказал Глеб. — Я даже понял, почему ТР-перехват не удался.

— Почему? — быстро спросил Калантаров.

— Недостаток энергетической мощности и размытая фокусировка эр-поля.

— Пока это только наша гипотеза.

— Неужели? — удивился Глеб. — Снимите брюки и взгляните, какие великолепные синяки оставила эта гипотеза на ваших начальственных ягодицах.

В кольцевом туннеле было по-прежнему светло, пустынно и тихо. Глеб поймал себя на том, что невольно вслушивается в эту тишину и что теперь она кажется ему тягостной и тревожной... Калантаров молчал и тоже как будто прислушивался. После сегодняшних событий даже легкий шорох шагов воспринимался как нечто кошунственное.

Не сговариваясь, они прошли мимо двери диспетчерской дальше, туда, откуда так неожиданно провалились сквозь гиперпространство в вакуум-твор. Хотя понимали, что ничего нового там не увидят.

Но странное дело: как только выяснилось, что ничего необычного на этом месте действительно нет, каждый из них какое-то время старательно прятал глаза. Чтобы не выдавать своего глубокого разочарования. Постояли, разглядывая стены и потолок.

— По-моему, здесь чувствуется запах озона... — не совсем уверенно произнес Калантаров. — Ты не находишь?

Глеб несколько раз втянул воздух носом.

— Не нахожу, вам, наверное, показалось. И потом здесь был бы гораздо уместнее запах серы.

— С какой это стати? — рассеянно осведомился Калантаров.

— По свидетельству средневековых очевидцев, все известные в те времена случаи транспозиции непременно сопровождались запахом серы. Да и как могло

быть иначе, если секретом транспозитации в прошлом владела нечистая сила.

— Верно. Представители небесных сил пользовались исключительно эффектом антигравитации: явление народу, вознесение, хождение по водам...

Со стороны центрального входа слышались шаги. Шагало несколько человек, и Глеб уже знал, кто именно, хотя людей еще не было видно за поворотом черной стены.

Первым вышел Валерий. Потом показалась Астра. Оба в скафандрах. Шествие замыкали Дюринг и Ференц Ирчик, старт-инженер группы запуска.

Валерий молча обменялся с Калантаровым и Глебом прощальным рукопожатием. Остановился перед люком и, салютуя, четким движением вскинул руку над шлемом ладонью вверх. Медленно опустил прозрачное забрало. Рыцарь космоса к поединку с гиперпространством готов.

Калантаров обнял Астру за твердые плечи скафандра: «Счастливой транспозитации!» Встретив просительный взгляд Глеба, повернулся и, не оглядываясь, зашагал в диспетчерскую.

Глеб обнял Астру, заглянул в шлем. Торопливо вспорхнули ресницы, и большие глаза стали доверчиво-робкими. Безмолвный и мягкий упрек: «Ты показался мне странным сегодня».

Быстрый, но тоже безмолвный ответ: «Я виноват, прости. И не будем больше об этом». — «Не будем». — «Я благодарен тебе. Жаль, что ты улетаешь...»

— Может быть, скоро все переменится, — сказал он. — Мы нащупали новое направление вопреки Топалеру. И может быть, скоро я буду ждать твоего возвращения со звезд. И кончится эта проклятая карусель.

— Миры на ладонях?.. — тихо спросила она.

— Это пока лишь надежда. Хрупкая, многообещающая, как и твое имя, Астра.

— До свидания, Глебушка! Ждут меня, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Глеб. — До свидания. Счастливой транспозиции!

Он постоял, наблюдая, как ТР-летчики спускаются в люк. Потом спохватился и побежал в диспетчерскую.

8 Участники предстоящего эксперимента были в сборе, и внешне все выглядело благополучно. Калантаров стоял, склонившись над клавиатурой управления, остальные сидели. Квета сидела рядом с Тумановым, Гога напротив, чернобородый Казура как-то очень ненужно и одиноко сидел в стороне, тщательно пытаясь изобразить на лице вежливое равнодушие. Глеб занял свое место за пультом, бегло окинул товарищей взглядом и сразу понял: что-то произошло. Калантаров был чем-то слегка раздосадован, Туманов выглядел пристыженным и разозленным, Квета — смущенной.

— Внимание! — тихо сказал Калантаров. — На случай гравифлаттера всем пристегнуть привязные ремни. Зашевелились, пристегивая ремни.

— Туманов и Брайнова открыли на малой тяге новый эффект, — не поднимая головы, проворчал Калантаров. — Занятный эффект. В начале цикла они наблюдали три четырехлучевых звезды, под конец несколько больше. Сколько именно, никто из них не удостоился полюбопытствовать.

Глеб молчал. Было ясно, что сообщение Калантарова адресовано ему, однако он молчал, не спуская с Калантарова глаз, потому что не имел ни малейшего понятия, о чем идет речь.

— И никакого перерасхода энергии, — добавил шеф.

— Эр-позитацию мы провели в режиме триста пятого эксперимента, — хмуро вставил Туманов. — А в триста пятом, мне помнится, перерасхода не было.

— Да, но не было и никакого эр-эффекта, — напомнил шеф. — Сегодня есть эффект, но нет перерасхода. — Насмешливо, зло посмотрел на Туманова: — Ощущаете разницу?

Туманов не ответил.

— По-моему, звезд было девять, — неожиданно сообщил Гога. — Зрительная память у меня хорошая. Сначала три, потом девять.

— Это по-твоему, — сказал Калантаров. — Впрочем, я не теряю веры в счастливые времена, когда мы все же научимся смотреть на вещи и явления глазами ученых. Внимание! Всем приготовиться.

Калантаров выпрямился, оглядел присутствующих.

— Итак, — сказал он, — эксперимент триста девятый эпсилон-восемь по программе «Сатурн». Приступаем к выполнению параллельно-сдвоенной транспозитации. ТР-передачу проводим в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Вопросы есть?

— Есть! — встрепенулся Казура. — Скажите, это очень рискованно? Я имею в виду... э-э... для ТР-летчиков.

— Я понял. Да, в какой-то степени рискованно.

— Я полагал, что получу подробный инструктаж, — кисло произнес Казура. — На случай непредвиденных осложнений.

— Еще вопросы?

Молчание.

— Вопросов нет, всем все ясно. — Калантаров по-

щелкал клавишами связи. — Дежурный, прошу связь с диспетчером энергетического обеспечения.

— Диспетчер системы энергетического обеспечения Воронин, — громко ответили скрытые в пультах телефоны. — Здравствуй, Борис. У нас все готово, пять СЭСКов нацелены на «Зенит», ожидаем сигнала.

— Здравствуй, Владимир. Все остальные СЭСКи и Центральную энергостанцию Меркурия заявляю в резерв на ближайшие полчаса.

Воронин выдержал паузу. Осторожно спросил:

— Я не ослышался?

— Нет. Центральную и одиннадцать СЭСКов в резерв. Понял?

— Понял. Если я лишу энергии меркурианских потребителей на полчаса... Знаешь, что мне за это будет? Базы, рудники, космодромы, вакуум-станции!..

— На время экспериментов серии эпсилон-восемь ты просто обязан обеспечить требуемый резерв. Кстати, сейчас отчаливает «Мираж», и вы уж там поставьте не угодить в него энерголучами. У меня все. Дежурный, прошу связь с командной рубкой «Миража».

— Командир космического трампа «Мираж» Антуан-Рене Бессон. Слушаю вас.

— Кораблю старт.

— Вас понял. Кораблю старт.

Задребезжал зуммер. Где-то внизу, в вакуум-ство-ре, сработала автоматика, захлопнулись люки, тяжелые гермоштиты перекрыли доступ в палатки; цилиндрическое тело корабля дрогнуло и сначала медленно, потом все быстрее и быстрее стало отваливать от причальной площадки, осветив теньевую сторону астероида стартовыми огнями и пламенем маневровочных дюз.

— Антуан, — позвал Калантаров, — дай нам, пожалуйста, видеопанораму «Зенита».

Круглый светильник под куполом диспетчерской померк, на фоне черных стен проступило стереоизображение астероида. Это была слегка удлинённая, неправильной формы космическая глыба, облицованная сверкающими в солнечных лучах плитами жаростойкой стекло-керамики. Глыба медленно отплывала и (по мере исполнения маневра «Миражем») плавно поворачивалась к наблюдателям «дневной» поверхностью. Освещенные желоба причальных площадок скрылись за линией горизонта, и в какой-то момент астероид стал очень похож на кубок, грубо сработанный из тяжелого обломка горного хрусталя. Над астероидом возшло непривычного вида созвездие крупных звезд. Это было созвездие космических энергостанций системы СЭСК.

Калантаров тронул клавиши дистанционного управления — сверкающая поверхность астероида покрылась черными бородавками энергоприемников.

— Достаточно, Антуан, спасибо, — сказал Калантаров. Вспыхнул свет, изображение исчезло. — Включайте сигнал общего действия.

На этажах станции завывала сирена. От СЭСКов протянулись к «Зениту» светящиеся в пространстве следы энергетических трасс, станция наполнилась гудением энергонакопителей. Вспыхнули титры световых команд, защелкали датчики времени, гравитронные шахты бесшумно переливали в ожелезненные недра астероида море искусственной тяжести, инженеры, диспетчеры и операторы групп ТР-запуска готовились к первому циклу транспозиции. Далеко внизу, на самом дне последнего яруса, застыли на когертонах ТР-летчики в полужестких скафандрах. А где-то возле Сатурна десятки глаз сотрудников станции «Дипстар» напряженно следили, как на шкалах квантовых синхротаймеров

истекают последние секунды перед включением ТР-приемной установки.

— Ротанова, Алексеенко, доложите готовность, — распорядился Калантаров.

Голос Астры: «Готова!»

Голос Валерия: «Готов!»

— Внимание, — предупредил Калантаров. — Малая тяга. Пуск!

Глеб взял первый аккорд на клавиатуре пульта. Жужжание эритронов перешло в гораздо более высокий звуковой диапазон. Мягкий толчок. В межпультовом пространстве шахты вспух похожий на пленку мыльного пузыря мениск оптической реконверсии эр-поля. На поверхности «пузыря» проступило крупное, четкое, несколько деформированное по законам сферической геометрии изображение карандаша в металлическом корпусе с надписью «Радуга». Брови Калантарова взлетели вверх — он был необыкновенно озадачен и нуждался в объяснениях.

— Это я виновата, — торопливо призналась Квета. — Был толчок, и карандаш скатился...

Калантаров остановил ее жестом — на поверхности мениска, накладываясь на изображение карандаша, возникали и угасали четырехлучевые белые звезды. Одна за другой, через равные промежутки времени. Звезд было три.

Глеб засмотрелся на звезды и пропустил момент включения противофазовых успокоителей. Поверхность мениска заколебалась от судорожных биений, напряженность поля стремительно возрастала. У Глеба взмокла спина. Он брал аккорд за аккордом, пытаясь стабилизировать положение, и это ему в основном удалось, однако серия резких толчков выдала, что называется, с головой его операторский промах.

Снова появились белые звезды. Одна за дру-

гой, через равные промежутки времени. Звезд было девять...

Кроме Казуры, все были заняты в этот момент, и обмен мнениями, естественно, откладывался. На устрашающе высокой ноте звенели эритроны, вразноголосицу трещали зуммеры стартовых служб. Два коротких гудка — сигнал зарождения мощного импульса преобразования энергии, начало большого цикла. Возросла искусственная тяжесть, и прежде всего эту возросшую тяжесть уловили руки операторов — стало труднее работать на пультах.

Туманов, Квета и Гога ассистировали сегодня на редкость согласованно, Глеб обобщал усилия операторов, создавая сложную, но точную схему эр-позитации на основе заданного режима. Наконец, последний аккорд — ТР-запуск по созданной схеме проконтролируют автоматы. Глеб откинулся в кресле, опустил свинцово-тяжелые руки на подлокотники.

Он почти физически ощущал, как под давлением стихии космических сил, разбуженных в камере транспозитации, неотвратно прогибается пространство... Там, в этой камере, довольно быстро возникает нечто, называемое для удобства «гиперпространственным туннелем». Трудновообразимое нечто, сокрытое для непосредственного восприятия абстрактной формой громоздких математических уравнений. Но все идет так, как надо, все идет хорошо. Если, конечно, не слишком тревожить себя феноменом белых звезд и смутным нехорошим предчувствием. Скорее бы последняя команда: «Пуск!»

— Я прав, — нарушил молчание Гога. — Звезд было девять.

— Три, потом девять, — добавил Глеб. — Поздравляю. Мы открыли способ гиперпространственной видеосвязи.

— Тройка в квадрате... — пробормотал Туманов. — Это сигнал. И если это сигнал не с «Дипстара», я отказываюсь понимать...

— Да, — сказал Глеб. — Это сигнал не с «Дипстара». Это скорее...

Глеб встретился глазами с Калантаровым, умолк. Нехорошее предчувствие мгновенно уступило место ясному ощущению чего-то непоправимого.

У Калантарова было незнакомое, страшноватое лицо, глаза ввалились, подбородок окаменел. Огни индикаторов пульта освещали это лицо волнами оранжевого и пронзительно-голубого цвета.

— Это не видеосвязь, — жестко сказал Калантаров. — Вернее, не только видеосвязь. Это единственно мыслимый способ сверхдальней фокусировки эр-поля. И понял я это слишком поздно...

Он опустилсЯ в кресло.

— Если бы можно было, я отменил бы транспозицию.

Глеб подался вперед и замер, задержанный привязными ремнями.

— Почему нельзя отменить транспозицию? — спросил Казура.

— Потому что высвободившаяся внутри защитного контура энергия превратит астероид в металлическую пыль, — пристально глядя на Калантарова, пояснил Гога. Он тоже почуял неладное.

Однако из шестерых присутствующих лишь Калантаров и Глеб были встревожены по-настоящему. Волны голубого огня захлестывали оранжевое сияние, звуковые сигнализаторы синхротаймеров отсчитывали последние секунды большого цикла. Калантаров и Глеб с непонятным для остальных напряжением ожидали момента включения стартовой тяги. Смотрели друг друга в глаза и, оцепенев от страха за людей, стоящих в

камере на когертонах, ждали развязки. И ничего не могли изменить. «Неужели ничего нельзя придумать, шеф?!» Калантаров опустил глаза. Нет, конечно. Три ТР-установки — «Зенит», «Дипстар» и чужая — работают в одном режиме. И всему виной карандаш, упущенный Кветой в блок эритронов. Вернее, его изображение, которым быстро воспользовались чужаки для точной фокусировки эр-поля. Слишком точной, судя по четкости изображения ответного сигнала — белых звезд!..

Глеб лихорадочно перебирал в уме возможные последствия ТР-запуска. Очень мешала уверенность в том, что Калантаров вот так же лихорадочно пытается найти какой-то выход. И не находит. Из шестерых сейчас только двое могут искать выход. Коллектив сужается и расширяется, коллектив пульсирует. Сейчас наш коллектив в состоянии коллапса. Я и вы, вы и я — всего двое, и на нас вся надежда.

— Принимаем вызов, — сказал Калантаров. — Иного выхода нет. Пуск!

Иного выхода нет... Глеб взял аккорд, высвобождая энергию для стартовой тяги. Завыла сирена.

До боли в пальцах Глеб вцепился в подлокотники кресла. Всю жизнь мечтать о звездной транспозиции и теперь, когда судьба мимоходом небрежно швыряет в лицо эту фантастическую возможность, цепенеть от ужаса, бессильно ожидая катастрофы! Миры на ладонях...

Чудовищный толчок. Светильник под куполом съехал и угас, и словно раздвинулись в куполе вертикальные узкие заслонки, брызнув в затемненную диспетчерскую мертвенно-голубым светом. Глеб машинально поправил сползшие привязные ремни. Бледно светящий-

ся мениск пульсировал. На первый взгляд пульсация была нормальной.

Щелкали синхротаймеры, эритронов не было слышно — их надоедливый звон, как всегда, сместился в область ультразвуковых частот. Оранжевое пламя индикаторов тускло. «Девять секунд, — подумал Глеб. — Через девять-десять секунд все будет ясно...»

— Пять. Шесть. Семь!.. — четко скандировал Гога. — Восемь. Девять. Десять! Одиннадцать...

— Внимание, Воронин! — прозвучал голос Калантарова. — Первая очередь энергорезерва... Пуск!

— Есть первая очередь! — доложили тонфоны.

Ярко вспыхнуло оранжевое озеро, осветив Калантарова снизу. «Борьба! — сообразил Глеб. — Схватка в гиперпространстве! Не дать захлебнуться стартовой тяге!» Глеб подергал кисти дрожащих рук, положил пальцы на клавиатуру.

— Пульсация возрастает, — бесстрастным голосом предупредил Туманов. — Выше нормы на две и четыре десятих.

Не дожидаясь команды, Глеб торопливо взял аккорд.

— Внимание! — резко сказал Калантаров. — Вторая очередь... Пуск!

Сильный толчок. Станция затрепетала от первого до последнего яруса, пронизанная мощными волнами гравифлаттера. Вверх-вниз, вверх-вниз, как на качелях. Глеб стиснул зубы. Взлет, невесомость, падение — кружится голова, чувствуешь горлом все свои внутренности... Хуже всех приходилось Калантарову. Он не успел пристегнуться ремнями и теперь, уцепившись за крепло, выделывал довольно сложные акробатические номера. Если сломаются подлокотники... Нет ка-

жется, все обошлось. Молодцы гравитроники — справились!

«Качели» замерли. Взъерошенный Калантаров снова стал к пульту.

— Пульсация в пределах нормы, — доложил Туманов.

— Пошла вторая минута стартовой тяги! — встревоженно сообщил Гога.

— Напряженность эр-поля ослабевает, — сказал Глеб. — Я с трудом удерживаю фокусировку.

— Держать! Воронин, внимание! Дашь мне третью очередь по команде.

— Если выдержат ваши энергоприемники, — возразили тонфоны. — Вы берете на себя всю мощь меркурианской энергосистемы.

Калантаров сел, торопливо застегнул ремни. Слишком суетливо он это делал, рывками, и Глеб понимал его состояние. Они встретились взглядами, Калантаров сказал:

— Энергетики правы, я не знаю, как это будет. Но люди в гиперпространстве, надо удержать фокусировку. Вся надежда на тебя. — Он согнутым пальцем надавил клавиш связи. — Воронин, внимание! Третья очередь. Пуск!

Мощный толчок и что-то похожее на отдаленный гул. В неуловимо краткий миг верх и низ поменялись местами — судорожно взмахнув руками, Глеб повис на ремнях над слабо светящейся чашей опрокинутого купола. Затем стремительный переворот — свинцовая тяжесть на плечи, и все вдруг поехало в сторону: ремни врезались в тело, ослабевали, снова врезались, было больно и жутко — станцию трепала вторая волна тяжелого гравифлаттера. «Конец гравитронам!..» — подумал Глеб и на секунду прижмурил глаза, заставил себя воспротивиться головокружению и сосредоточиться.

Вселенная сузилась до размеров пульта, каждый клавиш — звездный рукав Галактики. Глеб широко открыл глаза и положил пальцы на клавиши...

Глеб работал. Это была тяжелая работа на грани меркнувшего сознания, работа в условиях, когда неистовая пляска гравитации в любое мгновение могла свести к нулю все усилия оператора. Цифры на табло то замирали, то начинали мелькать, сливаясь в запутанные серые клубки, и только быстрота реакции Глеба в сочетании с его прославленным даром интуитивно предугадывать все капризы эр-позитации помогала удерживать ТР-передатчик в стабильном режиме. Но до каких же пор?!

Внезапно в шахтном колодце раздался громкий хлопок. Показатели мощности стартовой тяги взлетели до величин невероятных! Гравифлаттер прекратился, но Глеб не сразу это заметил. Зато он сразу заметил странную эволюцию мениска: призрачная «пленка» высоко вздулась большим продолговатым пузырем и быстро пошла на спад. В последний момент перед исчезновением мениска Глеб увидел беспомощно запрокинутую голову обвисшего на ремнях Калантарова. И еще он успел увидеть, что за пультами работали двое — Туманов и Квета, а Гоги почему-то не было. Не было и Казуры. Потом Глеб уже ничего не видел, огромная тяжесть вдавила его в амортизаторы кресла, перед глазами вспыхнули зеленые круги. «Пошла энергия!» — мелькнула мысль. Вся пошла, без остатка, лавиной — последний импульс — выстрел в неизвестность.

Страшной и неожиданной силы удар! Шахтный колодец откликнулся гулом... Нет, это даже не выстрел — это мощный энергетический залп.

Гул смолк, и наступила тишина. Глеб несколько секунд сидел с закрытыми глазами. Под куполом мед-

ленно наливался желтым сиянием круглый светильник. Кто-то плакал навзрыд. Глеб зашевелился, отстегивая ремни. В кресле напротив зашевелился и стал отстегивать ремни Калантаров.

Глеб дошел до Гогиного кресла, потрогал порванные ремни. Огляделся в поисках самого Гоги и только теперь обратил внимание, что все остальные звуки в диспетчерской заглушает неистовый плач. Плакала Квета. Рыдала по-детски откровенно, в полный голос, лицо в ладони, плечи и огненно-рыжая голова сильно вздрагивали. Туманов сидел неподвижно с совершенно белым лицом и смотрел почему-то на Глеба. Глеб постоял, не зная, что предпринять, и увидел, где лежит Гога. Гога шевельнул ногой. Потом Глеб увидел Казуру. Вернее, увидел руки и ноги Казуры, торчащие в разные стороны из-под его поверженного кресла. Представитель техбюро пребывал в состоянии пугающей неподвижности...

Опираясь на локти, Гога сделал попытку привстать и, привалившись к стене плечами и затылком, замер. Глеб подошел и протянул ему руку. Гога, не шевелясь, спокойно смотрел на товарища.

— Ты что? — насторожился Глеб. — Не можешь подняться?

— Сначала его, — посоветовал Гога, кивнув на Казуру.

Ремни, которыми был пристегнут Казура, оказались прочнее замковых петель, крепивших его персональное кресло к «пяточку», отведенному для наблюдений. Казуре очень повезло. Благодаря амортизаторам спинки, сиденья и подлокотников представитель техбюро грохнулся в стену со всем возможным в подобных условиях комфортом.

Убедившись, что представитель техбюро был лишь

слегка оглушен, Глеб помог ему встать на ноги и возвратился к Гоге.

— Нет, — сказал Гога, — оставь меня здесь. Пони-
маешь... кажется, я сломал ногу.

— Кажется? Или сломал?

— Врачи разберутся... Транспозитация удалась?

Глеб промолчал.

Туманов сбросил с себя привязные ремни, встал и, сутулясь, молча побрел к выходу.

— Кирилл Всеволодович! — окликнул его Калантаров.

— Кир! — крикнул Глеб.

Туманов не обернулся. Глеб смотрел ему вслед, пока не захлопнулись створки двери. Казура все еще стоял там, где его поставили, и ошалело разглядывал полуоторванный рукав своего парадного пиджака. Калантаров с треском переключал командные клавиши. Квета рыдала.

— Расстегните ее кто-нибудь! — поморщился Калантаров.

Поскольку «кем-нибудь» здесь был сейчас только Глеб, он и поспешил выполнить это распоряжение.

Квета перестала плакать, только судорожно всхлипывала, растирая мокрые от слез красивые длинные пальцы. Глеб машинально искал в карманах носовой платок, не нашел и, бросив взгляд на приборные табло, медленно опустил в кресло Туманова...

— Воронин, как слышишь меня? — вполголоса спросил Калантаров.

— Связь появилась, — с облегчением произнесли тонфоны. — Ну как вы там? Я уж беспокоиться начал. Шубин тебя вызывал, тоже страшно обеспокоен.

— Энергоприемники уцелели?

— Энергоприемники?.. Да у вас жаростойкая об-

лицовка оплавилась! Понял?! Астероид вышибло на другую орбиту! Вы транспозитировали столько энергии, что мы уже потеряли веру в благополучный исход!..

— Понял. У меня все. Передай Шубину, пусть подождет. Связь временно прекращаю.

Калантаров подошел к Глебу, опустил руку ему на плечо. Уставился на колонки цифр, застывших в окошечках табло. «Он еще на что-то надеется, — понял Глеб. — Ну что ж, смотрите. Смотрите внимательно, Калантаров, и крепче держитесь за мое плечо — это вам сейчас, наверное, пригодится...» Рука Калантарова вздрогнула.

— Дефект массы — сто десять килограммов, — не оборачиваясь, сказал Глеб. И вяло удивился собственному спокойствию.

— Значит, Ротанова...

— Да. Это ее масса... В скафандре, конечно. Валерий, судя по всему, прошел на «Дипстар» без осложнений.

Приблизился Казура. Поддерживая сползающий рукав, спросил:

— Летчики живы?

— Дифференциация массы, — рассеянно ответил Калантаров. Отстранив Казуру, сел в свое кресло, быстро нажал нужные клавиши: — Дежурный, соедините меня с диспетчером дальней связи Меркурия.

— Вы можете ответить, что случилось? — спросил Казура.

— Случилась межзвездная транспозиция, — устало ответил Глеб. — Другими словами, Валерий финишировал на «Дипстаре», Астра... Астра неизвестно где.

Забыв про рукав, Казура ошеломленно переводил глаза с Глеба на Калантарова и обратно. Глеб уви-

дел, что Квета уже хлопчет возле Гоги, негромко спросил:

— Хотите помочь?

— Конечно! — оживился Казура. — Что я должен сделать?

— У нас раненый. Предупредите врачей.

Казура бросился к выходу.

— Диспетчер дальней Меркурия, — сообщили тонфоны.

— Передача на «Дипстар», — сказал Калантаров. — Срочно: станцию немедленно задействовать на ТР-прием в режиме триста пятого эпсилон-шесть. Осуществлять непрерывное дежурство наблюдателей впредь до особого распоряжения. Возможный сигнал начала ТР-передачи — четырехлучевые белые звезды. Три, интервал, девять. Учитывая вероятность появления энергетического импульса высокой мощности, принять все возможные меры по безопасности. Калантаров. У меня все.

Калантаров откинулся в кресле. Он предпочел бы сейчас побыть в одиночестве, однако нужно было что-то ответить на вопрошающий взгляд оператора.

— Ну вот, — сказал Калантаров, сжав кулаки. — Свершилось... Первый Контакт. Сам видишь, какой цейной...

— Вижу. Энергоприемники? Смонтируем новые. Гравитроны? Заменяем. На неделю работы, от силы — на две. «Дипстар» задействован на постоянный прием. Что еще?

— Блажен, кто верует... — пробормотал Калантаров.

Глеб вскочил. Постоял, не спуская напряженных глаз с Калантарова. Медленно сел.

— Нет, — сказал он. — Она вернется. Если она не вернется, я стану врагом межзвездной транспозиции.

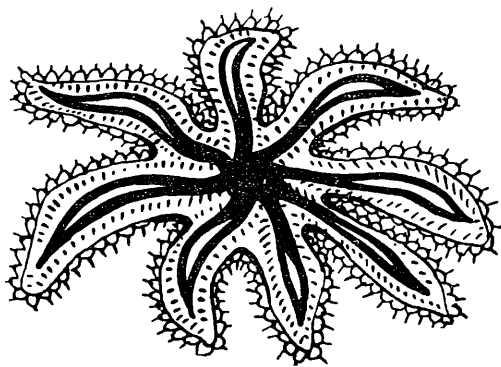
Как Захаров. Или, скорее, стану энтузиастом ТР-перелетов, как Алексеенко... Она вернется. Непременно вернется. Иначе... — Глеб понизил голос почти до шепота, — иначе и я, и вы, и все мы — просто безмозглые черви! Мы взялись за то, к чему абсолютно не подготовлены!..

— Вот именно, — произнес Калантаров, разглядывая темные ряды погасших индикаторов. — Или враги, или энтузиасты. И никакого представления о самой сути Контакта. А что есть Контакт? Где база морально-этической и философской готовности воспринять Контакт в его сегодняшнем качестве? А в завтрашнем? Ну, скажем, ты — одна из сторон межзвездного ТР-обмена. Здесь все понятно: человеческое любопытство, голубая детская мечта о дальних мирах, жажда познания — квинтэссенция природы гуманоида земного типа. Другая сторона межзвездного ТР-обмена — икс. Теперь на минутку допустим, что этот икс — негуманоид. Ну, скажем, разумная плесень или облако пыли, способное мыслить в каких-то специфических условиях своего мучительно загадочного бытия. Итак, это «облако» получает Астру в скафандре — кусочек органического вещества в неорганической упаковке. Мы получаем десяток-другой кубических километров пылевидной материи в упаковке из электромагнитных полей... Контакт? Конечно! Межзвездный обмен информацией и образцами. На высочайшем технологическом уровне!.. Захаров был прав, когда говорил, что звезды могут принести не только радость. А мы забрались на «чердак вселенной», самонадеянно полагая, что главное для нас — достигнуть звезд. Остальное, дескать, приложится... Ну что ж, посмотрим, насколько прав был старик.

— Борис, — тихо сказал Глеб, — человек, которого я люблю, затерялся в пространстве... Туманов получил

психическую травму. Гога отделался сотрясением мозга и переломом ноги, Казура — легким испугом. Но никто не обвиняет вас. Мы понимаем, что это только начало, но никто не посмеет обвинить вас и в будущем. Прав Захаров или не прав, но, уж если мы забрались на «чердак вселенной», вряд ли кто пожелает спуститься вниз по рецепту Захарова. Я, например, не намерен. А вы? — Калантаров молчал. — Я жду ваших распоряжений.

СОДЕРЖАНИЕ

ОКЕАНАВТЫ

5

«ЧЕРДАК ВСЕЛЕННОЙ»

175

Павлов Сергей Иванович

ОКЕАНАВТЫ. Научно-фантастические повести.
М., «Молодая гвардия», 1972.

256 с., с илл. (Б-ка советской фантастики)

P2

Редактор *Б. Клюева*

Художник *Г. Перкель*

Художественный редактор *Б. Федотов*

Технический редактор *Г. Прохорова*

Корректоры *Э. Харитонова, Г. Трибунская*

Сдано в набор 21/11 1972 г. Подписано к печати
3/VIII 1972 г. А06989. Формат 70×108¹/₃₂. Бума-
га № 2 Печ л. 8 (усл. 11,2). Уч.-изд. л. 11,1.
Тираж 100 000 экз Цена 42 коп. Т. П. 1972 г.,
№ 202. Заказ 221

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». Москва, А-30, Сушевская, 21.

42 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

